ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

КУЛЬТУРНОЙ ХОРОГРАФІИ

ЗЕМЛИ

ВАРЯЖСКОЙ РУСИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

КУЛЬТУРНОЙ ХОРОГРАФІИ

ЗЕМЛИ

ВАРЯЖСКОЙ РУСИ,

СЪ УКАЗАНІЕМЪ ЕЯ ПРОЧИХЪ СТАНИЦЪ ВЪ ЕВРОПѢ И МѢСТА ЕЯ РОДИНЫ.

Schaff, das Tagwerk meiner Hände,
Hohes Glück, daß ichs vollende!
Laß, o laß mich nicht ermatten!
Nein, es sind nicht leere Träume;
Jetzt nur Stangen, diese Bäume
Geben einst noch Frucht und Schatten.
Goethe

СЪ ХОРОГРАФИЧЕСКОЮ КАРТОЮ.

Составилъ В. ЛЫЗЛОВЪ.

DK
72

ВИЛЬНА.

Типографія М. Б. Жирмунскаго, Нѣмецкая улица, домъ А. Манасевича.

1886.

Дозволено цензурою. 18 Января 1885 г. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ эпическихъ и легендарныхъ сказаніяхъ Русскаго народа ясно выдѣляется изъ обширныхъ его владѣній его сказочная земля,—чудный, недоступный островъ, извѣстный подъ названіемъ Чудоронины, лежащей у Лукоморья. Этотъ чудный островъ оказывается колыбелью Русскихъ витязей-богатырей и очевидно тожественъ съ землею Варяжской Руси, указываемой нашими лѣтописцами положительно при устьѣ Западной Двины. Историки, при опредѣленіи происхожденія нашего государства, игнорируютъ это указаніе лѣтописи, приставая къ другому ея указанію о прибытіи Варяговъ съ первымъ нашимъ государемъ изъ-за моря. Основываясь на этомъ указаніи, они стараются объяснить происхожденіе Варяговъ отъ Норманновъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ обратно: Норманы составляютъ продуктъ, и притомъ поздній,—продуктъ Варяжской славной и сильной культуры, происшедшей отъ Великой Славетчины, во главѣ которой всегда стоялъ Русскій народъ, заправлявшій Варяжскимъ обществомъ.

Составивъ исторію земли Варяжской Руси и рѣшившись на изданіе ея, только по разсмотрѣніи ея покойнымъ Н. В. Колачевымъ, б. корифеемъ нашей археологіи, я однакожъ счелъ необходимымъ составить предварительный Историко-Хорографическій очеркъ этой земли, въ которомъ сгруппировалъ данныя, опровергающія прежнія системы и теоріи о происхожденіи Варяжской Руси,—данныя, оказывающіяся въ хорографіи, генеалогіи и бытовой сторонѣ описываемой мною земли, которыя мы

сличили съ литературными свидѣтельствами и филологическими указаніями и легендарнымъ міромъ. При рѣшеніи своего вопроса, мы обратили вниманіе въ этомъ очеркѣ на такіе вопросы, которые учеными были рѣшены съ теоретической стороны, вопреки фактическимъ даннымъ, или къ которымъ они отнеслись скептически, напр. мы объяснили указанія на древнюю столицу Руссовъ—Луду или Лонзу, объяснили составъ и значеніе пословъ Олега и Игоря къ Грекамъ, провѣрили традиціи о Мономаховой Шапкѣ, сличили приговоры ученыхъ о значеніи и заслугахъ Іоанна Грознаго; сдѣлали попытку къ изслѣдованію въ высшей степени замѣчательной хорографіи нашей страны, языкъ которой уясняетъ культуру, администрацію,—дружинный составъ, генеалогію и одеонъ нашихъ предковъ, древнихъ Руссовъ, въ связи съ хорографіею, окружающею Смоленскъ; объяснили колонизацію древнихъ Грековъ и Римлянъ съ ихъ культами въ нашей странѣ, на сопоставленіи отрывочныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей съ хорографіею нашей страны и преданіями; и, наконецъ, прошли по слѣдамъ Руссовъ въ колыбель ихъ, къ верховьямъ Инда, присовокупивъ къ этому очерку разборъ притязаній рыцарей и Полякующихъ пропагандистовъ на культурныя ихъ преимущества и господство въ нашей странѣ надъ Русскимъ населеніемъ.

Составленіе мною исторіи земли Варяжской Руси вызвано было слѣдующаго рода обстоятельствами. Ни въ одной изъ мѣстностей нашего отечества я нигдѣ,—ни въ обществѣ, ни въ народѣ, не встрѣчалъ такой потребности къ составленію своей мѣстной областной исторіи, какую встрѣтилъ въ Люцинскомъ населеніи,—высказывающуюся въ храненіи народомъ самыхъ древнихъ, аллегорическихъ легендъ, чаяній и повѣрій, въ отвѣтъ на каковую потребность въ Русской литературѣ оказываются самыя отрывочныя, неполныя и противорѣчащія указанія на прошлую судьбу страны. Въ контрастѣ съ бѣдностью Русской литературы въ этомъ отношеніи, въ иностранныхъ литературахъ,

особенно въ Нѣмецкой и Польской, оказывается цѣлая масса трактатовъ о нашей странѣ, начиная археологическими, геогностическими, ботаническими и оканчивая періодическими, въ которыхъ прежде всего выступаютъ притязанія этихъ націй на принадлежность имъ нашей страны, заявляемыя вслѣдствіе будто бы насажденія Ливонскими рыцарями въ ней первой культуры, и христіанства, съ которыми наша страна, до вступленія въ нее рыцарей и Поляковъ, не имѣла даже и знакомства, по завѣреніямъ Нѣмецкихъ и Польскихъ писателей. Заручившись массою своихъ литературныхъ произведеній, имѣющихъ притязаніе на патенты интеллектуальнаго превосходства этихъ націй предъ Русскою, и указывая на наши замковыя укрѣпленія, какъ основанныя будто-бы рыцарями, на составъ нашей геральдики, происшедшей изъ ихъ націй, на господство у насъ Латинской пропаганды, они присвоиваютъ только себѣ право на составленіе исторіи нашей страны, призванной будто бы только ими къ культурной дѣятельности, а почему и процвѣтавшей только подъ ихъ управленіемъ. Оправдывая затѣмъ это право равнодушіемъ Русской литературы къ прошлой судьбѣ страны и варварскими предпріятіями Русскихъ для искорененія изъ страны закладнинъ Европейской культуры, обнаружившимися въ особенности при Іоаннѣ Грозномъ, и каковыхъ предпріятій Русское правительство держится и съ поступленіемъ нашей страны подъ его власть, чему доказательствомъ служатъ руины упомянутыхъ замковъ, они негодуютъ на ограниченіе прежнихъ правъ и вольностей своей шляхты и Католицизма. Такія притязанія Латинской пропаганды оказываются изъ сопоставленія ея историческихъ произведеній, резюмирующихся въ двухъ шедеврахъ по этой части: исторіи Польскихъ Инфлянтовъ Гильзена и исторіи Польской Лифляндіи Мантейфеля, изъ которыхъ первая составлена на Польскомъ языкѣ, а послѣдняя на Нѣмецкомъ. Минуя въ своихъ исторіяхъ способы водворенія своей пропаганды въ нашей странѣ и указанія на свои культурныя доблести, эти историки основою своихъ произведеній принимаютъ изложеніе дѣ-

яній Ливонскаго Ордена, которому частію принадлежала нѣкоторое время наша страна, дополняя это изложеніе перечисленіемъ нападеній Русскихъ на нашу страну и этнографическими и географическими абрисами, между которыми разбрасываютъ эскизы нашихъ замковыхъ руинъ, предпосылая имъ снимки съ Ливонскихъ магистерскихъ и архіепископскихъ гербовъ и печатей, какъ поступилъ Мантейфель во вновь изданной, въ 1878 г., своей упомянутой исторіи Польской Лифляндіи, но уже не на Нѣмецкомъ, а на Польскомъ языкѣ, украшенной предисловіемъ корифея Польской литературы Крашевскаго, въ которомъ предисловіи этотъ ветеранъ Полякующей пропаганды взываетъ къ своимъ патріотамъ о сочувствіи ихъ къ прошлой судьбѣ Инфлянтовъ, во имя строжитности, т. е. стародавности въ нихъ Польской націи.

Еще въ прошлыхъ 60 годахъ извѣстный нашъ археологъ П. Н. Батюшковъ старался разоблачить это самообольщеніе Латинской пропаганды о насажденіи ею первой культуры въ нашей странѣ указаніемъ на существованіе въ нашей странѣ, задолго до вторженія въ нее Латинскій пропаганды, Лучинскаго удѣльнаго княжества съ главнымъ его городомъ Лучиномъ, каковое стремленіе Батюшкова профессоръ Барсовъ однакожъ парализировалъ пуіуроченіемъ этого Лучина къ другимъ мѣстностямъ,—въ чемъ г. Барсовъ поступилъ ошибочно. По случаю появленія въ печати Инфлянтовъ Мантейфеля, желаніе мѣстнаго общества имѣть описаніе прошлой судьбы своей страны выразилось въ предложеніи мнѣ б. предводителемъ Люцинскаго дворянства К. Н. Паулиным и б. Витебскимъ губернаторомъ, покойнымъ П. Я. Ростовцевымъ составить историческое описаніе Люцинской земли. Задача была нелегкая, такъ какъ такого описанія на Русскомъ языкѣ не имѣется. Точнѣе говоря, наша страна имѣетъ исторію, если Вамъ угодно назвать этимъ именемъ компиляціи съ упомянутыхъ историческихъ хроникъ, но эту исторію можно назвать чѣмъ угодно: Польскою, Нѣмецкою, Литовскою, Латышскою и даже Шведскою, только не Русскою. Для Русской науки наша страна была мертвымъ,

неприступнымъ угломъ, который литераторы Латинской пропаганды такъ укрѣпили за собою, что Русскіе историки, обходя его въ своихъ изслѣдованіяхъ и останавливаясь преимущественно на Литвѣ, какъ бы оставили его на вѣчное владѣніе за своими противниками, тогда какъ она и составляетъ главный барьеръ въ борьбѣ Русскаго народа съ Латинами. Ободряясь одобреніемъ, которымъ нѣкогда удостоилъ насъ на своей ревизіи б. попечитель Московскаго Учебн. Округа, генер.-адъют Д. С. Левшинъ,— одобреніемъ строгаго нашего вниманія къ національнымъ интересамъ, доказаннаго нами въ обличеніи антинаціональности учебника географіи Даніеля, и, призвавъ на помощь энтузіазмъ юныхъ лѣтъ, который былъ отмѣченъ у насъ, какъ прямое и неприторное наше свойство, еще на студенческой нашей скамьѣ, нашимъ незабвеннымъ проф. Ф. Ѳ. Лоренцомъ, мы приступили со всею энергіею и самоотверженіемъ къ изученію обширной литературы Латинской пропаганды въ Ливоніи. Но составленное нами первое изложеніе судьбы б. Инфлянтскаго княжества оказалось не исторіею страны, а исторіею подвиговъ въ нашей странѣ рыцарей и Поляковъ или исторіею Ливоніи, при чемъ роль и значеніе страны въ судьбѣ Русскаго народа оказались стушеванными и невыясненными. И, дѣйствительно, исторія страны нашей заключается не въ описаніи судьбы замковыхъ твердынь и борьбы Россіи за Ливонію, но она имѣетъ гораздо далѣе обширный горизонтъ, замыкающій въ себѣ судьбу и Западно-Русскаго края и права на режимъ надъ нимъ Московскаго государства. Руководствомъ къ разрѣшенію своей задачи, съ этой стороны, мы приняли указаніе б. Товарища М. Н. П., князя А. П. Ширинскаго—Шихматова, которымъ онъ удостоилъ насъ на своей ревизіи въ 1867 году, состоявшее въ требованіи, при изученіи областной исторіи, обращать ближайшее вниманіе на мѣстную хорографію. Его указаніе спасло меня отъ ошибки, равно какъ и прежнее требованіе Д. С. Левшинымъ строгаго изученія географіи при преподаваніи Исторіи облегчило мнѣ рѣшеніе своей задачи. Я упо-

мянулъ объ этихъ высокихъ безпристрастныхъ моихъ руководителяхъ, благодаря свою судьбу за встрѣчу съ ними въ своей жизни: ихъ указаніями я былъ подготовленъ къ своему призванію, а почему, говоря словами Цицерона, я со взглядомъ этихъ высокихъ людей согласовалъ и мою мысль, и духъ, (excellentium virorum cogitatione mentem animumque conformabam).

Что же побудило насъ къ принятію на себя этого суроваго труда, отъ котораго отстранились даже адепты науки? Это сочувствіе къ судьбѣ нашей страны и вообще Литвы, какъ родины нашихъ предковъ, вызвало насъ къ внимательному изученію ея прошлаго времени, при которомъ мы убѣдились въ высокомъ историческомъ ея значеніи въ судьбѣ Русской націи и, какъ одинъ изъ сыновъ ея, я рѣшился на правдивое изложеніе ея судьбы. Прежде всего, считаемъ долгомъ въ краткомъ абрисѣ указать на ея историческое значеніе и объяснить программу своего изслѣдованія.

Историческое значеніе нашей страны высказывается въ двоякой роли. Первая ея роль высказывается, еще со временъ Ярослава М. и Рюрика Ростиславовича въ русификаціи Литвы, представителями каковой дѣятельности оказываются уже со времени Миндовга, начиная съ Теофила или Товтивила Полоцкаго князя, сами Литвины,—князья и бояре нашей страны: Довмонтъ Псковскій, Давидъ Гарденскій, Андрей Ольгердовичъ, Свитригайло, изъ котораго сонма многіе запечатлѣли свою преданность Православію и Русскимъ интересамъ своею кровью и нѣкоторые изъ нихъ канонизированы нашею Церковью въ ликѣ ея св. угодниковъ Божіихъ, какъ напр. Іоаннъ, Евстафій и Антоній, Виленскіе св. Мученики, по своему происхожденію тоже уроженцы нашей земли. Нѣмецкіе писатели заподозриваютъ этихъ Литовскихъ витязей въ искреннемъ принятіи Православія и освященіи ихъ Божіею благодатью, какъ напр. Энгельманъ (Изслѣдованіе хронологіи Ливонскихъ хроникъ 1859 г.) Довмонта Псковскаго считаетъ, какъ грубаго язычника, неспособнымъ для достиженія такой религіозной высоты, которую считаетъ возможною толь-

ко развѣ для своихъ рыцарей, напр. Плетенберга, удостоившагося на одномъ изъ сраженій съ Русскими видѣнія Богоматери на воздухѣ. Однакожъ Литовцы стояли на степени культурнаго развитія, благодаря руссификаціи, высшей, чѣмъ рыцари, которые никакъ не могли прельстить ихъ ни своею культурою, ни своею религіозною мистификаціею. Извѣстно всѣмъ глубокое презрѣніе передоваго Литовскаго общества къ рыцарской политикѣ и ея культурѣ, для чего довольно вспомнить имена, напр. Давида Гарденскаго, Кейстута, Свидригайлы и др. Быть можетъ, рыцари умѣли лучше пожить и повеселиться, чѣмъ Литовскіе витязи, лучше знали искусство щегольства и бездѣльничанья, чѣмъ простые Литвины; но послѣдніе въ XVI вѣкѣ, какъ показываетъ рѣчь Смоленскаго каштеляна Ивана Мелешки на сеймѣ 1589 года (Зап. Вѣст. 1862 г. Авг.), не могли свыкнуться съ Нѣмецкими обычаями. Напротивъ, еще въ XIV в., многіе изъ передовыхъ Литовцевъ, отстраняясь отъ Латинства, спѣшили уйти изъ своей родины подъ защиту Московской короны. Изъ такихъ переселенцевъ оказывается Жмудинъ Свербутъ, сопровождавшій Софію Витовтовну, во время пути ея изъ Литвы, для вступленія въ бракъ съ Московскимъ государемъ Васпліемъ Димитріевичемъ, который, перечисливъ его за то въ Московскіе дворяне, переименовалъ его фамилію въ Лызловъ, назначивъ ему девизомъ его герба стремя на золотомъ полѣ. Только въ Москвѣ Свербутъ порѣшилъ съ язычествомъ, принявъ Православіе подъ именемъ Григорія. Его потомство стояло всегда на стражѣ противъ пропаганды. При Московскихъ царяхъ они управляли приказами. А. Лызлову порученъ былъ патріаршій докладъ Ѳеодору Алексѣевичу о неумѣстности папскаго престола въ Православной Церкви. Они служили дѣятельно и Русской наукѣ. Для встрѣчи рѣчью высокообразованнаго боярина, кн. В. В. Галицына, при возвращеніи его изъ Крымскихъ походовъ, Софія Алексѣевна избрала дьяка Лызлова. Вторая роль нашей страны состояла въ служеніи ея ареною борьбы Русскаго народа съ Латинскою пропаган-

дою, разорявшею нашу страну, на каковой аренѣ Александръ Ярославовичъ Невскій и Довмонтъ Псковскій завѣщевають вѣрнымъ Псковичамъ борьбу съ рыцарями Ливонскаго Ордена, и отъ этого времени останутся памятными для исторіи страны имена многихъ Псковскихъ мужей и охочихъ людей или повольниковъ, изъ которыхъ фамиліи Радшей, Чапшей, Павшей, Селоговъ, Селилъ-Щертовскихъ усвоены нашею хорографіею. Сила и стремленія этихъ витязей были подавляемы и сдерживаемы одновременною борьбою съ Татарами. Но вотъ, по окончаніи ея, для рѣшенія спорнаго, затянувшагося вопроса о Ливоніи, выступаетъ на арену нашей страны, окруженный непобѣдимыми богатырями, въ лицѣ князей: Григорія Ивановича Темкина, Василія Семеновича Серебрянскаго Оболенскаго, Морозова, Лобанова-Ростовскаго, Сабуровыхъ, Колычевыхъ и пр., Первоначальникъ царственной славы своего народа Іоаннъ Васильевичъ Грозный, принявшій борьбу съ массою западныхъ народовъ, какъ Геркулесъ съ Гидрою Лернейскою,—народовъ, вступившихся за судьбу Латинской пропаганды съ расчетами на захватъ Русской земли. Постигшія неудачи рыцарей подняли у пораженной страны ляменты и крики противъ Іоанна Грознаго за попраніе апостольской власти Папы, водворившей насильственнымъ путемъ въ Русской землѣ свою пропаганду, подняли ляменты за притѣсненіе піонеровъ непрошеной культуры въ нашей странѣ, права которыхъ приравниваютъ къ правамъ Европейскихъ колонистовъ среди Американскихъ Индійцевъ и Австралійцевъ, порабощаемыхъ первыми и исчезающихъ въ борьбѣ съ Европейскою культурою, и съ горечью убѣждаясь въ иной своей судьбѣ при своихъ замыслахъ на нашу страну. Такая судьба очевидно доказываетъ, какъ были дерзки притязанія пропагандистовъ на званіе нашихъ культуртрегеровъ, какъ дерзки ихъ притязанія на старожитность, когда ихъ водвореніе совершилось, и начинаясь, и замыкаясь внезапными набѣгами и насильными захватами чужой собственности, съ которыми захватами туземецъ никогда не могъ примириться, усвоивъ указанія

Русской Правды. До прихода Іоанна Грознаго въ Ливонію и нашу страну, рыцари и Поляки, заявляя себя проводниками культуры и религіи, не знали ни законовъ въ отношеніи собственности противника, ни международныхъ правъ, ни на морѣ, ни на сушѣ, ни предѣловъ веденію войны, не соблюдая ни условій, ни перемирій, ни капитуляцій. Это,—со времени Іоанна Грознаго, наши враги: культуртрегеры и миссіонеры—Полякующіе ознакомились съ этими первыми культурными и международными принципами. Онъ первый назначаетъ законы для мореправителей и торговли на Сѣверномъ и Варяжскомъ моряхъ, служившихъ притонами при рыцаряхъ для пиратовъ и морскихъ разбойниковъ. Во время борьбы, Русскіе герои бились съ врагомъ въ честномъ бою, не прибѣгая ни къ коварному убійству, отъ котораго палъ не одинъ Давидъ Гарденскій,—бились, не прибѣгая и къ прочаго рода хитростямъ, съ помощью которыхъ Поляки захватили у насъ Венденъ и Динабургъ и др. кр. Успѣхами своими наши герои одолжены болѣе своему мужеству и искусству, чѣмъ вооруженію, силѣ и хитростямъ, что доказали безсмертные подвиги Люцинскаго воеводы Григорія Колычева, Заволочьскаго воеводы Сабурова и Клястицкаго героя С. П. Кульнева. Воодушевленные историческими девизами, указанными прозорливостью Іоанна Грознаго, они разогнали когорты мистификаторовъ—рыцарей меченосцевъ, поразили полки Мадьярскихъ наѣздниковъ, усмирили банды косиньеровъ и повстанцевъ и сокрушили непобѣдимые адскіе и безпощадные легіоны Наполеона I-го. Въ дѣлѣ Вѣры наши пастыри не прибѣгали также къ вымышленію невѣроятныхъ чудесъ, не изобрѣтали фанатическихъ мастерій и гимновъ, не прибѣгали къ проклятіямъ и заклятіямъ, которыми такъ богата исторія ихъ пропаганды, учредившей для этой цѣли даже особые монашескіе полки, извѣстные подъ названіемъ орденовъ іезуитовъ, мозетаровъ и др.

Что-же была за причина такой неудачи пропаганды при всѣхъ ея неестественныхъ усиліяхъ? Причиною тому была ея экспло-

атація чужою собственностью, желѣзный ея деспотизмъ и грубая профанація собственныхъ же девизовъ. Посягательство на чужую собственность она простирала въ безграничныхъ предѣлахъ на все, что только можно было отнять у туземца, т. е. даже на священные предметы—иконы и храмы его. Что же касается дорогихъ вещей и богатства, то большую часть своихъ грабежей эти колонисты старались переправить на свою родину къ своимъ роднымъ; между тѣмъ, какъ Русскіе переселенцы, вступая въ нашу страну, приносили безграничныя жертвы и водворялись безъ насилія, стараясь о развитіи въ странѣ благодѣтельныхъ учрежденій. Какой же изъ магистровъ или поляковавшихъ администраторовъ принесъ столько благодѣяній для нашей страны, сколькими ознаменовалъ свое правленіе Рѣжицкій намѣстникъ царя Алексѣя Михайловича Аѳонаній Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ,—онъ же и искренній ревнитель своей вѣры. Его время правленія есть время культурнаго зенита нашей страны въ мрачный періодъ пропаганды. Какой контрастъ политики оказывается въ это время у нашихъ враговъ? Неужели варварская казнь, совершенная такъ позорно благочестивѣйшимъ изъ круглей іезуитомъ I. Казиміромъ надъ нашимъ Виленскимъ героемъ княземъ Д. Е. Мыщецкимъ, неужели гнусная выдача нашего агента Паткуля крулемъ Августомъ II могутъ служить украшеніемъ политики не только Европейскаго народа, но даже какого нибудь дикаго Азіатскаго народа? По возвращеніи Поляковъ къ намъ послѣ Алексѣя Михайловича, поземельные споры между іезуитами и шляхтою стали раздирать страну, прекратясь по вступленіи Русскихъ къ намъ во время Шведской войны, по окончаніи которой, по выходѣ отъ насъ Русскихъ, опять прежніе споры закипѣли, къ которымъ спорамъ присоединилось своеволіе старостъ. Однакожъ возвращеніе нашей страны подъ Скипетръ Русской державы Католическое духовенство и шляхта успѣли эксплуатировать въ свою пользу. Не успѣвъ, во время анархіи рѣчи Посполитой, гарантировать своего водворенія даже прочною осѣд-

лостью, духовенство принялось теперь за сооруженіе своихъ костеловъ и плебаній, а шляхта занялась постройкою шлоссовъ и палацовъ вмѣсто того, чтобы приложить свои усилія къ образованію народа. Въ благодарность за то предъ Русскимъ Правительствомъ, они готовились снова къ повстаніямъ и протестаціямъ за какія то свои фиктивныя, существовавшія только на письмѣ права, надѣясь посредствомъ этихъ повстаній закрѣпить свою власть и надъ господствующею націею,—власть съ помощью ея же законовъ, во имя пресловутой старожитности, о которой не говорятъ ни народъ, ни историческія данныя, потому что въ своихъ легендахъ народъ упоминаетъ какъ о жителяхъ своей страны только о Русскихъ, Литовцахъ и частію рыцаряхъ, но о Полякахъ ни слова. Но ни рыцари, ни Поляки не смѣли вступать въ прямую борьбу съ Русскими за нашу страну. Рыцари, при началѣ войны съ Іоанномъ Грознымъ, сами отказались отъ нашей страны, отдавая ее почти безусловно Полякамъ, которые тоже долгое время не рѣшались принимать ее подъ свою власть и приняли ее, надѣясь вести въ ней войну съ Русскими только силою Бѣлоруссовъ, предназначенныхъ ими къ совращенію въ католицизмъ. Но и повстанія должны были убѣдить Поляковъ, что ни наши туземцы Латыши, ихъ одновѣрцы, ни Бѣлоруссы католики нисколько не сочувствуютъ Польской національности, отстаивая Русскіе интересы, а между тѣмъ Крашевскій утѣшаетъ себя иллюзіею, рисующею ему Польскую старожитность въ нашей странѣ, иллюзіею, рисующею небывалыя вещи въ прошломъ и несбыточныя вещи въ будущемъ, и въ особенности тягостною для народа, который долженъ, кромѣ своего роднаго языка и офиціальнаго Русскаго, учиться также Польскому, какъ священному языку, употребляемому при Богослуженіи. И, не смотря на процвѣтаніе Католицизма въ нашей странѣ, не смотря на земледѣльческое и промышленное развитіе страны подъ Русскою властью, не смотря на крайнія жертвы и искреннее служеніе Русскихъ дѣлу и правдѣ, но Польскимъ ламентамъ и рыцарскимъ

іереміадамъ и въ наше время нѣтъ конца,—ляментамъ и іереміадамъ, не имѣющимъ никакого основанія и полнымъ клеветъ, лжи и фанатизма.

Чѣмъ же пропаганда мотивируетъ заявліе такихъ іереміадъ, и какія ихъ цѣли? Какъ мы видѣли, историческія основы ихъ не имѣютъ основанія и оказываются фиктивными, въ чемъ глашатаи ихъ и сами сознаются, ограждаясь исторіею рыцарей въ Ливоніи и документами послѣднихъ, полученными отъ Папы на владѣніе нѣкоторыми нашими крѣпостями и къ пропагандированью у насъ Католицизма, каковые документы оставались однакожъ номинальными, а пропаганда водворилась только съ возвращеніемъ нашей страны подъ власть Русскихъ. Но составленіе самихъ іереміадъ они мотивируютъ именно тѣмъ, что этотъ мертвый для Русской литературы уголъ—нашу страну они успѣли закрѣпить за своею культурою изданіемъ абрисовъ и эскизовъ замковыхъ руинъ, составленіемъ фанатическихъ гимновъ и мелодій, фальшивыхъ исторій, археологическихъ изслѣдованій, изданныхъ съ замѣчательною роскошью, въ фоліантахъ, при чемъ, въ оправданье своихъ культурныхъ работъ, указываютъ на постройки новыхъ костеловъ,—все это составляетъ контрастъ съ положеніемъ дѣла въ лагерѣ Русскихъ, не имѣющихъ возможности возстановить и алтарей, своихъ разрушенныхъ пропагандою въ нашей странѣ. Имѣя обстоятельства такого рода подкладкой своего дѣла, они открыто поднимаютъ свои глосы (т. е. вопль, стоны къ небу) въ небо съ жалобою на какія то потери своихъ правъ, на свои заслуги кастильскія въ нашей странѣ, на первенство ихъ вѣры и т. д. чему особенно вѣрятъ девотки и всякаго рода пассіонатки. Вся подобная агитація возбуждается съ явною цѣлью присвоиться къ странѣ и потомъ господствовать въ ней; а въ дѣлѣ присвоенія они ничѣмъ не стѣсняются. Такихъ примѣровъ присвоенія иконъ, какъ Аглонской или Остробрамской Богоматери, находится масса; но они не стыдятся присвоиваться и къ чужимъ апотеозамъ, завѣряя напр. что Св. Іоаннъ, Евстафій и Антоній

были мучениками не за Православіе, а за Католицизмъ, присвоиваясь, наконецъ, даже и къ легендамъ нашей страны, разрѣшая аллегорическій смыслъ ихъ въ свою пользу, какъ напр. легенду о трехъ сестрахъ княгиняхъ нашей страны: Люціи, Розаліи и Маріи, извлеченную нами изъ исторіи Мантейфеля. Такое расширеніе присвоеній у пропагандистовъ не имѣетъ границъ и совершается ad majorem gloriam Dei!...

Однакожъ эти присвоенія оказываются совершенно несвоемѣстными и слишкомъ рискованными. Несвоемѣстными, потому что подъ этимъ мертвымъ угломъ скрывается древняя завѣтная колыбель Руси, гдѣ каждый хорографическій пунктъ напоминаетъ объ ея легендарныхъ подвигахъ, объ ея миѳическомъ періодѣ и ея самобытной, основной культурѣ. Около Люцинскихъ и Рѣжицкихъ высей мы находимъ по гаямъ слѣды древней осѣдлости Руси,—осѣдлости, опоэтизированной народомъ въ его сказаніяхъ о Дивной Жаръ Птицѣ съ ея одногнѣздниками: Орликами-Рогалями, Воронами-Воркалями пир. ея свитою. Выходя съ пира, заданнаго, въ 1171 году, государемъ нашей страны Рюрикомъ Ростиславовичемъ по случаю рожденія въ Люцинѣ его сына славнаго витязя Ростислава Рюриковича, на каковой фактъ обратилъ свое вниманіе П. Н. Батюшковъ, какъ на доказательство существованія въ нашей странѣ, до вторженія въ нее крестоносцевъ, Русской древней культуры, мы убѣждаемся, что этотъ пиръ гремѣлъ не въ пустынной странѣ, какою представляютъ рыцарскіе хроникеры нашу страну и Ливонію, въ оправданіе постыдныхъ мотивовъ вторженія въ нее своей пропаганды. При ближайшемъ изученіи мѣстной нашей хорографіи, оказывается, что значеніе Люцинскихъ высей на столько же замѣчательно въ своемъ районѣ, на сколько замѣчательно значеніе Кіевскихъ горъ, съ которыхъ разлилась по Русской землѣ благодать Христіанства, на сколько замѣчательно значеніе Кремлевскихъ твердынь въ развитіи Московскаго господства среди востока. Значеніе Люцинскихъ высей не замыкается только въ

борьбѣ ихъ съ Латинскою пропагандою, но съ судьбою ихъ связываются грозные замыслы конкурренціи Литовскихъ государей Миндовга, Гедемина, Ольгерда и Витовта съ значеніемъ Москвы въ Русской землѣ. Затѣмъ, такія присвоенія оказываются слишкомъ рискованными, потому что входить въ конкурренцію по такимъ завѣтнымъ вопросамъ съ древнею націею нужно имѣть много силы и самонадѣянности, которая погубила не одного изъ ея враговъ,—нужно смѣло расчитывать на ея забывчивость и отсутствіе у ней патріотизма, каковой расчетъ явился у нашихъ враговъ при взглядѣ на тѣсныя и скромныя рамки нашей письменной документальной исторіи. Однакожъ этотъ разсчетъ оказывается ошибочнымъ Легендарная и эпическая память у нашего народа уходитъ гораздо далѣе этихъ границъ. представляя массу данныхъ, для опроверженія мнѣнія объ его молодости. Напротивъ, онъ не только не забылъ о нашей странѣ, но, говоря словами Цицерона, онъ вышелъ на свою политическую дорогу: his locis in mente et cogitatione defixis et in omni re ad dicendum posita excitatis, т. е. запечатлѣвъ эти мѣста въ своей мысли и умѣ и вдохновляясь ими во всякомъ предметѣ рѣчи. На аренѣ нашей страны закрѣпилось международное значеніе нашей націи въ поздній періодъ времени между западными народами, доставшееся намъ не случайно и не дешево, но пріобрѣтенное многовѣковыми успѣхами и подвигами нашихъ предковъ съ доисторическаго легендарнаго періода времени, начинающагося никоимъ образомъ въ недавнемъ прошломъ Норманскомъ мірѣ, но въ дѣяніяхъ Великой Сѣдой Славетчины

Разрушая Норманскую теорію, мы имѣли въ виду освободить юношество отъ многосложной и туманной ея системы, указывая на болѣе ясные пункты, съ которыхъ раскрывается взглядъ на происхожденіе Русской культуры, раскрывается родникъ, освѣжающій и пробуждающій нигилиста отъ національнаго самозабвенія, въ чемъ Русское общество нуждается съ давняго времени. Раскрывая колыбель Русской націи, мы желаемъ Полякующую нашу собратью

убѣдить, что насъ раздѣляетъ не происхожденіе и національныя традиціи, а пресловутая ея миссія полонизаціи, не оправдывающаяся ни историческою судьбою, ни своемѣстностью.

Теперь обратимся къ объясненію программы своего труда. Неужели же стремленія пропаганды могутъ погасить у Русскаго патріота желаніе имѣть свѣдѣнія о прошлой судьбѣ нашей страны, не имѣя которыхъ о своей родинѣ, по замѣчанію Цицерона, человѣкъ остается въ дѣтскомъ состояніи? Что за жизнь человѣка, продолжаетъ Римскій философъ, если она не имѣетъ связи съ прошлою судьбою его предковъ? Сравненіе ближайшаго времени съ отдаленнымъ доставляетъ высшій смыслъ гражданину (Orat 11), а, по замѣчанію Сенеки, какъ бы распространяетъ и продолжаетъ его собственный вѣкъ. (De brevitate vitae c. 15). Мудрецы забываютъ покой, говоритъ онъ, отправляясь въ дальнія путешествія для удовлетворенія этому стремленію, проникаютъ въ недоступныя и таинственныя мѣста, поднимаютъ древности, знакомятся съ обычаями чужеземными—barbarorum (De otio sapientis XXXII). Съ отсутствіемъ этой важной и грозной науки, начинается общественная деморализація, такъ ярко и ужасно изображенная Сенекою въ кн. de beneficis L. 1. c. X. Сказавши о наступившемъ развращеніи своихъ современниковъ, Сенека такъ говоритъ о ихъ нравственной пустотѣ и нечестіи: „теперь наступила мода заботиться въ особенности объ украшеніи тѣла и внѣшнихъ формъ, оставляя нравственное безобразіе безъ вниманія, свобода высказывается въ мелочности и дерзости, обнаруживаются факты частнаго и публичнаго ожесточенія, при безумномъ стремленіи къ гражданскимъ междоусобіямъ, среди которыхъ все святое и священное предается поруганію“. Неужели же Римляне не умѣли писать исторіи или не имѣли ея? Напротивъ они имѣли дивныя историческія и эпическія творенія, оставшіяся имъ еще отъ временъ республики, напр. обширную исторію Т. Ливія, описывающую судьбу ихъ государства отъ основанія его до послѣдняго вѣка республики, изящную поэму

Энеиду Виргилія Марона, воспѣвающую легендарныя дѣянія основателей Рима; они даже имѣли фамильныя частныя исторіи,—и изъ древнихъ учителей первый Цицеронъ опредѣляетъ чрезвычайно вѣрно задачу историка. „Размышленіе о дѣяніяхъ, по его словамъ, вызываетъ изученіе порядка (ordo) времени съ изученіемъ странъ, при чемъ въ дѣяніяхъ, достойныхъ памяти, историкъ преимущественное долженъ обращать вниманіе на замыслъ (consilium), дѣяніе (acta) и исходъ (eventus) дѣянія, при каковомъ изложеніи онъ изображаетъ, не только какимъ образомъ совершилось это дѣяніе, но и причины его удачи или не удачи (casus sapientiae et temeritatis. De oratore Lib. II). Потомъ, по требованію Цицерона, предметомъ исторіи должны быть общіе интересы всего народа, а не одни частные, иногда и не бывалые факты изъ дѣяній предковъ историка. Новѣйшіе историки, при изученіи своей родины, оставляя строгую программу этого великаго учителя, принимаютъ себѣ за образецъ произведенія Тацита, Сенеки и его преемниковъ, жившихъ при Калигулахъ, Неронахъ и т. д., наполненныя жалобами на деспотизмъ своихъ императоровъ, съ принципами которыхъ потомки республики, гордившіеся заслугами своихъ предковъ, не могли примириться, видя свое подавленіе имперіею, и занимались грустными воспоминіями о прошлыхъ дняхъ своихъ предковъ, не умѣя возвратить прежнихъ бытовыхъ своихъ условій. Очевидно, ни происхожденіе Римской націи, ни ея своебытные перевороты не имѣютъ ничего общаго со складомъ быта новыхъ народовъ, но наши историки, примѣряя дѣянія того или другого своего героя къ Тацитовскимъ героямъ, конкурируютъ другъ предъ другомъ въ этомъ искусствѣ, поставляя себѣ это стремленіе, какъ заслугу безпристрастія и правды. Оставляя безъ изученія и время, и почву событій, и бытовыя стороны, они сосредоточиваютъ все свое вниманіе на личностяхъ въ ихъ частныхъ отношеніяхъ, не обращая вниманія ни на ихъ призваніе, ни на условія, такъ напр. многіе историки описываютъ время Іоанна Грознаго, при-

ставая только къ его личности и допуская сравненіе его съ тиранами Христіанства и избирательными королями и даже узурпаторами, тогда какъ онъ былъ защитникомъ Христіанства и законнымъ сувереномъ; или придаютъ его борьбѣ со смутами оригинальное историческое значеніе, тогда какъ эта его борьба была необходимымъ, такъ сказать, фактомъ новаго нашего государственнаго общества. Одни по личной мести, другіе во имя Европейской цивилизаціи, требуя надъ нимъ объективнаго приговора науки, предаютъ его на судъ враговъ съ дѣтскими жалобами на его крутыя мѣры и воображаемые недостатки. Но національные герои иногда не подлежатъ такому приговору, вызванные на крутыя мѣры для воспитанія, въ уровнѣ со временемъ, своего отставшаго народа, или страдая національными недостатками, за которые въ особенности собственный членъ этой семьи не имѣетъ права бросать камень осужденія на своего героя. Если для кого, то для послѣдняго Древній Грекъ оставилъ запретъ: οὐκ ὁσίη φθιμένοισιν ἐπ' ανδράσιν ἐυκετάασθαι, т. е. не пристойно относиться къ памяти почившихъ съ своевольнымъ легкомысліемъ", такъ какъ мы прежде всего обязаны благодарностью за добрыя ихъ дѣла. Такой приговоръ пускай составляютъ посторонніе люди, но безъ насъ. Мы будемъ лучше слѣдовать приговору объ Іоаннѣ Грозномъ ученыхъ, предшествовавшихъ Карамзину и основавшихъ свои выводы на офиціальныхъ актахъ, начинающихся съ рефэрата Боярина Никиты Романовича Юрьева, представленнаго имъ о царствованіи Іоанна Грознаго въ 1-е засѣданіе Боярской Думы, 25 Марта 1584 г., по кончинѣ нашего Государя. (Смотр. похвал. слово Іоанну IV. Словцовъ 1807 г.). Словцовъ объяснилъ настоящую причину его ссоры съ боярами, указавъ на организировавшійся между ними революціонный заговоръ, предъ вступленіемъ его на престолъ, для отстраненія отъ престола его Династіи, предъизбранной къ своему призванію отъ доисторическихъ временъ. Inde causa irarum. Событія, послѣдовавшія по кончинѣ Іоанна Васильевича до воцаренія дома Романовыхъ,

доказываютъ дерзость этого заговора и оправдываютъ въ извѣстной мѣрѣ мстительность оскорбленнаго. Мысль о предъизбранномъ своемъ призваніи не оставляла нашего Царя въ теченіи всей его жизни, какъ оказывается изъ заявленія имъ своей доисторической генеалогіи и изъ извѣстнаго Нѣмецкаго эпиграфа, оставленнаго имъ въ послѣдній Ливонскій походъ о Себѣ и о своемъ призваніи, составленіе котораго Карамзинъ опять также некстати критикуетъ въ отношеніи его стиля и языка. Этотъ ошибочный взглядъ на Іоанна IV между тѣмъ вызвалъ отрицаніе событій, несомнѣнно происшедшихъ, какъ напр. отрицаніе войны Владиміра М. съ Греками, не внесенной въ лѣтописи, а также и сомнѣніе въ дѣйствительномъ происхожденіи Мономаховой Шапки, описанномъ лѣтописцами въ болѣе позднее время, вслѣдствіе княжескихъ споровъ за царское званіе, начинавшихся у Полоцкихъ князей—родственниковъ Комненовъ со Смоленскими князьями—родственниками Константина М. Между тѣмъ этотъ фактъ у Татищева изложенъ обстоятельно, на что изъ новыхъ ученыхъ многіе не обратили должнаго вниманія. Такая же судьба постигла и первые наши письменные памятники—договоры Олега и Игоря съ Греками, вслѣдствіе того, что ученые объясняютъ ихъ, останавливаясь на Норманской территоріи, совершенно чуждой для этихъ посольствъ.

Конечно, эти важныя ошибки произошли отъ незначительнаго, повидимому, пробѣла въ нашей исторической литературѣ, но, въ дѣйствительности, самого главнаго недостатка. Пробѣлъ этотъ заключается въ невниманіи самихъ передовыхъ нашихъ историковъ къ примѣненію географическихъ указаній въ своихъ трудахъ, о чемъ съ такимъ успѣхомъ заботятся историки другихъ націй, оставляя пока теоретическіе выводы въ сторонѣ, которые между тѣмъ у нашихъ историковъ выступаютъ на первомъ планѣ. Но какъ нашъ лѣтописецъ, такъ и первые наши историки напр. В. Н. Татищевъ, считали указанія географіи основою своего дѣла, такъ какъ судьба Русскаго народа, зависящая прежде всего

отъ обширности его территоріальныхъ владѣній и свойства природы его страны, выясняется въ особенности изъ примѣненія этихъ указаній, при разъясненіи событія. Приступая къ своему призванію, наши ближайшіе историки запасаются сантиментальными теоріями, анализами и т. д., занятыми съ береговъ Рейна, съ вершинъ Капитолія и у Палерояля, вздыхая о недостаткѣ на Руси западныхъ грозныхъ укрѣпленій и того культурнаго богатства, которое они тамъ увидали; но наши враги, описывая нашу бѣдную страну, пугаются предъ ея суровою природою и лѣсами, ограждающими ее и служащими главною иниціативою бытовой ея стороны, по свидѣтельству самихъ же передовыхъ Европейскихъ писателей, напр. Амміана Марцелина, Сегюра и другихъ. Рыцарскія хроники постоянно жалуются на Русскіе морозы; Польскіе удалые наѣздники и косиньеры, по свидѣтельству Мантейфеля, укрѣпясь въ замкахъ нашей страны никакъ не могли между тѣмъ, во все время своего господства, выбить изъ нашихъ болотъ буйцевъ Москалей и Псковскихъ козаковъ, забѣгавшихъ въ Инфлянтскіе лѣса. Однакожъ и наши предки заботились о сохраненіи письменныхъ документовъ и своей исторіи; но наши враги, еще съ XV вѣка, употребляли всѣ усплія къ истребленію этого нашего сокровища: такъ Гонсѣвскій, въ 1612 г., вывезъ изъ Москвы главныя наши лѣтописи; Французы, въ 1812 году, истребили библіотеку, въ 40 т. томовъ, нашего земляка Бутурлина. Наконецъ, исторію нашу сохранилъ самъ народъ по урочищамъ, болотамъ и въ своихъ пѣсняхъ, что и доказываетъ его политическую культурную энергію и историческое призваніе, каковыя его свойства доказалъ въ свое время Іоаннъ Грозный, когда рыцари, предъявляя предъ нимъ массу матрикулъ и всякаго рода трансумптовъ, требовали отъ него, въ оправданіе его притязаній на Ливонію, письменныхъ такихъ же документовъ. Впрочемъ Русскіе историки и несовсѣмъ виноваты въ географическомъ своемъ пробѣлѣ, такъ какъ наша страна находилась, почти до нашихъ дней, во власти нашихъ противниковъ. Однакожъ этотъ

пробѣлъ былъ причиною такой массы ошибокъ, что, прежде нежели, мы приступимъ къ изложенію своей задачи, считаемъ въ веденіи къ своему труду не излишнимъ указать, по крайней мѣрѣ, на главныя и выдающіяся изъ нихъ.

Представляемыя нами данныя, добытыя на аренѣ самихъ событій и изъ бытовыхъ сторонъ, изученныхъ нами не въ кабинетныхъ изслѣдованіяхъ, но при непосредственномъ нашемъ знакомствѣ съ ними, расширяютъ горизонтъ нашей Отечественой Исторіи и просвѣщаютъ это зерцало народной дѣятельности, говоря языкомъ Карамзина, потускнѣвшее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ наслоившагося на немъ въ послѣдній вѣкъ скептецизма,— зерцало, въ которомъ отражается величіе Русскаго народа въ болѣе ясныхъ и выгодныхъ очертаніяхъ, чѣмъ дѣянія другихъ народовъ, дѣйствовавшихъ на аренѣ нашей страны. Мы не щадили ни трудовъ, ни усилій, для уясненія заявляемыхъ нами данныхъ, стоящихъ въ особенно близкой связи съ изучаемою мною страною, и надѣемся,—Дѣловая Интеллигенція не оставитъ нашей попытки безъ вниманія.

ВВЕДЕНІЕ.

Іоаннъ Грозный предъ судомъ норманистовъ за Римскій вопросъ и Мономахову шапку или филологическія иллюзіи передовыхъ ученыхъ при изслѣдованіи о происхожденіи Русскихъ варяговъ и Мономаховой Шапки, разрушающіяся при изученіи памятниковъ древней Русской письменности и хорографіи нашей страны.

Θρεπτείραι ψυχῆς, διάνοιας ὀρθοδοτείραι
Καὶ νοῦ εὐδυνατοῖο καθηγητείραι ἀνάσσαι
Αἱ τελετὰς θνητοῖς ἀνεδείξατε μυστιπολεύτους.
(Ὀρφεύς.) (*)

Наука сокращаетъ опытъ жизни. *Пушкинъ.*

Боже Великій! Что такое умъ человѣческій въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытности и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ Вѣры—безъ сего путеводителя и зоркаго, и строгаго и необходимаго? Вѣра и нравственность, на ней основанная, нужнѣе всего для писателя. *К. Батюшковъ.*

Отрадно видѣть такую признательность древняго Грека къ значенію музъ, какую высказалъ Орфей въ вышеприведенномъ эпиграфѣ. Не такъ оканчивается знакомство у насъ съ музами нашего времени, положеніе которыхъ оказывается болѣе выгоднымъ въ сравненіи съ положеніемъ древнихъ музъ. Хотя имъ въ наше время и не сооружаютъ храмовъ, за то представители ихъ пользуются такимъ положеніемъ и средствами въ обществѣ, о каковомъ положеніи древняя ихъ собратья и не могла мечтать.

(*) Вы, Музы, духовныя матери, исправительницы помысловъ и царицы, просвѣщающія благомощный разумъ, указали смертнымъ на дѣятелей, посвященныхъ для разрѣшенія тайнъ. (Орфей).

Нынѣшнія музы за царственную свою обстановку платятъ однакожъ неблагодарностью: ихъ упрекаютъ, что онѣ поучаютъ своихъ питомцевъ скептецизму въ истинахъ, оставленныхъ намъ ихъ предшественницами, называя эти истины сказками и баснями, незаслуживающими вниманія. Въ особенности горизонтъ области Кліо, т. е. музы исторіи, на столько въ послѣднее время сократился, что данныя изъ прошлой жизни нашего народа признаются достовѣрными едва ли только не тѣ, которыя совершились на памяти живущаго поколѣнія. Мы, Русскіе, не имѣя древней географіи своего отечества, не вѣримъ существованію у насъ древней городовой жизни. Поэзія наша рисуетъ жизнь нашихъ предковъ въ сферѣ грубой физической дѣятельности, украшеніемъ которой составляли только подвиги богатырей и удалыхъ смѣльчаковъ. Съ сокращеніемъ историческаго горизонта, чувства патріотизма, пытливость разума вступаютъ на путь тяжелой грустной борьбы съ разочарованіемъ и отрицаніемъ, погребаясь заживо съ лучшими своими вѣрованіями и упованіями. Царственный приговоръ нынѣшнихъ музъ однакожъ на столько безапелляціоненъ, что никто не имѣетъ права возстать противъ него, не рискуя за свою судьбу, потому что между питомцами своими онъ подготовляетъ иногда и фанатиковъ. Въ этомъ отношеніи оказывается особенно памятною судьба извѣстнаго историка Нѣмецкихъ рыцарей, незабвеннаго Августа Коцебу, убитаго фанатикомъ—студентомъ Зандтомъ за то, что осмѣлился раскрыть пороки навшаго рыцарства, которое такъ прославила исторія и которому сочинила столько іереміадъ поэзія. Но болѣе яснымъ доказательствомъ изумительнаго могущества современныхъ музъ составляетъ судьба памяти одного изъ величайшихъ нашихъ монарховъ, Государя Іоанна Грознаго. Защищая историческое значеніе своего народа и принадлежность ему Ливоніи предъ западомъ, упрекавшимъ насъ въ происхожденіи отъ Скиѳовъ и въ азіатскомъ варварствѣ, Государь нашъ высказался, что историческое значеніе нашего народа выражается въ томъ фактѣ, что наши предки еще при древнихъ Римлянахъ сораздѣляли съ ними управленіе Паноніею, будучи ихъ друзьями и что одинъ изъ предковъ Государя состоялъ въ родствѣ съ домомъ Августа, перваго императора Римскаго. Польскій король Стефанъ Баторій, споривши съ нами за Ливонію и не знавшій не только исторіи древней Руси, но даже исторіи и

языка своего польскаго народа, дерзко назвалъ эти заявленія нашего Государя невѣжественнымъ вымысломъ, возмущаясь въ особенности его заявленіемъ принадлежности нѣкогда Русскимъ и Трансильваніи, которое составляло наслѣдственное владѣніе Баторія. Польскіе и нѣмецкіе писатели, для поддержанія видовъ своихъ націй, стараясь опровергнуть заявленіе Іоанна Грознаго о родствѣ его предковъ съ Августомъ, стали доказывать происхожденіе нашихъ предковъ Россоланъ отъ Скиѳовъ. Историки наши XVII и первой половины XVIII вѣковъ причисляли Русскую націю къ Славянамъ, *) а Скиѳами называли Татаръ, какъ это видно изъ исторіи Скиѳскаго народа сочинителя XVII вѣка Андрея Лызлова,—исторіи, напечатанной по повелѣнію святѣйшаго Патріарха Іоакима и, снова въ концѣ прошлаго вѣка, изданной литераторомъ Новиковымъ. Этотъ историкъ благовѣлъ предъ заслугами Іоанна Грознаго, какъ сокрушителя Скиѳскихъ и Азіатскихъ кочевниковъ, составивъ потомъ другое произведеніе „Исторію покоренія Казани Іоанномъ Грознымъ“. Начавъ свои изслѣдованія съ борьбы Россоланъ съ древними Скиѳами, Лызловъ и заканчиваетъ свое призваніе описаніемъ паденія Казани, какъ эры для начала новой жизни и бытія Московскаго царства, основателемъ каковой эры признаетъ Іоанна Грознаго. Онъ воскрешалъ память объ Іоаннѣ Грозномъ, неудачно окончившемъ борьбу за Ливонію и нашу страну, наканунѣ счастливой борьбы Петра Вел. за этотъ вопросъ. Послѣ Лызлова и кончая Ломоносовымъ, всѣ наши историки производили происхожденіе Русской націи отъ Славянъ. Принятые къ нашимъ ученымъ въ Академію наукъ нѣмецкіе ученые, а именно: Шлецеръ, Лербергъ, Кругъ, Эверсъ, Френъ, и пр., подняли вопросъ о происхожденіи нашего перваго Государя Рюрика, стараясь доказать происхожденіе его изъ Швеціи отъ Норманновъ, потомковъ славныхъ Готовъ и гордыхъ Тевтоновъ. Закрѣпленіемъ Норманской теоріи нѣмцамъ хотѣлось составить мнѣніе о происхожденіи Русской культуры отъ Нѣмецкой и, затѣмъ, такимъ образомъ поставить нашу націю въ зависимость

*) Такъ напр., самый поздній лѣтописецъ, составитель Густынской лѣтописи, указываетъ на нашихъ предковъ, какъ на Поморскихъ Славянъ; Богданъ Хмѣльницкій указываетъ на статечныхъ Руссовъ, какъ на обитателей тоже Поморья. Кромѣ этихъ авторовъ можно указать и другихъ, но мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

зотъ ихъ націи. Возведеніемъ этой теоріи въ научную аксіому мы обязаны однакожь своему родному писателю Карамзину. Увлеченный личною враждою къ имени Іоанна Грознаго, *) Карамзинъ, отвергши вопросъ о Рутенахъ или древнихъ Руссахъ и ихъ связи съ Римомъ, началъ исторію Руссовъ съ Россоланъ, слизъ происхожденіе ихъ съ судьбою Скиѳовъ, покоренныхъ Россоланами и Славянами, слившимися будто-бы только въ первый разъ при Варягахъ-Норманахъ, а почему всѣ наши преданія и сказанія лишились мѣста въ наукѣ, какъ странный вымыселъ, порожденный хвастовствомъ грубой фантазіи. Новѣйшіе наши историки, отыскивая время и мѣсто нашимъ эпическимъ героямъ, въ видахъ соглашенія и примиренія науки съ дѣйствительностью, дошли наконецъ до того, что начали пріурочивать время существованія богатырей Алексѣя Поповича, Чурилы и др., ко времени Владиміра Мономаха, какъ это видимъ въ учебникахъ Русской Исторіи Рождественскаго. Не унижая значенія нашихъ наукъ, взглянемъ на развитіе этого вопроса въ современной наукѣ.

Норманское направленіе нашей Исторіи было на руку Нѣмецкимъ историкамъ, доказывавшимъ происхожденіе Русской культуры отъ Тевтонской. Чтобы убѣдить насъ въ нашей зависимости отъ Нѣмецкой культуры, еще Эйхгорнъ, писат. XVII в., въ своей Латышской Исторіи повѣствуетъ, что туземцы Ливоніи, т. е. Латыши, до прибытія рыцарей-Меченосцевъ въ Ливонію, находились въ такомъ дикомъ состояніи, что не имѣли понятія о желѣзной посудѣ, изъ которой названіе: „котелъ“ они заимствовали отъ Нѣмецкаго: „Kessel“, такъ что слово „котелъ“ и Русскіе заимствовали отъ Нѣмцевъ. Еще болѣе важное открытіе Эйхгорнъ сдѣлалъ слѣдующее. Замѣтивъ, что многіе изъ Латышей носятъ свои имена и фамиліи по именамъ птицъ и домашнихъ животныхъ, онъ усматриваетъ въ принятіи ими этихъ названій поклоненіе Латыша силамъ природы, указывающее на гру-

*) Карамзинъ до того утрировалъ личную свою ненависть къ имени Іоанна Грознаго, что, по случаю удачнаго похода Стефана Баторія подъ Псковъ, осмѣлился поставить сравненіе, оскорбительное для Русской націи, хилой и мизерной личности Ст. Баторія съ исполинскимъ образомъ Іоанна Грознаго, называя перваго и героемъ и ораторомъ и т. д. а первоначальника царственной славы великаго народа низводя на низкую степень боязливаго ханжи. Такое краснорѣчіе составляетъ злоупотребленіе логикою.

бое его язычество, отъ котораго отречься не могла заставить Латыша и трехвѣковая миссія рыцарей. И это грубое язычество, по заключенію Эйхгорна, Латышъ заимствовалъ отъ Русскихъ. Подобно Эйхгорну, указавшему на происхожденіе слова „котелъ„, другой Нѣмецкій ученый Эверсъ производитъ слово: „паволока“ отъ Греческаго слова: „βαβιλόντιχον“. Для чего Эверсу и Эйхгорну понадобились, для объясненія чисто Русскихъ словъ: „паволока и котелъ“, корни изъ другихъ языковъ,—неизвѣстно; но едвали не для доказательства того, что Русскій языкъ сохраняетъ только матеріалы для грубаго языческаго міра, что у него недостаетъ словъ для означенія культурной терминологіи, изъ которыхъ, по мнѣнію Нѣмецкихъ ученыхъ, даже слово „князь“ заимствовали Русскіе отъ Латышскаго слова „Кунгсъ“ также, какъ и слово „гуды“ отъ слова Готъ. Странная филологія Эверса нашла себѣ подражателей и междуРусскими учеными. Такъ одинъ изъ Кіевскихъ профессоровъ, объясняя договоръ Игоря, встрѣтившееся въ этомъ договорѣ слово: „кубара“ т. е. широкобокое судно производитъ отъ слова: χαράβος, тогда какъ корень этого слова очевидно заключается въ словѣ: „κύβος“, т. е. фрахтовой корабль, называвшійся и въ Латинскомъ языкѣ: „cybea“. (Извѣстія Кіев. Унив. 1875 г. № 11.) Отъ слова κύβος въ Греческомъ языкѣ образовались названія управителя корабля κυβερνήτης и глаголъ „κυβερνάω“ управляю кораблемъ. Значеніе слова κάραβος въ Греч. языкѣ совершенно иное, перешедшее въ Латинскій языкъ въ словѣ „carabus“, что значитъ „морская раковина, отъ котораго слова происходитъ Славянское слово „крабица“ или кубокъ. Быть можетъ, отъ этого слова и происходитъ Русское названіе „корабль“. У Русскихъ такого рода корабли назывались тартанками и верейками. Кромѣ кубары у Грековъ длинные корабли назывались струнгулами στρογγύλαι и отличались отъ кубаръ или кубиковъ. Названіе κύβος мы встрѣчаемъ въ рѣчи Цицерона за Вереса 5. 17. Другіе же ученые изъ Нѣмцевъ, поступая болѣе осторожно въ подобныхъ случаяхъ, начали занимать свои объясненія изъ Русской сферы. Такъ Гильфердингъ объясняетъ значеніе слова: „раздабары“ въ смыслѣ разговоры, тогда какъ образованіе и происхожденіе этого слова очевидно отъ слова: „бары“ и подобно образованію слова „располапушка“.

Но въ особенности Нѣмецкая Филологія оказала плохую услугу нашей странѣ при объясненіи ею договоровъ Олега и Игоря, затем-

нивъ самые ясные слѣды нашей хорографіи. Академикъ Кругъ, находящіяся названія пословъ въ договорѣ Игоря съ Греками: „Слуды и Нети“ объясняетъ въ значеніи племянниковъ государя, тогда какъ образованіе слова: „Слуды“ подобно образованію многихъ подобныхъ названій у древнихъ Русскихъ поселеній, а именно: „Стулы“ т. е. выходцы изъ Тулы, Скайданы, т. е. выселенцы изъ Кейданъ, Скрудино, Скардонъ, Скудрики, Скутели, и т. д. Слово: „Слуды“ означаетъ выходца изъ Луды, называющейся теперь Люцинома. Этотъ городъ Луда терпитъ незаслуженную непзвѣстность у нашего ученаго міра. Лѣтопись Нестора упомпнаетъ объ этомъ городѣ при описаніи Лиственской битвы, на которую прибылъ Варяжскій князь Луды Якунъ. Лѣтописецъ говоритъ: „Якунъ бѣ съ лѣпъ и бѣ на немъ Луда златая.“ Филологи, вопреки своему ученію о произношеніи краткаго знака „Ъ“, читаютъ слово „съ лѣпъ„ въ значеніи слѣпой, а слово Луда объясняютъ въ значеніи слова „одежда“. *) Правда, что на Руси, въ древнее время, плащи назывались лудами, но въ настоящемъ случаѣ Луда никоимъ образомъ не означаетъ одежи, а прямо городъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Лудзы, Лужина и Лужи при Іоаннѣ Грозномъ, а Рюрикомъ Ростиславовичемъ изъ Лужина переименованный въ Лучинъ, по случаю рожденія въ немъ его сына, впослѣдствіи знаменитаго витязя Ростислава Рюриковича. При варягахъ эта Луда была столицею Русскихъ варяговъ, о которыхъ лѣтопись наша на первыхъ своихъ страницахъ говоритъ такъ: „Двина идетъ на полуночье и выпдетъ въ море Варяжское. Тѣмъ же изъ Руси можетъ ити по Двинѣ въ Варягы, а изъ Варягъ и до Рима“. У Арабскихъ Географовъ IX—XII в. наша Лудза была извѣстна подъ именемъ Лонзы, а Константинъ Багрянородный, Греческій императоръ, при описаніи торговаго пути Руссовъ съ Греками нашихъ Лонзанъ называетъ Лензанинами. Лелевель въ своей Исторіи Польши ошибочно отыскиваетъ Арабскую Лонзу у Поморскихъ Славянъ. Его ошибкою увлекся и нашъ ученый Хвольсонъ. Слово „Лонза“ сохранилось въ Люцинской мѣстности въ названіи перелетныхъ птицъ лонками. Сопоставляя съ упомянутымъ ука-

*) Не отъ этого ли корня происходитъ слово: „наслудъ“, означающее изморозь на поверхности льда, образовавшуюся изъ оттаявшей при оттепели воды, а также и луду или полуду? Лудою въ Русскомъ языкѣ называется вообще камень, высунувшійся изъ воды.

заніемъ лѣтописи о Варягахъ вышеупомянутое указаніе объ Якунѣ (пос. въ нашей странѣ Якуновичи, Якутки), яснымъ оказывается связь указаній объ Якунѣ съ топографіею варяговъ. Вникая въ нынѣшнюю хорографію, вслѣдствіе особенной повторяемости хорографическихъ названій въ окрестности Люцина, производныхъ отъ слова „Луда“, названій, простирающихся до Лифляндской Губерніи и Невельскаго уѣзда, напр. Лудово. Лудзее и т. д., приходится заключить, что нынѣшній Люцинъ, называемый въ простонародьи Лудза, Лужа, Лужинъ и Лучинъ, и есть „Луда Златая“, о которой лѣтопись выше упомянула. Эту Луду мы находимъ въ договорѣ Игоря съ Греками въ названіи одного изъ пословъ Игоря „Лидульфостъ“, т. е. начальникъ Луды или Лиды. Луду находимъ мы и въ Паноньской варягіи на р. Лудусулуѣ,—въ Трансильваніи, и на Литвѣ, подъ Вильною, въ г. Лидѣ. Слово „Сулуй“ намъ также знакомо въ названіи нашихъ мѣстечекъ: Сулуйоны и Посулуйоны, встрѣчающихся въ нашей хорографіи. Слово „Сулуй“ сохранилось въ Русскихъ словахъ: „сулой“ мелкая крупа для каши и „сулея“—стопка для напитковъ. Если бы Луда означала, по толкованію филологовъ, златой плащъ, то къ чему могло служить такое украшеніе слѣпому вождю, да и могъ ли явиться на помощь къ Ярославу слѣпой рыцарь? Ясно, что здѣсь слово „сълѣпъ“ означаетъ „великолѣпный, тщеславный“ каковое значеніе открывается изъ эпитетовъ: „Златое Луды“ и что оказывается изъ выраженія: „и ту погибе златая Луда и отбѣже тое златое Луды“. Послѣдняя фраза была бы не умѣстнымъ плеоназмомъ, и могутъ ли слѣпые бѣгать? Что выраженіе: „отбѣже тое Луды Златое“ не означаетъ одежды, это оказывается изъ судьбы Варяговъ, постигшей ихъ послѣ Лиственской битвы, вслѣдствіе которой, когда Якунъ проигралъ сраженіе подъ Лиственомъ, то лѣтописецъ указываетъ прямо, что онъ бѣжалъ за море, изъ какого указанія и оказывается вносказательность фразы: „и ту погибе Златая Луда.“ Послѣ Якуна не было на Лудѣ Князя при Ярославѣ, но, когда, при его преемникѣ Изяславѣ, прибылъ въ Кіевъ Варяжскій князь Симеонъ на службу къ В. Князю, то Изяславъ не только отказалъ ему въ томъ, но даже дружину этого князя передалъ въ управленіе своему брату Всеволоду-Переяславскому, а самъ Симеонъ поступилъ въ монахи, что означало совершенное отреченіе отъ своихъ правъ по существовавшему въ то время обычаю

у нашихъ предковъ. Затѣмъ Кругъ опредѣляетъ не вѣрно и слово „нети“ въ значеніи: „племянникъ“, каковое слово, очевидно, происхожденія Греческаго отъ слова νέος отъ котораго слова происходятъ νεάτη или νήτη и νεοττός. Значеніе этихъ словъ указываетъ на рынду. Да и къ чему было Игорю посылать въ посольство столько племянниковъ, сколько показано нетей въ договорѣ Игоря? Вообще Нѣмецкіе писатели указываютъ намъ на многія заимствованія нашихъ предковъ изъ Нѣмецкой культуры, напр. они производятъ слово „рыцарь“ отъ Нѣмецкаго слова „Ritter“, тогда какъ у насъ въ Галиціи имѣется поселеніе, называющееся издревле „Рицверка“, или слова: „тарчъ, барчъ, боте“, они считаютъ своими кореннымп словами, тогда какъ они находятся кореннымп словами во многихъ нашихъ хорографическихъ и бытовыхъ названіяхъ, а именно: пос. „Тарчинъ“, озеро и пос. „Лабарча“ и въ названіи Руссовъ „Расбутами.“ Русское слово „бутъ“ находится въ словахъ: Карпбутъ, Нарбутъ, Свербутъ и т. д. Впрочемъ изысканія Нѣмецкихъ ученыхъ при объясненіи упомянутыхъ договоровъ на томъ и заключились, оставивъ самыя главныя части ихъ безъ объясненій. Нѣмцы стараются доказать наши заимствованія изъ Нѣмецкой культуры, но мы съ такимъ мнѣніемъ Нѣмецкихъ ученыхъ не согласны. *)

Чтобы опровергнуть притязанія Нѣмецкихъ ученыхъ на нашу національную зависимость отъ ихъ націи, наши ученые обратились къ родному корнесловію или къ собственной Русской филологіи. Этому методу слѣдовали иногда и наши старики доморощенные ученые, производя названіе Смолянъ отъ смолы, Могилева отъ могилы и т. д. Подражая этимъ пріемамъ, одинъ изъ нынѣшнихъ изслѣдователей исторіи г. Витебска, Сапуновъ, въ изданной имъ Витебской Старинѣ (стр. 559) составляетъ предположеніе о происхожденіи названія гор. Витебска отъ р. Витьбы, названіе которой производитъ отъ глагола „виться,“ такъ какъ теченіе этой рѣки автору показывается вьющимся. Какъ на картѣ, такъ и въ теченіи своемъ Витьба никоимъ образомъ не оказывается вьющеюся рѣкою и происхожденіе ея

*) Въ Нѣмецкомъ текстѣ договоровъ Ливонскихъ рыцарей съ Московіею и Польшею встрѣчаются не разъ Русскія названія и термины, напр. въ договорѣ ихъ отъ 29 Сентября 1417 г., находится слово Ustolket, т. е. переведено, а также и слова: Tartsch, Bartsch, Bote, Kuze заимствованы нѣмцами отъ насъ.

названія кроется въ древнемъ названіи г. Витебска, называвшагося вообще Видобескомъ. Съ этимъ названіемъ онъ имѣетъ въ своей мѣстности множество сродныхъ названій, а именно: р. Видьма, пос. Видусы, Видоки и т. д. Такое же довѣріе къ филологіи или корнесловію мы встрѣчаемъ у автора ст. „Правда Роская", помѣщенной въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за ноябрь 1875 года, гдѣ авторъ встрѣтившееся во 2-мъ § фѣ Русской Правды слово „видокъ" переводитъ словомъ „свидѣтель",—что противорѣчитъ смыслу этой статьи, изъясненной нами въ нижеприведенномъ нами въ 3-й главѣ этого труда объясненіи. Ошибки такихъ ученыхъ проистекаютъ изъ излишней привязанности ихъ къ доморощенной филологіи, что обличается производствомъ слова „князь", нѣкоторыми учеными отъ слова „конь", т. е. владѣлецъ коня назывался княземъ. Корень этого слова оказывается въ производномъ отъ него словѣ „княгиня", очевидно, происходящемъ отъ Греческаго слова: „κινήγης", означающаго преслѣдователя, — слова различающагося по значенію и употребленію отъ Латинскаго „dux", вождь, встрѣчающагося въ названіи нашихъ поселеній: „Вейдуки" и повторившагося въ названіяхъ поселенія: „Дукштыголы". Затѣмъ слово κινήγης означаетъ еще передоваго охотника. Бароній называетъ одного изъ начальниковъ, посланнаго въ 400 г., Греческимъ Императоромъ, для усмиренія безпорядковъ на одномъ изъ Греческихъ острововъ, Кипегіемъ. Отъ слова κινήγης происходитъ и Латышскій „купгсъ". *) Довѣріе историковъ къ Филологіи, основывающей свои выводы на корнесловіи, не только не помогаетъ дѣлу, но извращаетъ самый прямой смыслъ, какъ мы это видимъ при опредѣленіи Срезневскимъ словъ: „поконъ и искусъ" въ значеніи обычая и разбоя. Слово „искусъ" въ договорѣ Олега употреблено такъ: „аще ли кто или Русинъ Хрестьяну или Хрестьянъ Русину мученія образомъ искусъ творити и насилье явѣ и возметъ что либо дружинне, да вспятитъ троичъ". Конечно, слово „искусъ" никогда не означаетъ разбоя, иначе къ чему поставлены другія фразы „и насилье явѣ или возметъ что дру-

*) Слово κινήγης сохранилось въ назв. поселенія Вит. у. „Кунизино". Словомъ „Куны" назывались древнія наши кожанныя деньги, но первое значеніе слова „Куны" сохранилось въ Польскомъ языкѣ въ значеніи шейныхъ оковъ и запоры у дверей. Въ нашей странѣ и подъ Оранами (Вил. г.) сохранились названія у поселеній: „Вацуники и Рукуны". „Кунгсъ" происх. отъ слова „куна."

жипие„? Если искусъ означало „разбой“, то, значитъ, послы Ольгины, означенные въ договорѣ Игоря, прямо величались такимъ непріятнымъ титломъ. Мы предполагаемъ, что слово „искусъ“ означаетъ предпрiку, ковы (Versuch), попытку. *) Также и слово: „покопъ“ не значитъ обычай. Въ донесеніи Казарина Льву Сапѣгѣ (Историко-Юридич. Акты, изд. Созоновымъ) мы находимъ слово: „конъ“ которое означаетъ вообще „ставку“, отъ каковаго слова происходитъ названіе одной изъ древнихъ должностей, называемой: „туконъ“ или туки, названіе, встрѣчающееся въ названіяхъ нашихъ мѣстныхъ фамилій, получившихъ свое происхожденіе подобно другимъ названіямъ, напр. отъ словъ: „туръ, тулъ, колъ, берiкъ и стѣпь—названій, означавшихъ древнія сословія и должности, сохранившіяся въ языкѣ В. Руссовъ: туродовецъ, тулачъ, пос. Верховичи, Туконы, Тулоевцы, Колачи, Затурье, и т. п. Тулы были пришельцы и служили для внутренней охраны, турды были родовые владѣльцы, коны -заправляли позывами на судъ кола или вѣча. При изъясненіи подобныхъ вопросовъ одна филологія слишкомъ слаба и приводитъ изслѣдователя къ страннымъ ошибкамъ, въ примѣръ которыхъ мы укажемъ на другую ошибку Срезневскаго. Основываясь только на одной филологіи, Срезневскій рѣшился редижировать самый текстъ договора Олега находя его темнымъ; напр. ст. 14 я читалась до него такъ: „Аще злодѣи возвратится въ Русь, да жалуютъ Русь Хрестьянскому Царству, и ятъ будетъ таковый и возвращенъ будетъ, хотяи въ Русь“, онъ исправляетъ для вящшаго смысла, вставляя предъ словомъ: „хотяи“ частицу „не“. Въ исправленіи Срезневскимъ договора Олега чрезъ прибавку частицы „не“, оказывается, что не Греки, ограничиваютъ укрывательство Русскихъ преступниковъ въ своей землѣ, а Русскіе—укрывательство Греческихъ преступниковъ въ Русской, что не имѣетъ и смысла и противорѣчитъ цѣли договора — ограничить набѣги нашихъ варяговъ. Филологія современная, дѣйствительно, и указываетъ и доставляетъ намъ богатый матерьялъ для

*) Срезневскій неправильно переводитъ также πειρᾶσις означающее искушеніе, испытаніе, въ значеніи слова пиратъ морской разбойникъ, очевидно происходящаго отъ πεῖρας граница, и πειράτης переходящій границу, отъ слова же πεῖρα происходитъ слово πειραστής искуситель, соблазнитель. О пиратствѣ Руси, какъ политическаго народа, не могло и быть рѣчи во время Олега и Игоря; въ договорахъ ограничивается только своеволіе и безчиніе

Исторіи, но она должна быть въ ближайшей связи съ другими науками. Всѣ эти ошибки произошли изъ односторонности нашихъ филологовъ и крайней поверхности, что привело современныхъ нашихъ ученыхъ къ тому повальному заключенію, что встрѣчающіяся непонятныя названія въ составѣ посольствъ Олега и Игоря указываютъ на лицъ, входившихъ въ составъ русскихъ дружинъ этого періода времени изъ самого разнороднаго элемента, набиравшагося, начиная Норманнами и кончая пришельцами отъ восточныхъ народовъ. Такое понятіе идетъ въ разрѣзъ и съ призваніемъ Русской націи, и съ самобытностью Славянъ, и чему противорѣчитъ внимательное изученіе этихъ посольствъ. Конечно, подобные промахи, встрѣчаемые нами у Нѣмецкихъ ученыхъ, хозяйничавшихъ въ изслѣдованіи нашей древней исторіи, очень естественны и въ порядкѣ вещей, такъ какъ неподатливость Русскаго языка для Нѣмца общеизвѣстна, но странны и необъяснимы ошибки въ этомъ русскихъ ученыхъ, какъ, напр. указаніе Срезневскаго, что въ Игоревомъ договорѣ составъословъ состоитъ изъ купцовъ и выборныхъ отъ городовъ, которые указаны въ этомъ составѣ со слова: „купецъ“. Странность предположенія и остроумной догадки филолога очевидны для самаго поверхностнаго взгляда. Будто могли купцы носить такія громкія фамиліи, какія мы находимъ у купцовъ Срезневскаго, а именно: Туробидъ, Туроберъ, Гунастръ, Фуръстѣнъ, Боричъ и др.? Слова: „туръ, владъ, Фрастѣнь или Прастѣнь“ по значенію своему понятны для всякаго русскаго и безъ Филологіи. Слова: „Бруны и Моны“ также извѣстны всякому по значенію словъ: „броня, монисты“; отъ слова „броня“ происходятъ слова: „гор. Броница, поселеніе Люц. уѣз. Бронты и бронить или оборонять. Слово: „моны“ встрѣчаемъ въ цѣлой кучѣ нашихъ хорографическихъ названій, а именно: „Мурманы, Норманы, Солманы, Рухманы, Глазманка, Маркоманы и т. д.“ а со звукомъ „о“ въ словахъ: „Армоны, Шамонки—названія у поселеній, „Сурмонинъ“, — для фамилій, да и вообще слогъ „онъ“ былъ излюбленнымъ въ нашихъ хорографическихъ названіяхъ, напр. мы имѣемъ названія для озеръ: Волсонъ, Руссонъ, Оконъ, Ивонъ, Ороно и т. д. Слово „манъ“ въ Польскомъ языкѣ означаетъ вассала, ленника. Отъ слова man происходитъ Польское „mankut“, временный слуга. Слово „Моны“ такое же имѣетъ значеніе для названія сословія, какъ колы, солы, кары

и бруны. Мы не отрицаемъ, что между послами находилась пара, другая купцовъ, но не столько, сколько ихъ указываетъ Срезневскій. Что могли сдѣлать купцы по такимъ вопросамъ, какіе заключались въ договорахъ Игоря и Олега? Да и вообще, читая древніе договоры Русскихъ съ своими сосѣдями, мы находимъ участіе купцовъ только въ договорахъ Ливонскихъ рыцарей съ Полочанами, Псковичами и др. городами. Напротивъ, составъ пословъ Олеговыхъ и Игоревыхъ состоитъ очевидно изъ варяжскихъ чиновъ, составлявшихъ остатки варяжскихъ дружинъ, и изъ представителей не Варяжской Руси и Славянскихъ общинъ. Въ составѣ варяжскихъ дружинъ встрѣчаются навербованные охотники и наемники и изъ другихъ націй, наприм. Явтягъ Гунаревъ, Фудри Туадовъ, Мутуръ, Евлисковъ, Алданъ; но большая часть пословъ представляетъ институтъ чисто Русскаго и Славянскаго происхожденія, какъ показываютъ названія: „слы, владъ, искусеви, кары, котъ, берикъ, куци, гуды, карлы, турды и проч.“ встрѣчающіяся въ хорографіи вообще Славянскихъ земель, а почему мы и сдѣлаемъ попытку объяснить хотя часть этихъ загадочныхъ названій.

Оставляя объясненіе словъ: “слы, обычи и владъ“ понятныхъ для всякаго, мы обратимся къ прочимъ названіямъ этихъ пословъ. Отъ слова „Кары“ карою до сего времени называется вообще наказаніе; затѣмъ слово „carrus“ означаетъ на Латинскомъ и Греческомъ языкахъ четырехколесную телѣгу. Слогъ „кар“ сохранился въ Польск. словѣ „карный“. Въ Люцин. у. имѣется названіе поселенія, называющагося Кары и Палакары. Отъ этого же слова сохранилось названіе у озера Карацео, производное отъ karacena, Польскаго слова, означ. панцырь; слѣдоват. это были панцырные бояре. Карлы и Гуды составляютъ двѣ корпораціи въ посольствѣ Олега. Слово: „карлы“ созвучное съ иностраннымъ именемъ Карлъ и Латинскимъ словомъ „Carolus„ не имѣетъ ничего общаго съ этими словами ни по значенію своему, ни по происхожденію своему филологическому. Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ имени Карлъ, равно какъ въ Польскомъ и Славянскомъ нарѣчіяхъ, но есть слова: „карла, карлюкъ“, въ Польскомъ языкѣ: karzel „карлица, карловатый и карловацъ“, употребляемыя для означенія человѣка малаго роста, годнаго только на посылки и для исполненія порученій. Принимая во вниманіе это значеніе слова: „Карла“, филологическое его про

исхожденіе должно имѣть отъ вышеупомянутаго слова „кара“, имѣющаго отъ себя слово въ Польск. яз. „Karkan“, — куна, т. е. шейныя желѣза. Исполняя обязанности, доносчиковъ, шпіоновъ, они были важными лицами у князей. Въ Русской древней жизни сохранилось о нихъ непріятное воспоминаніе, олицетворенное нашимъ поэтомъ Пушкинымъ въ сказкѣ: „Руслань и Людьмила“ подъ именемъ Карлы Черномора. Давціонами и Гутами Птоломей называетъ Ливонскихъ жителей, и, дѣйствительно, въ Лепельскомъ у. одна изъ волостей называется Гутовскою. Отъ слова „гудъ“ происходитъ названіе пос. въ нашей странѣ „Годулы или Гудулы, Жегуты, Дегуци въ Лепел. у.“ Слово „Гуты“, очевидно, производное отъ древне-Русскаго слова „гудую,“ т. е. толкую или утверждаю, опредѣляю границы (польск. gody, godze); слѣдоват. Гуды значитъ опредѣлителей границъ. Слово: „гудъ“ — Нѣмцы производятъ неправильно отъ словъ: Готъ и Гутонъ. Слово: колъ (въ договорѣ Игоря Колъ Клековъ) сохранилось въ названіи должности „Колачъ“, по имени которой мы находимъ поселенія и въ Венгріи, и въ Галиціи, такъ и въ нашей странѣ, (Руссколы, Варколяны, Колачи, Дуколы—поселенія) такъ и въ другихъ Варяжскихъ земляхъ. Значеніе коловъ и колачей оказывается въ грамотѣ Александра Казим. къ Витебляпамъ (Метр. Литов. ч. VI стр. 206), въ которой ссорившіеся являются на кольце для суда. Въ Польскомъ языкѣ сохранились слова „коло“, кругъ и „колочне“ деньги на выпивку. Съ этими словами въ связи стоитъ древнее Русское слово: „колобяжникъ“, происходящее отъ словъ: „колба или кулба“, (пос. Колбово) сохранившихся въ Польс. языкѣ въ значеніи управы. Отъ слова: „Колачъ“ у Русскихъ имѣется много фамилій: Колачевы, Колачевскіе. Отъ коло происходитъ названіе должности „окольничаго“ и инструмента пытки „коловорота“. *) Слово: „бѣрнъ“ означало сборщика пошлинъ на заставахъ, производ. отъ

*) Мы считаемъ не излишнимъ привести составъ пословъ Ольговыхъ и Игоревыхъ и разставить знаки препинанія по нашему соображенію. Въ Олеговомъ договорѣ: Мы отъ роду Русскаго Карлы: Инегелдъ Фарлофъ, Веремудъ Рулавъ; Гуды: Руальдъ Карнъ, Фрелавъ Рюаръ; Актеву Труанъ, Лидульфостъ Стемиръ. Въ Игоревомъ договорѣ: Мы отъ рода Русскаго съли и гостье: Иворь, солъ Игоревъ, великаго князя Русскаго, и обчіи сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева; искусеви Княгини Ольги: Слуды Игоревъ, нети Игоревъ—Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Предславинъ; Шихъберинъ, Сфандры жены Улѣбдѣ Прасьтѣнъ; Турдуви; Либиаръфастовъ Гримъ Сфирковъ; Прас-

Польс. bieram въ причастіи bierny, оттуда слово „biernać“, отъ котораго слова происходитъ фамилія „Бернатовичъ“ пос. Бернатовичи, Берники и другія пограничныя поселенія, напр.: поселеніе при устьѣ Евпкшты, называющееся „Силоберъ“. Слово „сило“ произошло, вѣроятно, отъ слова sidło, что означаетъ по Пол. тенета. Три берна находятся между Игоревыми послами: Шихъберъ, Прастенъ Берновъ и Туръберъ. Слогъ „шихъ“ означаетъ вообще серебро; въ польск. языкѣ „szych“ означаетъ серебро фальшивое. Подъ словомъ: „стѣнъ“ означали начальниковъ извѣстной корпораціи: Прастенъ берновъ, Фуръстѣнъ (фура возъ). Слово: „куци“ происходитъ, вѣроятно, отъ Польскаго слова „Кос“, въ Нѣмецкомъ языкѣ „Кіцє“—плащъ; Отъ „Kosz“ стрѣла, происходитъ слово „Koczuię“ увожу своего подданаго. Въ Польск. яз. сохранились слова: „markoce loskoce, miekut“, мечь и въ Русскомъ языкѣ слогъ котать—покрыть что нибудь. Это были блюстители бѣлыхъ. Отъ Польскаго слова: kusza и skusze, означающаго лукъ, происходитъ и слово: „искусъ“, въ смыслѣ оруженосца. Въ Рѣж. у. сохранилось названіе у посел. Искусы и Лен. у. Рокусы. Какое было различіе между исти и искусомъ,—опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ это были не племянники, а оруженосцы и придворные чины. Отъ словъ „Кошъ и Куци“ существуютъ названія станціи, называемой „Конедары“, и въ нашей странѣ, поселенія Ушкоцовъ.

Кромѣ этихъ должностныхъ названій, обличающихъ чистославянскія названія, мы находимъ еще должностныя названія, которыя однакожъ уже не Славянскаго корня: въ Олеговомъ договорѣ названіе Актеву, а въ Игоревомъ: Канпцаръ, Акунъ, Адулбъ, Адунь, Егри, Стеги, Сфирка, Фудри, Алдань, Игивладъ и проч. Слово „актеву“ есть производное отъ Греческаго слова

тѣнь Акунь, исти Игоревъ; Кары: Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ; Егри: Евлисковъ, Вонковъ; Истръ Аминодовъ, Прастѣнь Берновъ; Янтягь Гунаревъ, Шибридъ; Алдань Колъ Клековъ, Стетги Егоповъ; Сфирка, Алвадь Гудовъ; Фудри: Туадовъ Мутуръ, Утинъ Купецъ, Адунь Адулбъ; Игивладъ Олѣбъ; Фрутанъ Гомолъ; Куци Емигъ; Туръ-бинь Фурьстенъ; Бруны: Руальдъ Гунастръ; Фрастенъ Игельдъ, Туръберъ; Моны: Руальдъ Свень, Стиръ Алдань, Тиженъ Апубексарь; Вузлѣвъ, Синко, Ворнчъ. По моему счету всѣхъ пословъ у Олега было 6, а у Игоря 30, тогда какъ по счету прочихъ изслѣдователей выходитъ у Игоря свыше 60 пословъ, а у Олега около 16,—что совершенно неправильно.

ἀκτή́ берегъ; Каппцаръ производное отъ Греч. κανίσσω бью рогами, т. е. Бодрогъ; Акупъ,—отъ ἀκοντίσσω стрѣляю. Егри взято изъ Греческаго ἐκρίνω вывѣдываю, пріобрѣтаю. Отъ ἐκρίνω происходитъ и слово „крыпть“, встрѣчающееся во 2 ст. Игорева договора и производимое Срезневскимъ отъ Серб. слова ,,кренуть‘‘, означающаго сдвинуть съ мѣста, каковое объясненіе не подходитъ къ смыслу текста. Равно не вѣренъ переводъ Лавровскимъ этого слова въ значеніи „купить“, прямо употребленаго нѣсколько выше въ этой же статьѣ, изъ чего и оказывается невѣрность перевода крыпуть чрезъ слово ,,купить‘‘. Послы: Истръ, Евпсковъ, Аминодовъ, принадлежатъ къ Греческимъ выходцамъ а Явтягъ Гунаревъ—Ятвягамъ. О пребываніи въ нашей странѣ Ятвяговъ имѣются положительныя данныя, но слово „Гунаревъ“ а равно и фамилія другого посла „Гунастръ“ могутъ быть произведены и отъ слова „gunia“ конская покрышка и ἄστρον звѣзда. Шибридъ производное отъ „бритать“ и польс. „chyham“ караулю „и brytan“ боецъ. Слово „Стегги“ происходитъ отъ Греческаго στέγω заграждаю, а слово „Сфирка“ взято отъ Греч.„ σφύρα молотокъ,—лицо, какъ нужно заключать, скрѣплявшее договоръ. Слово „сфирка“ сохранилось въ одной изъ сказокъ, изданныхъ Безсоновымъ въ Калѣкахъ Перехожихъ (ч. I. стр. 10) въ выраженіи „а Спиря сталъ поспиривати“ т. е. подпимать тревогу въ войскѣ, о приближеніи къ нему непріятеля. (Сказ. изъ врем. Владимира Св.). Алвадъ Гудовъ также Греческаго происхожденія, производное отъ αλίβατος возвышенный, высокій. Подъ словомъ: „Фудри“ должно разумѣть фуражира, производя это слово отъ Англійскаго fuder фуражъ. Въ договорѣ означенъ подъ названіемъ фудри Туадовъ Мутуръ; за нимъ идетъ Утинъ купецъ, такъ заинтересовавшій академика Срезневскаго. Слово „Фруганъ Гомолъ“ означаетъ лицо, наблюдавшее въ притаиси πρυτάνεια· Слова; ,,Адулбъ, Алдань‘‘, происходятъ отъ Греч. словъ: ἀδουλείος непорабощенный и отъ ἀλδαίνω укрѣпляю, возращаю. Отъ ἄλις достоинство, происходитъ слогъ альдъ, такъ часто встрѣчающійся въ именахъ бояръ этого времени, напр. Руальдъ, Свенальдъ и др. Имя Игивладъ происходитъ отъ Греч. слова ,, ωγὴ или ὠγα ‘‘—чары, приманка. Отъ этого же слова происходитъ и имя Игельдъ. Слово „Стиръ“ происходитъ отъ слова „ στείρα “ киль. Такимъ образомъ только пять лицъ и можно причислить къ обществу гостей, въ составѣ которыхъ

находились опять же Славяне и Русскіе. Въ составъ Игорева посольства вошло большее число лицъ, чѣмъ у Олегова, потому что это посольство заключало договоръ не только о дѣлахъ языческой Руси, но вмѣстѣ съ послѣднею и усилившаяся партія Христіанъ, какъ видно, стоявшая въ близкой связи съ Греціею, заключала отъ себя договоръ съ Византіею. Изъ договора Игоря мы видимъ, что наша страна въ это время играла замѣчательную роль, такъ какъ Слуды Улѣбъ Володиславовичъ занималъ третье мѣсто между послами; но, вѣроятно, и 2-й Ольгинъ посолъ Каницаръ былъ по происхожденію изъ нашей страны, такъ какъ при Двинѣ мы находимъ поселенія, называющіяся Каницъ и Каницполь; также по именамъ Турда Акупа и Егри-Истра Аминодова находимъ названія у озеръ: Истры—Большая и Малая и Оконо. Апубексарь—происходитъотъ слова: βέκος хлѣбъ, слѣдов. это былъ торговецъ хлѣбомъ. Тиленъ и Труанъ также Греческаго происхожденія. Слѣдовательно, весь составъословъ заимствованъ или отъ Славянъ или отъ Грековъ, и не имѣетъ ничего общаго ни съ Норманскимъ бытомъ, а тѣмъ болѣе съ бытомъ Азіатскихъ кочевниковъ. Видя отъ Ливовъ особаго посла,—Грима Сфиркова, мы заключаемъ, что и Ливонія входила въ составъ Варяжской земли.

Что Ливонія принадлежала Варяго-Руссамъ, на то Генрихъ Латышъ оставилъ много фактовъ, а именно. Многіе изъ Ливонскихъ старшинъ назывались варяжскими именами, напр.: Варгрибе, Вардеке, Варидоте; изъ поселенія въ Ливоніи: Тарвете, Тарветенс, Дарголара также получили свое названіе отъ варяговъ. Слова: „другъ, гверъ, тарáнта—варяжскаго происхожденія, были въ употребленіи между Латышами, а также Икескола, Икзань, Ика, Икевальдъ и др. При Олегѣ наша страна отправляла также особаго посла въ лицѣ Стеміра. Слово Лидульфостъ означ. начальника (fastus) Лиды.

Итакъ Филологъ Срезневскій отнесся слишкомъ поверхностно къ быту древней Руси, который уясняется изученіемъ сложнаго и прочнаго состава древней Русской администраціи, по договору Олега и Игоря, выработавшейся единственно изъ Греко-Славянскаго міра, не имѣющаго никакихъ слѣдовъ ни въ Готской, ни въ Нѣмецкой культурѣ. Участіе бруновъ и моновъ,—присяжныхъ дружинниковъ, въ договорѣ указываетъ на значеніе дружиннаго быта въ это время.

Въ особенности попытки къ объясненію состава пословъ Игоря, при помощи одной Филологіи, оказались оригинальными у К. Аксакова Онъ, подобно Срезневскому, также высказался съ убѣжденіемъ, что имена этихъ пословъ искажены, хотя и не рѣшался однакожъ на свои исправленія, подобно первому. Разбирая неоднократно и безуспѣшно первую половину Игорева состава пословъ, въ которой онъ только ощущалъ присутствіе какихъ то неопредѣленныхъ именъ пословъ и отъ бояръ и отъ князей, Аксаковъ обыкновенно заключалъ свои трактаты убѣжденіемъ, что отъ Адуня идутъ, безъ сомнѣнія, все купцы, участіе которыхъ въ посольствѣ онъ считалъ даже необходимымъ при переходѣ Руси отъ родоваго быта къ политическому строю. При подобномъ обстоятельствѣ, по прямой Логикѣ, первую роль должны бы играть административные органы, что требуется и самымъ содержаніемъ договоровъ, преимущественно трактующихъ о пріостановленіи перехода бѣглыхъ изъ одного Государства въ другое, объ огражденіи путей сообщенія, о правахъ наслѣдства и т. д., но Аксакову необходимы именно купцы, и притомъ иноземные, а потому онъ изъ всей этой массы, опредѣляемой имъ въ 29 лицъ, считаетъ Вузлѣва, Синко и Борича только лицами Славянскаго происхожденія. Варяговъ вообще онъ считаетъ племенемъ, неродственнымъ для Владиміра Св. на томъ основаніи, что послѣдній изгналъ ихъ въ Грецію, хотя Владиміръ Св. и есть Сынъ нашей страны, въ которой мы находимъ названіе у одного изъ поселеній по имени его матери, сохраняющееся подъ именемъ „Малново“, какъ мы въ Витебской губерніи присвоиваемъ имени Вѣщаго Олега находящееся въ ней пос. „Ольги“. Что наша страна принадлежала непосредственно самимъ Великимъ Князьямъ, о томъ мы заключаемъ изъ словъ лѣтописи: „собра Олегъ своя Варяги и Кривичи“ предъ походомъ на Кіевъ, по переселеніи въ который В. Князей, она управлялась ихъ намѣстниками, изъ которыхъ первымъ и оказывается Улѣбъ Володиславль, признаваемый Аксаковымъ за посла отъ Черниговскаго Князя. Но и разбирая первую половину пословъ Игоря и не разграничивъ ихъ по своимъ категоріямъ, Аксаковъ высказался также не съ особенною проницательностью, не указавъ, гдѣ оканчивается рядъ пословъ княжескихъ, который—отъ бояръ и который—отъ народа? Конечно, Аксаковъ ошибается, начиная своихъ купцовъ и гостей со слова: „Адунь“, рядъ

которыхъ начинается съ Фудри Туадова, невѣрно отнеся и слово „купецъ“ къ Адуню, какой эпитетъ относится къ Утину, тогда какъ слово „Адунь“ относится само эпитетомъ къ Адулву, означая отъ Латин. корня „adunus“ соединителя, т. е. коммиссіонера, а слово: „Мутуръ“ означаетъ съ Франц. языка барышника. Что касается княжескихъ пословъ, то они оканчиваются Канцаромъ Преславнымъ, послѣ котораго начинаюся послы отъ государства, начиная Шихобермомъ, посломъ отъ жены нашего Князя Улѣба, отправившаго лично посольство отъ В. Княгини Ольги. За Шихобермомъ идутъ послы отъ бояръ: Турдовъ и Каровъ, послѣ которыхъ идутъ послы отъ высшихъ административныхъ корпорацій до Фудри, и, наконецъ, отъ куцп—представители полицейской или внутренней стражи и представители дружинъ и общинъ подъ именемъ Бруновъ и Моновъ. Между Ольгиными послами особенно замѣчательно имя посла Слуды Улѣбъ. Корень этого слова находится въ древне-Русскомъ словѣ „leb“ отъ котораго слова сохранилось названіе у одного изъ нашихъ поселеній: „Лебета и Лобово.“ Слово „лебъ“ означаетъ голову или шляпку отъ конскаго гвоздя; слѣдовательно, это слово не служило для имени лица, а для означенія его должности. Это же прозваніе мы находимъ далѣе и у Игивлада, измѣненное въ Олѣбъ; оно же находится и въ словѣ: „сълѣнъ“, упомяну томъ нами выше при разсказѣ о князѣ Луды Якунѣ по случаю Лиственской битвы, словѣ, изъясненномъ Срезневскимъ въ значеніи: „слѣпой“, какъ мы выше о томъ сказали. Въ такой же иллюзіи оказываются и толкователи слова „изгой“, производя его иные отъ изгонъ, иные отъ гонть, означающаго жить, каковое производство противорѣчитъ значенію его, оказывающемуся въ Русской Правдѣ и въ Устав. Грамотѣ Всеволода въ смыслѣ не изгнанника, а только выдѣленнаго члена изъ общества, правами котораго онъ однакожъ продолжаетъ пользоваться. Мы коснулись этого слова, потому что наша страна при началѣ удѣльнаго періода извѣстна въ лѣтописи вообще, какъ страна изгоевъ. Слово „изгой“, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ гай роща и гаевникъ—лѣсной житель, посвятившій себя служенію Криве. У насъ имѣются названія пос. Гаево, Подгаи, фамилія Гаевскихъ и на Литвѣ фамилія князей Гойскихъ.

Мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь выраженіе Уставной Грамоты объ изгояхъ, своеобразное по обороту рѣчи и ука-

зывающее на бытовую сторону нашей страны, изъ которой Кн. Всеволодъ занималъ законъ объ изгояхъ: „Изгои трои поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, и се четвертое изгойство, и себѣ (т. е. къ князьямъ) приложимъ, еще князь оспротѣетъ.“ Подъ словомъ „оспротѣетъ“ мы разумѣемъ, если князь останется безъ дружины и безъ связей съ прочимъ княжескимъ сословіемъ, при чемъ онъ въ такомъ случаѣ отстранялся изъ общественной среды, не теряя однакожъ своихъ правъ. Оборотъ рѣчи этого отрывка напоминаетъ оборотъ рѣчи въ припѣвѣ къ пѣснѣ: „Во полѣ березонька стояла,“ начинающемся словами „тары-бары“, каковой припѣвъ мы приведемъ ниже въ эпиграфѣ ко 2-й гл. нашего труда. Это указаніе Уставной Грамоты Всеволода, при сличеніи съ Русскою Правдою (по списку Оболенскаго ст. 126-й) указывающею на положеніе и права выходцевъ изъ нашей страны въ Русскую землю, называвшихся Людиными (по городу Лудзѣ или Лудзанами, Лепзанинами) и имѣвшихъ въ Новгородѣ равное положеніе съ Боярами, занимая мѣсто выше Варяговъ, (что выражено въ Русской Правдѣ такъ: „будетъ Боярин или Людинъ или Варягъ) такъ что ихъ улица въ Новгородѣ, называвшаяся Людинымъ концомъ занимала первое мѣсто между прочими Новгородскими концами, что опять также видно изъ Русской правды, позволяетъ намъ опредѣлить слѣдующія сословія въ нашей странѣ, существовавшія въ ней предъ выходомъ нашихъ князей на княженіе въ Новгородъ: 1) Княжескій родъ, 2) Людзане или Людины, занимавшіе мѣсто выше Варяговъ,— второе мѣсто послѣ Бояръ, которые, быть можетъ, были избираемы и изъ ряду нашихъ Лудзанъ, бывшихъ извѣстными даже Константину Порфирородному подъ именемъ Лепзанинъ. Фамилія „Полюдовъ,„ какъ извѣстно, играла замѣчательную роль въ Кіевской Руси. Отъ слова „Люди“ происходитъ и фамилія Людоговскихъ. Издатели Русской Правды (1792 г.) производятъ Людина отъ слова „люди“. Въ Областномъ Великорусскомъ словарѣ Людинъ объясненъ въ значеніи простаго человѣка, что несогласно съ указаніемъ Русской Правды, да и сами упомянутые издатели объясняютъ, что людинами назывались служащіе въ боярскихъ дружинахъ и имѣвшіе равное значеніе съ княжескими отроками. Такъ какъ значеніе этого слова нынѣ потеряно, а почему мы и производимъ его отъ слова „Луда“, отъ котораго

слова сохраняются въ областномъ нарѣчіи слова: „луданить“—отколотить палкою, „Луданъ“—шелковый платокъ и хлудъ—коромыслъ. Происхожденіе этихъ словъ не требуетъ объясненія. Къ производнымъ словамъ отъ луда мы причисляемъ слова слышанныя нами въ народѣ, а именно: „лудить“ на Литвѣ въ значеніи обморочить, и „хлуда“ въ Смол. губ. въ значеніи стараго плаща. Отъ слова „луда“ происходитъ также и имя сказочнаго богатыря Блуда или Блудина Хотеновича. По имени Хотена въ Людиновскомъ уѣздѣ поселеніе „Видно“ называется еще Хотеновымъ или Хотищемъ. Отъ „Лудъ“ происходитъ также польское слово лудвизаржъ—литейщикъ орудія, подобно слову конвизаржъ, означающему литейщика олова. Отъ слова „хлуда“ происходитъ дворянская фамилія Хлудзинскихъ. 3-ье мѣсто занимали Турды, занимающіе и въ договорѣ Игоря мѣсто послѣ Слудовъ, считавшіеся основнымъ классомъ Русскаго общества, при которомъ играютъ роль Тулы, Колы и Туки, занятіе и значеніе которыхъ мы старались опредѣлить выше, какъ въ видѣ внутренней охраны; 4-е мѣсто за ними занимаютъ уже Варяги, нанимавшіеся къ нимъ для исправленія ихъ обязанностей, что видно изъ ихъ названій: Вартулы, Толпаги, т. е. Великіе Тулы, Варколы или Варколяны, Бартуки и т. д. Въ Русской Правдѣ означены эти классы вообще: „аще будетъ Русинъ, альбо гридинъ, альбо купчина, альбо мечникъ (т. е. военный), альбо ябетникъ.“ Послѣ перечисленія этихъ классовъ, Русская Правда начинаетъ дальнѣйшее перечисленіе сословій снова союзомъ „аще,“ т. е. „аще будетъ изгой, альбо Словенинъ“, каковой оборотъ рѣчи указываетъ уже не на официальное, а на простое частное общество, стоявшее ниже вышеисчисленныхъ классовъ, но не порабощенное, потому что въ криминальныхъ случаяхъ и оно пользуется одинакими правами съ первыми классами. 5-е изгои, 6-е Славяне; наконецъ 7-й классъ Холопи. Слѣдовательно, Варяги, какъ пришлый народъ, нанимавшійся къ Руссамъ въ службу, имѣлъ тогда только значеніе, когда состоялъ на службѣ, по оставленіи которой получалъ себѣ въ надѣлъ земли въ лѣсахъ подъ именемъ изгоевъ. Они исправляли службу преимущественно караульную, а почему и сравнены въ Русской Правдѣ и неоднократно сопоставляются съ Колобяжниками, т. е. „Kolba“ Schlagwafe или караулъ, и мы ихъ видимъ въ нашей странѣ размѣстившимися по окраинамъ страны и полу-

чившимп своп названія по роду своей профессіи, а именно „Оболдары“ производное отъ „obalam“ нападаю, или „Фалва ры“ производное отъ „фаля“ волна, т. е. моряки—кары, подобно, какъ Сондары, Варколы исполняли юридическую профессію и пр. Послѣдняя обязанность была у нашихъ предковъ едва ли не сложнѣе, чѣмъ въ наше время, судя по указанному намп порядку о покупкѣ паволокъ въ Греціи, каковая признавалась тогда только законною, когда кто крьнеть паволоку, т. е. приберетъ ее къ своимъ рукамъ, намѣтитъ, и потомъ да показываетъ ее мужу цареву и послѣдній утверждалъ покупку опечатываніемъ. Такой же строгій законъ существовалъ на счетъ покупки холопей въ Русской землѣ, о которой въ Русской Правдѣ имѣются такого рода варіанты: „аже кто крьпеть чужъ холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ поятп, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая семъ купилъ“. Мы привели нарочно этотъ законъ въ подлинникѣ, чтобы доказать, что и Срезневскій и Лавровскій поспѣшно переводили слово „крьнуть“ словомъ „купить“. Что слово „крьнуть“ имѣло болѣе общее значеніе, чѣмъ купить, т. е вымѣнить, получить въ долгъ, выговорить для себя вещь или посредствомъ купли или посредствомъ иного соглашенія, на то мы находимъ подтвержденіе въ другомъ варіантѣ приведеннаго намп закона о холопяхъ: „оже кто, не вѣдая, чужъ холопъ усрящетъ или повести дѣтъ или держить у себя“ и т. д. Изъ послѣдняго варіанта ясно, что существующее до сего времени слово въ простой Русской рѣчи „прикорнуть т. е. прибрать что нибудь къ своимъ рукамъ“ есть производное отъ крьнуть. Такіе строгіе законы ясно говорятъ о прочности древней Русской культуры. Что крьнуть заимствовано не изъ Сербскаго языка, какъ думалъ Срезневскій, тому доказательствомъ служитъ усвоеніе еще Римлянами этого слова для означенія выбраннаго, но не принятаго еще въ число атлетовъ, который у нихъ назывался encrinomenos.

Равнымъ образомъ мы нигдѣ не находимъ въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками слѣдовъ и Норманскаго пиратства, подозрѣваемаго Срезневскимъ въ бытѣ Руссовъ. Напротивъ, неправильно объясненная имъ 14 ст. Олегова договора указываетъ, что Русь сама вызывалась выдавать Грекамъ своихъ преступниковъ, сбѣжавшихъ изъ Греціи, повторенія каковаго обязательства мы не находимъ въ договорѣ Игоря, но за то здѣсь

оказывается въ лицѣ каровъ, берновъ, куцей, коловъ и егрей спеціальная корпорація должностныхъ лицъ, обязанная наблюденіемъ и собственною расправою надъ всякаго рода своими преступниками, а преимущественно бѣглыми, которые особенно тянули въ богатую Грецію, не желая подчиняться новому государственному устройству въ своей землѣ. И обратно, со времени Игоря, оказывается сильный напливъ Грековъ въ Русь, что очевидно по количеству греческихъ названій у Игоревыхъословъ, изъ которыхъ нашъ Лудзанинъ былъ женатъ на Гречанкѣ, называвшейся Сфандрою. Соглашеніе Руссовъ по договору Игоря на ассигнаціонную оцѣнку наволокъ, при обмѣнѣ на нихъ плѣнныхъ Грековъ, ясно указываетъ на сильное стремленіе Руссовъ въ Грецію, при которомъ наши предки не могли мечтать объ угрюмой и бѣдной Скандинавіи, изъ быта и памятниковъ которой никакой ученый не можетъ объяснить не только ни цѣли, ни значенія этихъ договоровъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ Русско-Ливонскимъ, ни съ Польскими договорами, но даже опредѣлить состава словъ.

На сколько Греческая культура привилась къ Русской, то доказываетъ названіе нашей страны у нѣкоторыхъ западныхъ писателей прямо Грецією, напр. у Адама Бременскаго (Кн. 2. с. 13). Не наши предки со Швеціею, но Шведы стремились къ сліянію съ нашею страною и вынесли изъ нея для себя названіе; Норманновъ, занятое ими отъ слова „монъ“, которое они измѣнили въ манъ подобно Датчанамъ, измѣнившимъ нашу Роть въ Рапрусь. Слово „монъ“ стало корнемъ для словъ: мужъ или монжъ и мужикъ“, а слово „манъ“ стало корнемъ для польскаго слова: „mąż или менжъ“. И, наконецъ, что Норманы-Варяги были не одно тоже, что Варяги-Русь, самъ лѣтописецъ нарочно выдѣляетъ послѣднихъ изъ сѣверныхъ народовъ, принадлежавшихъ къ Варяжской культурѣ, между которыми нашъ Рюрикъ появился на защиту, какъ увидимъ ниже, для борьбы съ Франками христіанами, о чемъ лѣтописецъ умалчиваетъ, не желая выставить Руссовъ противниками Христіанства; но за то яснѣе и опредѣленнѣе онъ указываетъ на то, что Рюрикъ вступилъ на княженіе въ Новгородъ не съ Норманами варягами, а съ Русью-варягами, которые съ этого времени навсегда оставили своихъ западныхъ собратьевъ по культурѣ. Послѣдніе, лишившись въ Варягахъ Руссахъ своихъ правителей, оказываются съ

этого времени пиратами, нападая безъ разбору какъ на Франковъ, такъ и на прежнихъ своихъ вождей—Варяго-Руссовъ, противъ которыхъ они являются при открытіи крыжацкихъ походовъ на Ливонію въ первыхъ рядахъ пропаганды, (Хрон. Генр. Латыша, с. I и II.) также какъ Датчане и Нѣмцы.

Не даромъ Шлецеръ назвалъ эти договоры единственнымъ въ мірѣ образцомъ своего рода, хотя, увлекшись Норманскою теоріею, не съумѣлъ объяснить ихъ, съ чѣмъ не могли справиться и его послѣдователи, не смотря на всѣ свои громадныя усилія и труды.

И Географія оказала не менѣе фальшивую услугу Исторіи нашей страны, чѣмъ и Филологія, забывъ не только о ея мѣстоположеніи, но даже и названія. Въ лѣтописи сохранилось положительное свидѣтельство о нашей странѣ въ слѣдующихъ словахъ: „А Двина идеть на полуночье и внидеть въ море Варязское. Тѣмъ же изъ Руси можетъ идти по Двинѣ въ Варяги, а изъ Варягъ и до Рима“. Очевидно, что подъ этими словами лѣтописецъ разумѣетъ нашу страну и Ливонію, но наши ученые никакъ не предполагали ее въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, отыскивая Варяжскую Русь то между Норманами, то въ земляхъ южныхъ Славянъ. Сементовскій, членъ разныхъ ученыхъ обществъ и секретарь Витеб. Статистич. Комитета, говоря о прибытіи въ Полоцкъ Рогвольда изъ-за моря Варяжскаго, указываетъ это море на Понтійское, т. е. Черное море. Что наши Варяги были прежде всего выходцами изъ Паноніи и Галиціи, на то указываетъ масса названій у поселеній Люцинскаго, Рѣжицкаго и Динабургскаго уѣздовъ и вообще по Витебской губ., оставленныхъ варягами или дароварами или таробарами, какъ то: Сондары, Пондары, Обольдары, Фальвары, Пиповары, Валтары, Вартулы, *) Варколяны, Варосаи, Варсковяны, Бареуки, Большіе Барины, какія названія преимущественно встрѣ-

*) Слово вартулы происходитъ отъ слова вара,—общаго въ названіяхъ нашихъ поселеніяхъ, а значеніе слова тула мы выводимъ изъ слова притулокъ, т. е. мѣсто пристанища. Отъ этого слова мы производимъ названіе области въ Ливоніи Толова и поселеніе въ Полоцкомъ уѣздѣ Тулоевцы, въ Люцин. у. Вертулы или Вертулово, въ Рѣж у. Туленмуйже, а также названіе поселенія Толнаги, т. е. великой Толы или Тулы. Отъ слова наги, т. е. великіе мы имѣемъ въ нашемъ районѣ много производныхъ хорографическихъ названій, напр. Ванаги, Нагля и др.

чаются въ Галиціи и въ Паноніи и указываютъ на нашу страну, какъ на станицу варяговъ. Тожественность словъ: „варъ, баръ, даръ, таръ и веръ“ подтверждается какъ хорографическими указаніями, такъ и въ литературахъ: Византійской, Латинской и нашей. Въ Латинской вередаріемъ назывался почтовый чиновникъ, сборщикъ податей, а варисками назывались адвокаты. Дары и тары также одно и тоже, какъ и вары. У Римлянъ и Грековъ числились пять родовъ баровъ: Вередаріи, Ессендаріи Ковнаты, Моленгаріи и Дромедаріи. Отъ этихъ корней у насъ въ Русскомъ языкѣ сохранилась масса названій для разныхъ предметовъ, напримѣръ: таратайка, тарантасъ, тартана, государь, Володарь, верига, верешага, барабанъ, и др. Въ древнемъ Русскомъ языкѣ было болѣе словъ отъ этихъ корней, напр. тарабанить, таркочить, таранъ, бердышъ, вардига, вербовать и выраженіе: вара, т. е. стой! Другія названія нашей страны, оставшіяся въ сказкахъ и эпосѣ также забыты наукою, напр. Лукоморье, островъ Буянъ, Балта и наконецъ, знаменитое древнее ея названіе, извѣстное изъ припѣва къ пѣснѣ: „Во полѣ березонька стояла“, подъ словомъ „Чудоронина“, которымъ у насъ до сего времени называются въ озеро Рѣжиц. у. и поселеніе въ Люцинскомъ уѣздѣ, составленное изъ словъ: Чудолъ и Роль„ заимствованныхъ отъ Галиційскихъ Славянъ. Однакожъ наши первые князья и Рогволодъ пришли къ намъ не отъ Чернаго моря. Равно и Польскіе и Нѣмецкіе писатели также ошибаются, доказывая, основываясь на преобладающей массѣ населенія изъ Латышей,что эта страна принадлежала искони Латышамъ, которые положительно отказываются сами отъ этой чести, называя нашу страну то Kriwezeme, то Widozeme. Въ раннихъ Нѣмецкихъ хроникахъ и актахъ она называется вообще Widland. Іорнандъ же, пис. V в. по Р. Хр., указываетъ, что народъ нашей страны, состоявшій изъ разныхъ племенъ, и притомъ побратовавшихся (aggregati), назывался не прямо Видами, а Видивариями,—и мы видимъ кучу названій по ихъ имени у поселеній Витебской губ., а именно: Видусы, Миловиды, Межевиды, Кривевидобескъ (Торопецкъ), Видоки, Витебскъ и др. Нѣмецкіе писатели называютъ Видовъ Готскимъ племенемъ, а почему первыхъ нашихъ князей и Варяжскую Русь выводятъ изъ Скандинавіи, гдѣ находится, какъ и въ Даніи, много слѣдовъ пребыванія тамъ Руссовъ, откуда, дѣйствительно, и пришли къ намъ первые князья. Но земля

Варяжской Руси, ея главная колонія была не въ Даніи и между Норманами, которыми она только заправляла, удалившись изъ Паноніи въ наши страны, оттиснутая, по свидѣтельству Кунгурской лѣтописи (помѣщ. въ Старинѣ за 1882 г.), за союзъ съ Римлянами къ сѣверу. Ясно, что Нѣмецкіе ученые ошибаются, отнимая у Кривичей и Руссовъ нашу страну. По имени Криве у насъ находится также нѣсколько поселеній, напр. Крывы, Кревы и др. Кривомъ Латышъ называетъ Русскаго, по имени котораго находится опять масса названій, напр. поселеніе Русскелово, озеро Рушонъ или Руссонъ, поселеніе Рушендорфъ, озеро Расня, пос. Росица. Въ особенности, Польскіе писатели ошибаются, называя нашу страну, принадлежавшею Латышамъ издревле, хотя нѣкоторое время она и называлась Лотыгаліею, по удаленіи изъ нея Русскихъ. Также Историкъ города Полоцка Бѣляевъ говоритъ, что городъ Витебскъ основанъ въ землѣ, заселенной первоначально Латышами. Дѣйствительно, подъ Витебскомъ и подъ Смоленскомъ находится нѣсколько Латышскихъ поселеній, но изъ того не значитъ еще, чтобы Латыши были первоначальными поселенцами въ нашихъ странахъ, переселенные въ наши земли, какъ увидимъ, въ очень позднее время. Эта страна всегда считалась Русскою землею, въ которой, въ XII вѣкѣ, основанъ былъ храмъ Смоленскимъ, а потомъ В. К. Кіевскимъ Рюрикомъ Ростиславовичемъ, по случаю родившагося у него въ городѣ Лучинѣ сына Ростислава, нареченнаго Греческимъ христіанскимъ именемъ въ честь Михаила Архистратига. Карамзинъ и П. Батюшковъ указываютъ Лучинъ на нынѣшній Лучинъ или Лудзу, но профессоръ Барсовъ думаетъ, что этотъ Лучинъ былъ въ другихъ мѣстахъ. Барсовъ однакожъ ошибается, не зная точно хорографіи нашей страны, въ которой подъ Люцином, въ верстахъ 15-и, находится село Михайловское, основанное на мѣстѣ, гдѣ родился славный витязь своего времени. Болѣе крупную ошибку заявилъ членъ Церковно-Археологическаго Кіевскаго общества Розовъ, опредѣляя мѣстопребываніе Полоцкаго князя Андрея Ольгердовича, знаменитаго Куликовскаго героя, попавшагося въ плѣнъ къ Польскому королю Ягеллу, который бросилъ его въ тюрьму, изъ которой онъ освободился однакожъ чрезъ два года. Остается вопросомъ у историковъ, гдѣ проживалъ несчастный Андрей Ольгердовичъ по выходѣ изъ тюрьмы до паденія своего на полѣ сраженія съ Та-

тарами на берегахъ р. Ворсклы въ 1399 г.? Загадка эта разрѣшилась по случаю найденной подписи на передовомъ листѣ рукописной Четьи-Минеи, заключающейся въ словахъ: „Андрей, Великій король Литовскій, городъ Каменецъ“. Въ Вѣстникѣ Русской печати за № 81-мъ 1881 года, говорится, что г. Розовъ упомянутый городъ Каменецъ признаетъ Каменцемъ на Подолѣ. Мы не соглашаемся съ мнѣніемъ Розова, потому что въ нашей странѣ имѣется свой Каменецъ, нынѣ село Динабургскаго уѣзда. Есть извѣстіе, что предъ смертью своею Андрей Ольгердовичъ даже посѣтилъ разъ свой любимый городъ Псковъ. По имени Андрея Ольгердовича едва ли не получило свое названіе поселеніе Рѣжиц. у. „Андрейно“?

Обличеніе филологическихъ ошибокъ нашихъ ученыхъ мы поставили впереди своего изслѣдованія, какъ дѣло предварительной необходимости. Увлеченіе наглядною этимологіею ввело и нашихъ юристовъ въ ошибки, въ которыхъ выказывается ихъ забвеніе о колыбели и происхожденіи ихъ корпораціи. Недавно въ Вильнѣ одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ напечаталъ спеціальное изслѣдованіе объ историческомъ происхожденіи присяжныхъ (Бейтгигель „О судѣ присяжныхъ“), получившемъ свое начало, по его словамъ, отъ Римлянъ и западныхъ народовъ и усвоенномъ Славянами съ развитіемъ у нихъ культуры, въ каковомъ изслѣдованіи авторъ его пресерьезно утверждаетъ, что слово „вердиктъ“ означаетъ справедливое, истинное рѣшеніе, предполагая, вѣроятно, образованіе этого слова отъ латинскихъ словъ: „Verum—истинное и dictum приговоръ.“ Что слово „веръ“ въ выраженіи „вердиктъ“ происходитъ не отъ verus истинный, на то мы находимъ доказательства въ словахъ, сложныхъ съ verus напр. verisimilis, veriloquium и т. д.; гдѣ необходимымъ оказывается посредствующій звукъ i. Въ изъясненіи послѣдняго слова т. е. dictum Бейтгигель угадалъ правду, а въ объясненіи перваго слова: „веръ“ горько ошибся. Если слово „вердиктъ“ не означаетъ приговора веровъ или варовъ, то какимъ образомъ онъ передастъ слова: „вергильдъ“ *) деньги или штрафъ убійцы въ защиту оскорбленнаго, и „верманея“ дружину веровъ или варисковъ у Германцевъ? Если бы г. Бейт-

*) Въ Nouveau de Manuel Beacaulaureat находится указаніе о значеніи подати вергильдъ и о вередаріяхъ.

гигель ознакомился съ трудомъ покойнаго нашего Виленскаго историка П. Кукольника, его исторіею г. Вильны, то онъ тамъ нашелъ бы приведенное имъ извлеченіе изъ Нарбута, заключающееся въ сохранившемся на Литвѣ выраженіи: „люди добрые, веры *) годные полагали свои шапки на судѣ“. Конечно, „веры годные“ только и означало присяжныхъ, но не правдодатцевъ, а защитниковъ. Они—только защитники права у обвиняемыхъ, каковая обязанность, какъ увидимъ ниже, была присуща всякому чивилю или гражданину (civilis) по Римскимъ законамъ, съ каковою обязанностью являются и наши веры или варяги въ видѣ поручниковъ или поручителей права закона, въ значеніи каковомъ оказывается слово: „варежка“ или рукавица, употребляемое народомъ. **) въ этомъ смыслѣ и до сего времени. Ошибку Бейтгигеля мы сопоставляемъ съ ошибкою тѣхъ ученыхъ, которые принимаютъ слово „видокъ“, встрѣчающееся въ Русской Правдѣ въ значеніи слова „свидѣтель“, что совершенно не согласуется со смысломъ выраженій, въ которыхъ оно встрѣчается,—о чемъ мы скажемъ въ заключеніи своего труда. Слово: „видокъ“ очевидно стоитъ въ связи со словомъ: „веръ или варъ“ какъ составное въ словѣ: „видіоваріи“, т. е. названіи народа, жившаго съ Венетами или Венедами у Коданскаго залива въ сосѣдствѣ съ Гиррами и Скуррами или Курами, т. е. Курляндцами, по свидѣтельству Іорнанда. Во время Ярослава Мудраго, наши вередаріи или Варяги стали сходить со сцены, оставляя по себѣ видоковъ или видусовъ, оказываю-

*) Что вары или варяги назывались у насъ тоже верами, то мы находимъ этотъ звукъ въ названіяхъ поселеній: Завережье (Вит. губ.), Вережская губа у озера Ильменя и р. Веранда у того же озера, пос. Вертулово.

**) По свидѣтельству Іорнанда при Двинѣ жили Видиваріи,—не понимаемъ также, какъ бы передалъ Бейтгигель по русски названіе этого народа, составленное прямо изъ словъ: „видъ и варъ“. Мы не касаемся ошибки Бейтгигеля въ основной мысли его статьи, будто учрежденіе или введеніе института присяжныхъ есть признакъ перехода народа изъ родоваго быта къ первымъ ступенямъ цивилизиціи. Это крайняя ошибка. Отъ корня „варъ“ въ старо-русскомъ языкѣ существовалъ глаголъ „обваровать“ въ значеніи „ограждать“; такъ въ грамотѣ Сигизмунда III къ Витеблянамъ 1619 г. 19 февраля (Витебская старина Сапунова) находится выраженіе: „зачимъ они жодали насъ, абы есмо безпеченство ихъ листомъ нашимъ обваровали“. Слово „варягъ“ Погодинъ и Устряловъ производили отъ Греческаго слова βάραγγος, но послѣднее очевидно занято Греками отъ Русскаго слова „варягъ“ образовавшагося подобно словамъ: сутяга, бѣднягa, летяга и т. п.

щихся еще въ Русской Правдѣ. Конечно, указанныя нами ошибки, касающіяся глубокой древности, извинительны: онѣ проистекаютъ изъ поверхностнаго отношенія къ опыту и изъ излишней довѣрчивости кабинетнаго труженика къ собственнымъ догадкамъ и заключеніямъ, не провѣреннымъ на дѣлѣ. Но эти выводы не могутъ принести пользы наукѣ. Вслѣдствіе таковыхъ ошибокъ рождается у дальнѣйшихъ изслѣдователей скептицизмъ, на столько модный и обыкновенный между нашими учеными, изъ которыхъ нѣкоторые съ позорною дерзостью осмѣливаются отрицать не только традиціи и лучшія вѣрованія нашего народа, но самые неоспоримые факты, извращая самую букву документа для предвзятой цѣли, не говоря уже объ извращеніи и ложномъ толкованіи событій.

У Русскаго народа есть высокія, священныя традиціи, относящіяся къ древней его судьбѣ: таковы традиціи о Константиновомъ Вѣнѣ и о бѣломъ клобукѣ Новгородскаго Архіепископа. Общеизвѣстность для цѣлаго народа этихъ традицій доказываетъ, что они не могли быть продуктомъ хитрой изобрѣтательности ума политика или плодомъ фантазіи какого нибудь бояна и поэта. Мы открываемъ жизнь этихъ традицій и въ святочныхъ играхъ простолюдина, (Царь Константинъ и Максимиліанъ—народная интермедія) въ пѣсняхъ, въ сказаніяхъ книжниковъ и, наконецъ, въ хорографіи, начиная отъ Волыни и кончая нашею страною,—отъ Стараго Константинова до надъ-Двинскихъ поселеній, называемыхъ Константиновыми. Что эти поселенія попали къ намъ не случайно, тому доказательствомъ служитъ существованіе бокъ о бокъ съ ними поселеній, называющихся именами монарховъ Византійскаго міра, а именно: Юліаново, Юстіаново, Ириноль, Леоноль, Спльверстрово и Спльверстринъ, Мамоноль и др. (Послѣднія два напоминаютъ о другѣ Константинѣ В. папѣ Спльверстрѣ и о Св. Мамѣ.) Не могли эти поселенія явиться въ позднее время, такъ какъ наша страна за послѣдніе шесть вѣковъ была въ переходномъ состояніи у народовъ, враждебныхъ Византійской культурѣ. Слѣдовательно, наша страна была во время Константина В. въ близкой связи съ Византіею, на что находимъ намекъ въ проповѣди Іоанна Златоуста, что слово Божіе въ его время проникло въ земли, лежащія за предѣлами моря,—на Британскіе острова. (Проповѣдь о пророченіяхъ Христовыхъ.) Однакожъ профессоръ цер-

ковной исторіи Терновскій на столько скептически отнесся къ этимъ священнымъ традиціямъ, что онъ называетъ ихъ запросто измышленіемъ Московскихъ нашихъ доморощеныхъ, малограмотныхъ книжниковъ и начетчиковъ, принятію каковаго измышленія много помогало тупое легковѣріе нашихъ предковъ этого времени, каковому легковѣрію много потворствовалъ Іоаннъ Грозный. Терновскій указываетъ, что по вопросу о бѣломъ клобукѣ Новгородскаго Архіепископа два раза былъ собираемъ соборъ нашихъ Архіереевъ при Іоаннѣ Грозномъ, и только на 2-мъ соборѣ Іоаннъ Грозный, узнавъ легенды объ этомъ клобукѣ, которыхъ при составленіи перваго собора „Царь не знаетъ изъ писаній этихъ легендъ“, рѣшилъ ихъ отвергнуть, приписывая ихъ вымыслу Димитрія Толмача. Судьбу легенды объ этомъ бѣломъ клобукѣ Терновскій такъ передаетъ: „бѣлый клобукъ будто бы первоначально данъ Константиномъ В. папѣ Сильвестру; затѣмъ, спустя много лѣтъ, развращенные папы, отъ бѣса подстрекаемые, захотѣли истребить святой клобукъ, но всѣ мѣры оказались для того недѣйствительными. Наконецъ, папа, напуганный грознымъ откровеніемъ Божіимъ, противъ воли долженъ былъ отправить клобукъ въ Константинополь, гдѣ патріархъ Филофей и царь Іоаннъ Кантакузинъ приняли клобукъ съ честью и радостью, но св. папа Сильвестръ и царь Константинъ, явившись патріарху, заповѣдали ему отправить св. клобукъ въ Новгородъ ко владыкѣ Василію“. Продолженіе разсказа Терновскаго о торжественномъ пріемѣ владыкою Василіемъ этого клобука мы оставляемъ, объясняя, что Терновскій, разобравъ анахронизмы имѣющихся на рясахъ клобука ликовъ Русскихъ святыхъ, начиная отъ Варлаама Хутынскаго и Сергія Радонежскаго и кончая Кирилломъ Бѣлоозерскимъ, указавъ потомъ, что перенесеніе клобука пріурочивается къ XIV вѣку, между тѣмъ какъ еще Іоаннъ владыка (1185 г.) носилъ бѣлый клобукъ, заключаетъ, что повѣсть сочинена, а слѣдовательно и происшествіе и самый предметъ составляютъ измышленіе малограмотныхъ книжниковъ. По этимъ ли причинамъ или по другимъ, клобукъ на соборѣ 1567 года былъ не признанъ, но Терновскій, упрекая нашихъ предковъ въ легковѣріи, обращается съ строгою критикою къ историческимъ свѣдѣніямъ Іоанна Грознаго и Курбскаго, оставшимся въ ихъ перепискѣ, изъ которой Терновскій приводитъ отрывокъ изъ письма Іоанна Грознаго о

причинахъ паденія Византіи, состоявшихъ изъ возмущеній вельможъ и духовенства противъ самодержавія Византійскихъ императоровъ. По извлеченіи этого отрывка, Терновскій даетъ такой отзывъ о свѣдѣніяхъ Іоанна Грознаго и Курбскаго въ исторіи: „Византійская имперія дѣйствительно могла дать царю, такъ и Курбскому не мало матерьяла для защиты любимыхъ ими идей. Къ сожалѣнію, оба они не обладали для этого ни достаточнымъ знаніемъ исторіи, ни достаточною силою историческаго мышленія. Курбскій привелъ только разсказъ о видѣніи св. Николая, стоящій внѣ исторической дѣйствительности, а царь представилъ плохой и безсвязный очеркъ перемѣнъ, обозначавшихъ собою упадокъ Византіи, но не доказалъ своего положенія: „нигдѣ же обрящеши, иже не разорится царству, еже отъ поповъ владому... иже во Грецѣхъ царствіе погубившихъ“, равно не доказалъ и другого положенія о погибели царей, послушныхъ епархамъ и синклиту. Произнося свой строгій приговоръ Іоанну Грозному и Курбскому, изъ которыхъ именно послѣдній заслуживаетъ его, современный нашъ ученый не показалъ однакожъ этихъ матерьяловъ противъ доказательства гибели Византіи „отъ поповъ владому“, такъ какъ на Русскомъ языкѣ, кажется, имѣется этихъ матеріаловъ очень скромное количество по извѣстной причинѣ. Да и для Православнаго Царя какъ то неудобно разсуждать на эту тему; для него достаточно только указать на подобный фактъ, явленіе котораго въ Русскомъ государствѣ не нормально. Но Іоаннъ Грозный въ краткомъ, но ясномъ очеркѣ вѣрно изобразилъ судьбу Византійской имперіи съ первыхъ дней ея величія и до печальныхъ дней ея паденія, указавъ на три періода ея судьбы. Критикъ нигдѣ не могъ прицѣпиться къ повѣствователю, поставивъ только, въ качествѣ рецензента, знакъ вопроса послѣ слова Персы, которымъ Іоаннъ Грозный приписываетъ завоеваніе Іерусалима. Персами у прежнихъ писателей назывались вообще и Персы и народы Тюркскаго племени. Такъ разгромилъ современный нашъ критикъ Терновскій самаго лучшаго геніальнаго Историка-Царя Іоанна Грознаго, знавшаго и понимавшаго исторію не только до полноты въ буквѣ и въ теоріи, но указавшаго своему потомству на тѣ задачи, съ рѣшеніемъ которыхъ наше Государство достигло настоящаго могущества. Грубо, неблагодарно отнесся Терновскій къ просвѣщеннымъ заслугамъ нашего великаго Государя, стоявшаго по своему геніальному уму, свѣ-

дѣніямъ, идеямъ и предначертаніямъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. *) Требуя отъ Государя школьной диссертаціи, критикъ забываетъ о его великихъ заслугахъ какъ Законодателя и Политика, для чего ему необходимо было имѣть громадный запасъ не школьныхъ, а практическихъ и общественныхъ свѣдѣній и способностей. И въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности онъ всегда и вездѣ стоялъ на выси своего призванія, какъ орелъ въ поднебесьи, готовый ко всему на встрѣчу. Какими свѣдѣніями не обладалъ нашъ Государь? Въ дипломатической сферѣ онъ самъ лично сносился съ иноземными послами, зная Русскій, Татарскій, Нѣмецкій, Польскій и Славянскій языки, былъ знакомъ съ Греческимъ и Латинскимъ языками, тогда какъ современникъ и врагъ его Баторій управлялъ своимъ Польскимъ королевствомъ, сносясь съ своими подданными на Латинскомъ языкѣ, потому что онъ не зналъ языка своихъ подданныхъ. Введеніемъ Латыни между своими поданными Стефанъ Баторій убилъ развитіе у нихъ своей національности, между тѣмъ какъ Іоаннъ Грозный всѣ свои заботы направлялъ къ охраненію и развитію ея у своего народа. Такая близкая связь своего прирожденнаго Государя съ своими поданными вдохновила ихъ къ осуществленію и воскрешенію высшихъ историческихъ чаяній, для которыхъ наше Государство было призвано еще съ доисторическаго времени и которыя онъ хранилъ во время самыхъ тяжелыхъ испытаній. Такою традиціею оказывается завѣщаніе Константина В. о его вѣнцѣ, наслѣдницей котораго заявлена этимъ завѣщаніемъ Русская нація послѣ паденія Византіи. Происхожденіе этой традиціи, какъ и о бѣломъ клобукѣ Новогородскаго Архіепископа, каковымъ клобукомъ выразилась передача главенства церковной іерархіи изъ Рима въ Русскую землю,

*) Терновскій не хочетъ признать у Іоанна Грознаго ничего самостоятельнаго, а только заимствованія и подражанія, напр. рѣчь его къ Адашеву перифразомъ наставленій Константина В. къ судьямъ и навѣянною Византійскими образцами. Стоглавый Соборъ Іоаннъ Грозный, по мнѣнію Терновскаго, созывалъ также, подражая Византійскимъ Царямъ, тогда какъ и предшественники Іоанна Грознаго собирали соборы. Самый Стоглавъ Терновскій называетъ заимствованіемъ и продуктомъ Византійской и Псевдовизантійской Исторіи. Вѣроятно, Терновскій считаетъ и Судебникъ и Чертежъ, составленные Іоанномъ Грознымъ, тоже перифразами и продуктами Псевдовизантійской Исторіи. Не такого характера былъ Іоаннъ Грозный, чтобы быть чьимъ нибудь подражателемъ или увлекаться иноземщиной.

Терновскій приписываетъ измышленіямъ современниковъ Іоанна Грознаго, но онъ ошибается, принимая время повсемѣстнаго заявленія этихъ традицій, совпавшее съ великими переворотами XVI вѣка, т. е. паденіемъ папской власти, паденіемъ рыцарства, открытіемъ книгопечатанія и Новаго Свѣта, принимая это время, какъ послѣдствіе паденія Константинополя, наслѣдникомъ котораго будто бы рѣшился выступить Іоаннъ Грозный, вслѣдствіе чего Терновскій и считаетъ эти традиціи дѣломъ Іоанна Грознаго и, въ особенности, составленіе сказанія о небывалой передачѣ Константиномъ Мономахомъ, Греческимъ Императоромъ, своего вѣнца и царскаго титла нашему Государю Владиміру Мономаху, принявшему и свою фамилію отъ этого государя Греческаго. Терновскій считаетъ эти сказанія вымысломъ современниковъ Іоанна Грознаго, не находя подобнаго сказанія у современниковъ Владиміра Мономаха и указывая въ своей статьѣ: „Тенденціозное приложеніе Византійской Исторіи въ древней Руси“ на многія неточности, обличающія не только вымыслъ самого сказанія, но подложность и не дѣйствительность самого событія. Отсутствіе сказаній у современниковъ Владиміра Мономаха объ этомъ событіи не служитъ еще доказательствомъ недѣйствительности факта, когда на лицо находился самый предметъ, служившій орудіемъ этого факта, предметъ общеизвѣстный для всѣхъ какъ во время Іоанна Грознаго такъ и задавно ихъ предшественникамъ, т. е. корона или шапка Мономаха, упоминаемая и въ завѣщаніяхъ предковъ Іоанна Грознаго и у иностранныхъ писателей, когда самая фамилія: „Мономахъ“ присвоенная Владиміру Всеволодовичу отъ его современниковъ также ясно указываетъ на этотъ фактъ, но Терновскій научнымъ анализомъ промаховъ, по его выраженію, самаго сказанія подвергъ дѣйствительноть факта такому сомнѣнію, что его возвраженія приняты были и заявлены ученымъ журналомъ: „Университетскими Извѣстіями“ (Кіевъ 1875 г. № 11). Такъ какъ къ этому вопросу прикасаются дѣятели нашей страны: первый нашъ Витебскій государь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и далѣе царственный ратоборецъ запечальную судьбу ея, Іоаннъ Грозный, противъ массы враговъ ея, то мы считаемъ себя обязанными изслѣдовать этотъ ученый анализъ Терновскаго о Мономаховой шапкѣ, въ коронованіи которою Іоанна Грознаго не только нельзя отыскивать какихъ бы то ни было тенденціонныхъ цѣлей

со стороны нашего Правительства, но въ этомъ событіи заключается совершенно иная сущность дѣла. Вообще говоря, мысль Терновскаго о тенденціозныхъ видахъ нашихъ предковъ на Византію во время Іоанна Грознаго—мысль новая и смѣлая, каковой не рѣшались высказывать даже наши заклятые враги. Такъ Фрязій рѣшается обличать замыслы нашего Правительства на Византію только со времени Алексѣя Михайловича, приписывая происхожденіе этихъ замысловъ пылкой головѣ патріарха Никона, намѣревавшагося на Московскомъ патріархатѣ возобновить величіе престоловъ Папы и Константинопольскаго Патріарха. *) На чемъ основанъ былъ Польскими писателями подобный отзывъ,—неизвѣстно,—но едва ли не на основаніи Никономъ Новаго Іерусалима подъ Москвою. Если это такъ, то въ такихъ видахъ можно упрекать и Московскаго Митрополита Платона, основателя Вѳаніи,—Скита подъ Троицкою Лаврою. Какъ бы то ни было, подобные замыслы не могли родиться и осуществиться въ головѣ духовнаго лица. Если ученые и подозрѣвали Русское Правительство въ подобныхъ замыслахъ, то не иначе, какъ со времени Потемкина, которому, какъ извѣстно, приписываютъ составленіе Греческаго проекта. Въ сношеніяхъ и связи нашихъ предковъ съ Византіею оказывается слабою и заискивающею стороною не Русское Правительство, но Византійское. Чего же заискивало Византійское Прави-

*) Вотъ слова Фрязія объ этихъ замыслахъ Никона. „Videns igitur fortunam sibi faventem Russiae monarcham eo adduxit, ut Pontificatum in Russia erigeret et eum summum pontificem nominaret. Quo vero audientiae suae specimen quandam daret, remita monarchae exposuit. Imperium Romae veteris translatum fuisse ad Romam novam, i. e. Constantinopolim et S. P. judicio Patriarcham novae Romae eandem habere autoritetam et potestatem, quam Romae veteris. Quia igitur imperio orientali ad huc sub christianorum principum potestate manente Patriarcha Constantinopolitanus primus et universalis Totius mundi appelatus fuisset patriarcha, nunc post occupatum a Turcis imperium, ibi ex jure summa haec dignitas et potestas esse debere, ubi Christianum imperium translatum esset, hoc est Moscuae, id quod Jeremias Constantinopolitanus patriarcha, divino spirito aflatus, urbem hanc, iam suo tempore tertiam appelans Romam, praeddixisset“.

тельство отъ Русскаго Правительства, о томъ общеизвѣстно и ясно не только изъ поверхностнаго изученія исторіи сношеній и связи Руси съ Греціею, но и изъ раннихъ письменныхъ нашихъ документовъ, начиная отъ договоровъ Олега и Игоря и кончая дивною лѣтописною повѣстью о Мономаховой коронѣ,—повѣстью, такъ ложно, превратно истолкованною нашею исторической критикою.

Нѣсколько варіантовъ этой повѣсти группируются около главнаго изъ нихъ, помѣщеннаго въ позднѣйшей нашей лѣтописи, относящейся къ XVII вѣку, такъ называемой Никоновской, заимствованнаго съ изложенія ея, при Іоаннѣ Грозномъ, на царскихъ дверяхъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, въ составленіи какового изложенія участвовалъ несомнѣнно ученѣйшій изъ нашихъ іерарховъ, составитель Четьи-Минеи, митрополитъ Макарій. Изложеніе этой повѣсти въ Никоновской лѣтописи заключается въ такихъ словахъ: „Тогоже лѣта 6622 нача Владиміръ совѣтовати съ бояры своими, хотя пти на Царьградъ, отвѣщаша ему бояре его: сердце царево въ рукѣ Божіей, а мы есмы въ твоей рукѣ. И князь великій, совокупивъ войско, отпущаше воеводъ своихъ во Фракію Царяграда и плѣниша ю довольно и возвратишася здрави во свояси. Тогда же въ Царяградѣ царь Костянтинъ Мономахъ, а въ то время имѣя брань съ Латынью и Пръсы; и посла царь Костянтинъ къ великому князю Владиміру Неофита, митрополита Ефесскаго и съ нимъ два епископа Митилинска и Милитинска и стратига антіохійска и августалія Александрійска, игемона іерусалимска Евстафья, и посылаетъ съ ними къ в. князю крестъ отъ животворящаго древа, и съемъ отъ своея главы вѣнецъ царскій, иже именуется шапка Мономахова, и крабицу сердоликовую, изъ нея же Августъ царь Римскій веселяшеся, и чепи златые и иные многіе царскіе дары. И приде Неофитъ Митрополитъ и съ епископы къ велик. князю: „проситъ царь отъ твоего благородія мира и любве, да церкви Божіи будутъ и все христіанство въ покои пребудетъ подъ сущею властію нашего царства и твоего великаго самодержавства Великія Руси, да нарицаешися отселѣ боговѣнчанный царь“. Вѣнчанъ симъ царь вѣнцомъ рукою святѣйшаго митрополита Киръ Неофита и съ епископы, и отъ того времени князь великій Владиміръ Всеволодовичъ наречень Мономахомъ и царь великія Руссія, и пребысть съ царемъ Константиномъ прочая

времена въ мирѣ и любви; и оттолѣ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ вѣнчаются вси в. князи владимірскіе, егда ставятся на великое княженіе". По заявленію Терновскаго, сказаніе это повторяется и въ прочихъ нашихъ хронографахъ, только въ болѣе украшенномъ и витіеватомъ видѣ, обличающемъ работу нашихъ Московскихъ доморощенныхъ книжниковъ, влагающихъ въ уста совѣтниковъ Владиміра Мономаха выраженія, свойственныя не для дружинниковъ XII вѣка, но для совѣтниковъ Боярской Думы XVI и XVII,— что особенно высказывается изъ выраженія: „сердце царево и проч." Тѣ же и рѣчь Византійскаго императора, по мнѣнію критика, отличается большою униженностью и нетолковитостью, высказывающеюся въ выраженіи: „пріими отъ насъ, о благовѣрный и благолюбивый княже, сія честные дарове, отъ начала вѣчныхъ лѣтъ (послѣ слова лѣтъ Терновскій ставитъ знакъ вопроса) нашего покоренія твоему благородству и пр." Въ исчисленіи хронографами присланныхъ Константиномъ Мономахомъ даровъ, по замѣчанію Терновскаго, оказывается снова сомнительное добавленіе ихъ, а именно: „ожерелье, иже на плещу свою ношаше, (Терновскій замѣчаетъ: „не ясно,—кто: Августъ или Констан. Мономахъ?) и Кацыя, *) иже отъ злата аравійскаго скована и смирна со многими благовонными цвѣты индійскыя земля трома **) (послѣ этого слова Терновскій ставитъ опять вопросительный знакъ) смѣшенія имать". Обращаясь затѣмъ къ воображаемымъ имъ промахамъ повѣсти, въ частностяхъ Терновскій дѣлаетъ такія открытія. 1) Ни въ современныхъ извѣстіяхъ о жизни Владиміра М., ни въ его духовной ничего не говорится о походѣ на Грековъ и о царскомъ его вѣнчаніи. Все время Владиміра М. наполнено было такъ, что ему было не до похода на Грековъ (при чемъ въ выноскѣ Терновскій замѣчаетъ, на основаніи Карамзина, о походѣ Леона, зятя Владиміра М. и Русскихъ дружинниковъ въ 1116 г. на дунайскіе города, при чемъ для критика неизвѣстно о результатѣ этого похода и о присылкѣ царскихъ даровъ Владиміру М.). Политическіе взгляды современниковъ Владиміра М. не благопріятствовали принятію имъ царскаго вѣнца, да и обстоятельства Россіи

*) **) Слово кацыя происходитъ или отъ франц. „cachou" или отъ польскаго „саса, сасек"—ящикъ съ драгоцѣнными ароматами, а трома происходитъ отъ Греч. слова, означающаго мазь,—что совершенно вѣрно,—и Терновскому не слѣдовало-бы ставить вопросительныхъ знаковъ.

были тогда не таковы, чтобы можно было увлекаться сторонними предпріятіями. 2) Въ Византійской исторіи оказывается не только пробѣлъ по поводу этого обстоятельства, но явное противорѣчіе, такъ какъ современникомъ Владиміра М. былъ не Константинъ М. а Алексѣй Комненъ, дочь котораго Анна въ жизнеописаніи своего отца, а также другіе Византійскіе историки ничего не говорятъ ни о войнѣ, ни о мирномъ договорѣ Грековъ съ Русью. При разборѣ мелкихъ подробностей сказанія, Терновскій указываетъ на болѣе еще грубыя ошибки составителей этого сказанія, а именно: онъ въ сказаніи находитъ, что Греческій императоръ занятъ былъ войною съ Персами, (въ сказаніи говорится съ Пръсы и Латынею) но, по завѣренію Терновскаго, въ началѣ XII вѣка Персы давно уже перестали быть врагами имперіи. Потомъ въ спискѣ митрополитовъ Ефесскихъ, изданномъ Лекьенемъ въ 1740 г., въ его сочиненіи: „Oriens christianus“ Paris, впрочемъ по сознанію же самого Терновскаго, не полномъ, не упоминается Неофитъ, и, наконецъ, въ сказаніи перечисляются представители и отъ прочихъ патріархатовъ, очевидно, какъ замѣчаетъ Терновскій, единственно по прихоти автора сказанія, такъ какъ Греческій императоръ не могъ послать представителей ни отъ Антіохіи, ни отъ Іерусалима, такъ какъ эти города были захвачены крестоносцами и тамъ находились даже латинскіе патріархи, Александрія же была въ магометанскихъ рукахъ. По соображеніи этихъ данныхъ, Терновскій приходитъ къ заключенію, что происхожденіе этого сказанія возникло послѣ паденія Византіи и освобожденія Москвы отъ Татарскаго ига, когда Московскій государь сталъ первымъ и единственнымъ кандидатомъ на праздное мѣсто въ мірѣ царя православнаго и тогда признано было возможнымъ придать болѣе опредѣленную форму существовавшему, быть можетъ, прежде темному преданію (въ выноскѣ Терновскій впрочемъ указываетъ на Карамзина, который видѣлъ повѣсть о вѣнчаніи Владиміра М., списокъ которой относится къ началу XVI в., при чемъ упоминаетъ и о разсказѣ Герберштейна о вѣнчаніи Димитрія въ 1497 г.) объ особо важномъ значеніи нѣкоторыхъ старинныхъ утварей изъ царской сокровищницы Московскаго государя, а почему Іоаннъ Грозный и приступилъ къ монументальному ея закрѣпленію, приказавъ записать ее на затворахъ царскаго мѣста въ Успенскомъ Соборѣ, а также и на 12 рѣзныхъ барельефахъ.

Однакожъ ни это, по выраженію Терновскаго, монументальное закрѣпленіе Іоанномъ Грознымъ сказанія, ни грамота Константинопольскаго патріарха Іосафа, присланная Іоанну Грозному для утвержденія его царскаго вѣнчанія, въ каковой грамотѣ патріархъ упоминаетъ и о вѣнчаніи Владиміра М., ничего не прибавляютъ, по мнѣнію Терновскаго, къ исторической достовѣрности факта, къ засвидѣтельствованію котораго Іосафъ былъ вынужденъ, по предположенію Терновскаго, по просьбѣ нашего государя. Добиваясь истины, Терновскій приводитъ разсказъ польскаго писателя Стрыйковскаго о томъ, по какому поводу получилъ Владиміръ Всеволодовичъ свою фамилію и регаліи, а именно, по случаю своего единоборства съ какимъ то Кафинскимъ воеводою, побѣжденнымъ въ единоборствѣ нашимъ Мономахомъ. Отвергнувъ этотъ разсказъ Стрыйковскаго на основаніи анахронизма, потому что во время Владиміра Мономаха еще не существовало Кафы, Терновскій приводитъ разсказы кіевскихъ хронографовъ, поставляющихъ дѣйствующимъ Греческимъ императоромъ въ этомъ сказаніи не Константина М., а Алексѣя Комнена. Сличивъ всѣ противорѣчія лѣтописцевъ и хронографовъ, Терновскій обращается къ мнѣніямъ историковъ по этому предмету, выставляя на первомъ планѣ мнѣніе Серба Крижанича, признающаго оскорбительнымъ дѣломъ для значенія Русскаго государя полученіе короны отъ другихъ государей въ мірѣ и совѣтующаго отвергнуть эту корону, какъ даръ Данаевъ. Послѣ Крыжанича Терновскій указываетъ на Щербатова, мотивирующаго отсутствіе извѣстій у Византійскихъ историковъ по этому предмету желаніемъ ихъ скрыть фактъ, оскорбительный для ихъ національной гордости, и указывающаго на 1116-й годъ, какъ на время событія. Съ горькимъ упрекомъ Терновскій обращается и къ Соловьеву, который съ такою же снисходительною критикою, по его мнѣнію, относится къ этому факту, съ какою оказывается и Щербатовъ. Соловьевъ такъ объясняетъ это событіе: „Дочь Мономахова Марія была въ замужествѣ за Леономъ, сыномъ Греческаго императора Діогена (т. е. Романа Діогена). Извѣстны обычные въ Византіи перевороты, которые возвели на престолъ ея домъ Комненовъ, въ ущербъ дома (здѣсь Терновскій ставитъ знакъ вопроса) Діогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія не безъ совѣта и помощи своего тестя, Русскаго князя, вздумалъ въ 1116 г. вооружиться на Алексѣя Комнина“. Далѣе Соловьевъ

разсказываетъ о нѣсколькихъ нашихъ походахъ на Дунай, прекратившихся со смертью Леона, умерщвленнаго подосланными Алексѣемъ Комниномъ убійцами. Наши воеводы одержали нѣсколько побѣдъ и овладѣли многими городами на Дунаѣ, проникнувъ до Оракіи. Вслѣдствіе чего Алексѣй Комненъ и прислалъ съ мирными предложеніями къ Владиміру Мономаху своихъ пословъ. Извѣстіе это не заключаетъ ничего не вѣроятнаго, по мнѣнію Соловьева, которое Терновскій однакожъ не принимаетъ, указывая посредствомъ переложенія вышеупомянутаго въ сказаніи 6622 годъ отъ сотворенія міра—на 1114-й годъ Христіанской эры, противорѣчащій времени, указываемому и Щербатовымъ и Соловьевымъ. Въ итогѣ Терновскій опирается на Карамзина и Арцыбашева, которые собрали всѣ свѣдѣнія относительно Мономаховыхъ регалій, но отъ собственныхъ мнѣній по этому предмету удержались, каковыя же были свѣдѣнія о томъ Карамзина—Терновскій опять не высказался. Но вмѣсто нихъ Терновскій приводитъ мнѣніе Погодина, склоняющагося къ мысли, что сказаніе о Мономаховой шапкѣ не имѣетъ исторической основы, а есть только результатъ благовѣйной памяти потомства о Владимірѣ М; какъ объ идеальномъ государѣ. „Когда въ XVI вѣкѣ, говоритъ Погодинъ, возникла мысль о царскомъ титулѣ для великихъ князей московскихъ, имя Мономахово тотчасъ представилось правительству. Такъ и теперь вѣнецъ, которымъ вѣнчается Русскій царь въ великую минуту вступленія на престолъ первой державы въ мірѣ, именуется Мономаховымъ, какъ бы въ знаменіе той любви, той взаимной преданности, того высокаго чистаго духовнаго союза, который долженствуетъ быть между Русскимъ царемъ и Русскимъ царствомъ“. Вслѣдъ заэтой трескучей тирадой Терновскій выставляетъ и мнѣніе Вельтмана, что вѣнецъ могъ быть полученъ еще Владиміромъ Св., подобно Стефану Первовѣнчанному, Сербскому государю, по принятіи послѣднимъ Греческой вѣры, и Стаѳію, новокрещеному въ 522 году, князю Лазовъ, которые при своемъ крещеніи получили отъ Греческихъ императоровъ царскія регаліи. Тѣмъ естественнѣе могъ получить Русскій новокрещенный князь, женившійся на родной сестрѣ императоровъ Василія и Константина, если Стаѳій получилъ царскія регаліи отъ Юстина, женившись при крещеніи только на Византійской патриціанкѣ. Терновскій однакожъ и здѣсь заявляетъ сомнѣніе, говоря: „но отъ признанія возможности до

признанія дѣйствительности факта разстояніе огромное". А почему въ заключеніе своего изслѣдованія о нашихъ регаліяхъ онъ обращается съ воззваніемъ къ археологамъ — подвергнуть устройство ихъ, на основаніи матеріала, надписей и работы, разсмотрѣнію и обсужденію", для опредѣленія, съ возможною точностью, время — происхожденія этихъ утварей и тѣмъ дать точку опоры для соображеній историковъ, потому что въ настоящее время сказаніе о Мономаховскихъ регаліяхъ пока можетъ быть признано ничѣмъ инымъ, какъ только измышленіемъ Московскихъ книжниковъ XVI, — измышленіемъ, въ которомъ смѣшаны разновременныя историческія черты, могущія относиться и ко Владиміру Св. и ко Владиміру Ярославовичу, Новгородскому князю, бывшему въ походѣ на Грековъ въ 1043 году, и, наконецъ ко Владиміру Мономаху, который былъ внукомъ Константина Мономаха, въ честь котораго и получилъ отъ своихъ родителей свое прозваніе." Однакожъ Терновскій не высказываетъ своего мнѣнія, которому изъ этихъ государей принадлежитъ Мономахова шапка, указавъ только на происхожденіе фамиліи Мономахъ, присвоенной будто-бы нашимъ государемъ по родству его съ Константиномъ М. Мы не согласны ни съ однимъ изъ мнѣній Терновскаго. Не отрицая голословно, что сказаніе, быть можетъ и составлено нѣсколько позднѣе описываемаго въ немъ событія, но оно основано на самомъ достовѣрномъ событіи и никоимъ образомъ не относится къ разряду традицій и легендъ, а тѣмъ болѣе не можетъ быть причислено къ измышленіямъ, что оказывается по выводамъ и заключенію Терновскаго. Имѣя въ основѣ неоспоримую историческую подкладку, это сказаніе и составлено въ строгой научной обстановкѣ. Не составители сказанія виноваты въ ложномъ истолкованіи сущности и аксесуаровъ, заключающихся въ сказаніи, а сами критики, измышляющіе и вымышляющіе небывалыя вещи, которыхъ не оказывается въ самомъ сказаніи. Взглянемъ на ошибки Терновскаго, подавшія ему поводъ къ такимъ страннымъ выводамъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ событіи оказывается Владиміръ Всеволодовичъ, не оставившій впрочемъ въ завѣщаніи къ своимъ дѣтямъ указанія на это событіе, потому что въ своемъ завѣщаніи онъ описываетъ только собственные подвиги, а въ этомъ событіи онъ оказывается только распорядителемъ его: „отпущаше воеводъ своихъ на Θракію," говоритъ

сказаніе. Терновскій говоритъ, что объ этомъ походѣ не имѣется свѣдѣній и у современныхъ Владиміру М. лѣтописцевъ, но откуда же извлекли свои свѣдѣнія объ этомъ походѣ Соловьевъ и Карамзинъ? Не могли же они сами его вымыслить! Терновскій говоритъ, что Владиміру М. не было времени до похода на Грековъ: но онъ самъ и не ходилъ, а посылалъ своихъ воеводъ, имѣя съ ними только предварительный совѣтъ. А впрочемъ какія же основанія имѣетъ Терновскій, высказываясь съ такимъ положительнымъ убѣжденіемъ? На чемъ Терновскій основываетъ также свое убѣжденіе, что Владиміръ Всеволодовичъ посылалъ свои войска именно для пріобрѣтенія царскаго вѣнца, для каковой цѣли, по мнѣнію Терновскаго не благопріятствовали обстоятельства Россіи того времени. Но нуждался ли нашъ Владиміръ Мономахъ въ Вѣнцѣ также, какъ Стефанъ Сербскій Князь и Стаѳй, царь Лазовъ? Какъ въ Никоновской лѣтописи, такъ и во всѣхъ прочихъ сказаніяхъ Греческій императоръ привѣтствуетъ Владиміра Всеволодовича великимъ въ державныхъ князяхъ Россійскихъ, что показываетъ, что Владиміръ Всеволодовичъ имѣлъ свой вѣнецъ, хотя не отказался и отъ Греческой короны, которую прислалъ Греческій Императоръ, чтобы умиротворить огорченнаго смертью своего зятя побѣдоноснаго своего врага. Хотя Терновскій утверждаетъ, что обстоятельства Россіи того времени не благопріятствовали для похода на Грецію, но онъ ошибается. Россія наслаждалась тогда миромъ и Владиміръ М. имѣлъ у себя союзниковъ, для борьбы съ Греками, подъ рукою въ Угорской Руси и между Дунайскими Славянами, но не въ отдаленной Азіи между Персами и Крестоносцами, съ которыми будто-бы Греки, по указанію Терновскаго на выраженіе сказанія: „имѣя брань съ Пръсы и съ Латынею“, были въ войнѣ. Персія въ то время была такъ отдалена отъ Русской земли, что въ нынѣшнее время Китай ближе къ намъ, чѣмъ была Персія для насъ въ XII вѣкѣ Чтобы уличить составителей сказанія въ невѣжествѣ, Терновскій утверждаетъ, что Персы въ XII вѣкѣ давно уже перестали быть врагами имперіи, каковое убѣжденіе Терновскаго противорѣчитъ истинѣ, такъ какъ всѣ писатели прежняго времени подъ именемъ Персовъ разумѣютъ вообще Сарацынъ и Турковъ Сельджукидовъ, которые начали нападать съ 1049 г. на Греческую имперію. Что подъ именемъ Персовъ разумѣются у прежнихъ писателей Турки, тому

доказательствомъ приведенная самимъ же Терновскимъ переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ, въ которой Іоаннъ Грозный говоритъ: „во царствіе же Михаила и Ѳеодоры царицы благочестивыхъ, Божій градъ Іерусалимъ и страны Финическія Персы изобладаша“. При словѣ: „Персы“ Терновскій ставитъ знакъ вопроса, желая уличить Іоанна Грознаго въ невѣжествѣ, но это только означаетъ, что у Іоанна Грознаго были учителя, имѣвшіе не ту географію, съ которою знакомъ Терновскій и которой желаетъ научить обязательно не только потомство, но и предковъ. Странное своеволіе!.. Еще большее своенравіе оказывается у Терновскаго при чтеніи слова „Пръсы“, читаемаго имъ за Персы, тогда какъ всякій грамотѣй, знакомый сколько нибудь съ Славянскою азбукою, читаетъ это слово, какъ Просы или Прусы, что ближе къ дѣлу, потому что этотъ народъ мы находимъ въ XII вѣкѣ въ Угорской Руси за Карпатскими горами. Всматриваясь въ хорографію Венгріи, мы находимъ въ ней и теперь хорографическія названія по имени Пруссъ, видоизмѣняющіяся то въ Поруссъ, то въ Боруссъ, то въ Пратинъ. Свое названіе они получили, безъ сомнѣнія, еще въ древнее время отъ Руссовъ, господствовавшихъ въ союзѣ съ Римлянами въ Паноніи. Они принадлежали вообще къ Литовскому народу, племена котораго составляли Литаоны или Литва, упоминаемые Іоанномъ Грознымъ въ его вышеупомянутой перепискѣ съ Курбскимъ: „И якоже Настрія, и Испанія, и Далматія, и Француги, и вышній Нѣмецкій языкъ, и Поляки, и Литаоны, и Готове, и Влахи, и Мутьяны, также Сербомъ и Болгаремъ у себя власть держится поставившимъ и отъ Греческаго царствія отторгшеся“. Когда же это произошло отторженіе отъ Греческой власти, то у Помпонія Лета, писателя VI вѣка, находимъ извѣстіе, что при Великомъ Юстиніанѣ Russati, Albati, Veneti et Pratini mappos in circo querunt“, т. е. Руссы, Полабы, Венеды и Пратины или Прутины ищутъ переселенія на новыя мѣста. При своемъ переселеніи Руссы потянули съ собою Литаоновъ или Литву и Летовъ, Земовъ, Корсовъ и др. называвшихся Горою или Галами, по имени Руссовъ которыя племена и удержали эти названія, а Пруссы остались нѣсколько времени на прежнемъ мѣстѣ, переселенію которыхъ препятствовали Мазуры, князь которыхъ Антоносъ поразилъ Пруссовъ. Однакожъ, въ 586 году, Пруссы, соединясь съ Русскимъ княземъ Чіенбахомъ, по свидѣтельству

историка Пруссіи Леона, поразили Антоноса и утвердились на своемъ новосельи. Что Пруссы вышли изъ Паноніи, на то въ хорографіи болѣе ранней Пруссіи мы находимъ доказательства въ одноименности нѣсколькихъ хорографическихъ пунктовъ, напримѣръ: рѣка Прегола, провинція Галиндія, Помезанія (Mezo), Красина (въ Паноніи Krassa), Коваловія, Лопсъ, Прабута и пр. Разрѣшеніе и объясненіе нашего сказанія никакъ не приходится искать въ исторіи отдаленной Персіи, куда обращается Терновскій, но въ исторіи ближайшихъ нашихъ сосѣдей. Минуя изученіе Прусской хорографіи, какъ частнаго для насъ вопроса, мы однакожъ обратимся къ исторіи Пруссовъ, изъ которой они оказываются съиздавна въ ближайшей съ нами связи. Потерявъ господство надъ Пруссами, Мазуры имѣли другого сильнаго врага въ Полякахъ. При Казимірѣ 1-мъ, Польскомъ королѣ, вождь Мазуровъ Маславъ или Мазосъ съ помощью Языговъ (Язвинговъ, тоже Ятвяговъ) и Селеновъ (глав. городъ которыхъ былъ Зельбургъ на Двинѣ), воевалъ несчастно съ Поляками. Лео говоритъ: „erant vero Iaziges ac Slonenses bellicosissimi populi, qui inter Poloniam, Russiam et Prussiam habitabant, quorum aliquae reliquiae superesse et Litvania et Russia dicuntur, т. е. Языги и Селены были очень воинственные народы, обитавшіе между Россіею, Польшею и Пруссіею, пережили до сего времени, и остатки ихъ существуютъ въ Россіи и на Литвѣ. Изъ трехъ этихъ народовъ оказываются самыми слабыми Мазуры, терпѣвшіе набѣги и отъ Пруссовъ, которые въ 1089 году произвели опустошительный набѣгъ и на Русскую землю. Однакожъ, съ 1108 года, Пруссы въ союзѣ съ возмутившимся кн. Мазуровъ Маславомъ противъ Польши открыли борьбу съ Поляками, въ теченіи которой Мазуры опять разсорились съ Пруссами, результатъ каковой борьбы неизвѣстенъ. Во все время этихъ войнъ Русскіе принимали участіе въ судьбѣ и Пруссовъ и Мазуровъ, потому что древніе Польскіе историки почти о каждомъ изъ королей этого времени говорятъ, что они вели войну съ Руссами. Такъ Festum Eccc, издан. 1717 г., говоритъ, что въ 1139 году Болеславъ Кривоустый былъ побѣжденъ хитростью Руссовъ и Венгровъ. Такимъ образомъ, сопоставляя сказаніе о Мономаховой шапкѣ въ связи съ этою исторіею, мы не видимъ въ ней противорѣчія союзу Руссовъ съ Пруссами, оказывающемуся въ сказаніи.

Остается вопросомъ, не разрѣшеннымъ и у Терновскаго, кто такіе были Латины, находившіеся, по нашему сказанію, въ брани съ Греками? Мы полагаемъ, что наша лѣтопись подъ Латинами не крестоносцевъ разумѣетъ, а союзниковъ Пруссовъ, исповѣдовавшихъ Латинскую вѣру и жившихъ на Дунаѣ. Что сценою этихъ событій была Венгрія, о томъ мы находимъ подтвержденіе и у Баронія, по свидѣтельству котораго Дунайскіе Скиѳы и Турки открыли войну въ концѣ царствованія Алексѣя Комнена, который былъ извѣстнымъ другомъ Папы. Изъ исторіи вообще извѣстно, что Венграмъ не понравились еще первые крестоносцы, призванные Алексѣемъ Комнинымъ. Будучи не въ силахъ отразить крестоносцевъ, Венгры и сосѣдніе съ ними народы возстали противъ Алексѣя Комнина, сторонника крестоносцевъ и Папы, желая возвести на престолъ Византіи сына Романа Діогена, сторонника Православія и врага Папы. Война эта была грозная для Алексѣя Комнена, который умеръ въ 1118 году, не окончивъ ее и передавъ ее своему сыну и переемнику Іоанну. Бароній говоритъ, что Іоаннъ окончилъ ее только въ 1122 г. и возвратился, сверхъ всякаго чаянія, во свояси, не побѣжденный только при явной небесной помощи. Бароній хитро умалчиваетъ объ участіи въ этихъ событіяхъ Руссовъ, отпаденіе которыхъ отъ союза съ Пруссами, какъ говорится въ сказаніи, или отъ Турковъ и Дунайскихъ Славянъ, какъ эти народы названы у Баронія, и было спасеніемъ для Грековъ. Почему же объ этомъ событіи не осталось ни у Руссовъ, ни у Грековъ ни договоровъ, ни подробныхъ исторій, о томъ мы объяснимся послѣ, но теперь мы должны сказать, что въ хорографіи Венгріи мы находимъ массу хорографическихъ названій, въ родѣ Туркеви, Торокъ, Турокъ и т. д. Происхожденіе этихъ названій мы объяснимъ при изученіи своей хорографіи. При сопоставленіи изложенія Баронiемъ этой войны, ясно оказывается настоящій годъ окончанія войны, а также и время присылки Греческимъ императоромъ Владиміру Всеволодовичу Мономаховой шапки, а именно въ 1122 году, каковой и въ нашей лѣтописи означенъ въ послѣднихъ двухъ цифрахъ, тогда какъ первыя двѣ 1 1 замѣнены ошибочно двумя цифрами изъ эры отъ С. міра. Кромѣ этого вывода, оказывается также яснымъ, почему Анна, дочь Комнена не описываетъ коронованія нашего Государя Владиміра Всеволодовича, каковое событіе

не касалось царствованія Алексѣя Комнина. При томъ же Руссы играли здѣсь второстепенную роль, сливавшуюся близко въ постороннемъ вопросѣ. Это было и причиною, что и нашъ Государь въ своемъ завѣщаніи умалчивалъ объ этомъ событіи,—событіи, нисколько не радостномъ и не вознаграждавшемъ несчастную его потерю, потому что Владиміръ Всеволодовичъ никакъ не нуждался въ величаніяхъ, подобно мелкимъ князьямъ Стафію и Стефану Первовѣнчанному, будучи преемникомъ Вѣщаго Олега, Грознаго Святослава и Владиміра Св., предъ которыми Греческіе цари трепетали, ограждаясь отъ борьбы съ ними однокровностью и единовѣріемъ, что извѣстно и изъ Государственныхъ актовъ и изъ Исторіи. Быть можетъ, и другіе лѣтописцы, уважая скорбь своего государя, также умалчивали объ этомъ событіи. Представленные дары однакожъ не были (по мнѣнію Терновскаго) только царскою утварью; эта утварь имѣла значеніе и для Греческаго Императора и для Русскаго Государя XII вѣка. Для Греческаго Императора выдача этой утвари имѣло тягостное значеніе,—признаніе своего униженія и покорности предъ Русскимъ княземъ, предъ которымъ уже не одинъ изъ его предковъ также преклонился, но прежніе Греческіе императоры имѣли еще средства продолжать борьбу, а у Комнена не оставалось никакихъ средствъ, и только признаніе своей ничтожности оставляло ему дальнѣйшее существованіе. *)

Слѣдовательно, униженная роль Греческаго Императора предъ нашимъ Государемъ, отрицаемая Терновскимъ, совершенно согласна съ историческими обстоятельствами, изображенными такъ рельефно у Іоанна Грознаго, который, сказавъ о покореніи Персами Іерусалима, продолжаетъ. „царствующіе грады отовсюду во утѣсненіи велицѣ начаша пребывати и отовсюду частыми нахожденіи и браньми и ратьми часто колеблющеся, епархамъ и синклиту всему не престающе отъ злаго своего перваго обычая никакоже, все лице царства разорити помыслъ полагающе. Таже убо отселѣ Греки во многихъ странахъ дани взимаху; потомъ же нестроенія ради и сами дани даяти начаша; и тако убо царствующему граду въ обтѣсненіи велицѣ пребывающу, даже

*) Въ Бакалавреатѣ Гашета (шт. 272 стр.) говорится, что именно Комнены вынуждены были принимать къ себѣ на жалованье Руссовъ, Англичанъ и Норманновъ, которые и поддержали Византію на нѣкоторое время отъ паденія.

до царства Алексѣя, нарицаемаго Дуки Мурцуфла, при немъ же взятъ бысть царствующій градъ отъ Фрягъ и плѣненъ бысть зѣльнѣйшимъ плѣненіемъ". Таже мысль высказана также и Владиміромъ М. на совѣтѣ съ боярами предъ походомъ ихъ на Грековъ въ воспоминаніи его о данихъ, взятыхъ Олегомъ и Святославомъ съ Грековъ. Всѣ эти дары, собственно для Владиміра М., опечаленнаго потерею зятя, съ судьбою котораго соединено было столько надеждъ, имѣли, вопреки мнѣнію Крыжанича, не знакъ зависимости нашей отъ Греціи, а знакъ, напротивъ, нашего первенства надъ Греками при исполненіи той роли, въ какую вступалъ востокъ при борьбѣ съ могуществомъ папъ, съ ихъ пропагандою и, съ другой стороны, при борьбѣ съ неотразимыми Сарацынами. Если-бы эта война не окончилась бы такъ счастливо для Іоанна Комнина, то, конечно, мы видѣли бы Грековъ въ войнѣ съ Руссами за присвоеніе нашимъ Государемъ фамиліи: „Мономахъ", но Греки не только оставили это дѣло безъ вниманія, но съ этого времени уже избѣгаютъ всякихъ споровъ съ Русскимъ Государемъ, такъ что и Полоцкіе князья, изгнанные Мстиславомъ Великимъ, преемникомъ Владиміра Мономаха въ Грецію, не могли поджечь Грековъ къ войнѣ съ Руссами. Терновскій считаетъ усвоеніе за Владиміромъ Всеволодовичемъ фамиліи „Мономахъ" дѣломъ наслѣдственности отъ своихъ родителей; но у его родителей была другая фамилія. Такое присвоеніе фамиліи мы видимъ въ исторіи очень рѣдко, а именно только у Октавія Цезаря, по принятіи имъ Императорскаго титула, принимающаго цезаризмъ, какъ лозунгъ импературы. И нашъ Владиміръ М. думалъ не о Греческой коронѣ, но о лозунгѣ принимаемой имъ фамиліи, возвысившейся протестомъ противъ Римской куріи. Только не задолго до своей смерти Владиміръ Всеволодовичъ принялъ это прозваніе, умалчивая о поводахъ къ тому и какъ бы не хотя и поневолѣ отстраняя и эти тягостные дары и эту злосчастную фамилію Мономаха, со времени царствованія котораго, съ упомянутымъ нападеніемъ Сарацынъ на Греческія земли, начинается паденіе Византіи. Чтобы умиротворить разгнѣваннаго нашего Государя, Греки назначаютъ посольство ко Владиміру М. изъ представителей отъ духовенства—отъ всѣхъ патріархатовъ, чтобы голосомъ единовѣрія заставить забыть его печаль свою о смерти Леона Романовича. Какъ ни кратки наши лѣтописныя данныя о передачѣ Комниномъ Мо-

номаховой Короны Владиміру М., но они не исключаютъ въ себѣ всѣхъ тѣхъ рѣчей, которыя говорилъ хитрый и краснорѣчивый Грекъ нашему Государю, передавая ему свои регаліи, свою корону, свой палладіумъ, свою миссію и заслуги, съ которыми онъ предсталъ у насъ во имя хотя и злосчастной личности своего Государя, но имя котораго сливается съ великою какъ для Грека, такъ и для Русскаго эпохою. Указавши на ошибки Терновскаго противъ научныхъ данныхъ, мы постараемся разоблачить грубое отношеніе критика къ самому смыслу и сущности излагаемаго предмета.

Основываясь на анохронизмахъ, оставленныхъ въ сказаніи, и на характерѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, Терновскій заключаетъ объ измышленіи и самого событія и о позднѣйшемъ время—составленіи этого сказанія, чѣмъ когда произошло самое событіе, обличая въ немъ риторическія претензіи нашихъ доморощеныхъ, малограмотныхъ Московскихъ книжниковъ-начетчиковъ XV и XVI вѣковъ. Что касается время—составленія этого сказанія, то составители его и не думали скрывать время составленія его, что оказывается изъ помѣтки времени исполненія самого событія подъ 1122 годомъ съ обозначеніемъ и указаніемъ, что этими регаліями вѣнчаются всѣ великіе князи владимірскіе; слѣдовательно время составленія этого сказанія относится ко времени резиденціи нашихъ государей уже во Владимірѣ. Указывая на войну Грековъ съ Прусами и Латынею, сказаніе указываетъ и личность того Греческаго государя, который посылалъ эти регаліи нашему государю, каковое указаніе еще болѣе обнаруживается въ выраженіи: „и снемъ отъ своея главы вѣнецъ, и же именуется Мономахова шапка.“ Если бы самъ Константинъ Мономахъ снималъ съ себя вѣнецъ, то подобная фраза: „иже именуется Мономахова шапка“ была-бы плеоназмомъ. Выставленіе въ сказаніи имени царя Константина Мономаха оказывается необходимымъ по самому ходу обстоятельствъ, при умиротвореніи которыхъ могло подѣйствовать на нашего государя только имя Константина М. Хотя царствованіе его и было несчастно, во 1-хъ, по открывшейся войнѣ Грековъ съ Турками или Персами, а, во 2-хъ, по случаю раздѣленія церквей, но послѣднее обстоятельство, т. е. мужественная встрѣча имъ Папскихъ притязаній, въ которой было участникомъ и наше правительство, и сдѣлало имя этого государя высоко-священнымъ для обѣихъ націй, какъ Гре-

ческой, такъ и Русской. Это имя спасло восточныхъ христіанъ отъ служенія папской власти и сдѣлалось лозунгомъ для нихъ въ борьбѣ съ ея пропагандою. Государь, возлагавшій на себя корону его, посвящалъ себя великому въ мірѣ служенію.

Терновскій ошибается при названіи Мономаховой короны царскою старинною *) утварью, каковое названіе идетъ къ такимъ только предметамъ, которые отслужили свое назначеніе и отошли на храненіе въ кладовую; но тѣ предметы, какъ напр. престолъ царскій, знамя, зерцало и др. предметы, употребляемые при священномъ коронованіи, составляющіе вообще дѣйствующій палладіумъ государства, цѣлой націи, никакъ нельзя назвать старинною утварью, а тѣмъ болѣе шапку Мономахову, рѣшившую раздѣленіе церквей, народовъ, культуръ и т. д. Іоаннъ Грозный ихъ назвалъ вообще царскимъ чиномъ, вмѣсто котораго нынѣ употребляется для ихъ названія Латинское слово „регаліи“,—и какъ то, такъ и другое слово не могутъ быть замѣнены названіемъ „царская утварь.“ Вообще слово утварь означаетъ старинную церковную вещь, но у царей или государей такихъ вещей быть не можетъ. Что же за радость Русскому князю обвѣсить себя старинною утварью, хотя бы и Греческаго императора, но потерявшею значеніе? Вникая въ исторію нашихъ регалій, мы убѣждаемся, что значеніе нашей Мономаховой шапки выше многихъ самыхъ священныхъ и въ церкви предметовъ, которые не могутъ быть названы утварью. Латинскіе писатели (Фризій въ своей Metropolia Kiowensis) **) говоритъ, что Изяславъ Мстиславичъ, вступая на Кіевскій престолъ короновался, утвердивъ во главѣ престола главу отъ мощей Климента папы, такъ какъ корона Мономаха находилась въ Суздалѣ у Юрія Долгорукаго. Однакожъ Юрій Долгорукій, не смотря на такую сильную мѣру противъ него Изяслава, одержалъ верхъ надъ своимъ противникомъ. Потомъ, что корона Мономаха не

*) Изъ упрека Терновскаго нашимъ регаліямъ въ ихъ старинѣ, нужно предполагать, что Терновскій любитъ обновки и моду. Подобное пристрастіе похвально только на бульварѣ, но ни въ государственномъ, ни въ семейномъ отношеніяхъ.

**) Фризій такъ говоритъ объ этомъ оригинальномъ короновании: „In ejus (т. е. Изяслава) consceracione anno 1146 facta, caput S. Clementis, summi Pantificis, quo Chersonensij Episcopus, Ducem Volodimirum ad baptismum suum donaverat, vertici suo imponebat“ 2 p.

была у насъ забытою вещью, что старается такъ доказать г. Терновскій, служитъ доказательствомъ то усиленное стремленіе папъ наградить какого нибудь изъ нашихъ князей своею короною, стремленіе, неудавшееся ни съ Романомъ, ни съ Даніиломъ Галицкими и окончательно разрушившееся въ сношеніяхъ ихъ съ Александромъ Невскимъ. Хотя и нѣтъ ясныхъ свидѣтельствъ о томъ, что ею короновались Владимірскіе и Московскіе государи, состоя подъ игомъ Монгольскимъ, однакожъ она возвысила значеніе Московскаго государя между Русскими князьями, которые пассивно преклонялись предъ его возвышеніемъ между ними, полученнымъ при владѣніи этою короною. Вопиственный Кіевскій кн. Рюрикъ II Ростиславовичъ уступалъ Московскимъ государямъ. Какъ ни старались папы о проведеніи своего вліянія и пропаганды послѣ Владиміра М., но это стремленіе ихъ ни въ чемъ не удавалось и даже между Кіевскими князьями. Такъ, въ 1170 году, по просьбѣ Ростислава Мстиславовича, Константинопольскій патріархъ прислалъ въ Кіевъ своего митрополита, и, не смотря на подпаденіе Константинополя Латинамъ, Кіевскіе князья, состоя и подъ игомъ Монголовъ и въ подданствѣ Польши, противились всѣми силами уніи съ Римскою церковью.

Слѣдовательно, выставленіе въ сказаніи на первомъ планѣ имени царя Константина—не случайное и не слѣдствіе малограмотности нашихъ начетчиковъ. Правда, нашъ народъ, какъ и всякій въ своихъ историческихъ сказаніяхъ любитъ обобщенія въ подобныхъ случаяхъ, называя вообще, напр. египетскихъ царей фараонами, турецкихъ—султанами, нѣмецкихъ карлами, но Терновскій напрасно старается придать этому сказанію названіе легендарнаго сказанія. Напротивъ, роль имени царя Константина М. имѣетъ въ этомъ сказаніи глубокое, незамѣнимое значеніе, такъ что пересоставленные варіанты этого разсказа у Кіевскихъ лѣтописцевъ (Синопсисъ) съ именемъ Комненовъ уже теряютъ то высокое государственное значеніе, которымъ дышетъ сказаніе Владимірскихъ лѣтописцевъ, группирующееся около имени Константина М. На сколько неосновательно возраженіе Терновскаго противъ имени Константина М., на столько же неосновательно его возраженіе противъ несовременности тона рѣчи бояръ на совѣтѣ съ Владиміромъ М., при которомъ, по мнѣнію Терновскаго, бояре должны были говорить тономъ дружинниковъ XII вѣка, а не тономъ бояръ XV и XVI в., каковой тонъ обна-

руживается въ отвѣтной ихъ фразѣ Владиміру М. на запросъ его объ открытіи похода противъ Грековъ, заключающейся въ словахъ: „сердце царево въ рукѣ Божіи и т. д.“ Такъ какъ въ исторіи Русской не оказывается ни одного образца совѣта дружины съ своимъ государемъ, то и нѣтъ возможности спорить съ Терновскимъ по этому вопросу. Но убѣжденіе Терновскаго въ присутствіи дружинниковъ на совѣтѣ съ княземъ XII вѣка въ Русской землѣ совершенно ложно, такъ какъ еще въ XI вѣкѣ прибывшій дружинникъ Сумеонъ, князь варяжскій, ко двору Изяслава былъ и не принятъ Великимъ княземъ, и долженъ былъ поступить въ монастырь, а его дружина въ числѣ 1000 человѣкъ поступила на служеніе къ Всеволоду Переяславскому и другимъ князьямъ. Паденіе у насъ дружиннаго строя произошло съ прибытіемъ первыхъ же государей, которые были окружены полками, ратями, а дружины составляли ихъ конвой и существовали только номинально и случайно. Неуваженіе къ профессіи и значенію дружинъ высказывается въ ст. 7 Олегова договора: „аще ли кто мученія образомъ искусъ творити и насилье явѣ или възметъ что либо дружинне“,—гдѣ слово „дружинне“ очевидно употреблено въ нелестномъ значеніи. Дружины или конвои существовали и у нашихъ, и у Литовскихъ князей до поздняго времени, но мы не знаемъ, чтобы онѣ были призываемы на совѣтъ въ государственномъ дѣлѣ, кромѣ случаевъ на полѣ брани. А впрочемъ извѣстное выраженіе Святославовой дружины: „гдѣ твоя голова, князь, ляжетъ, тамъ и наша“, чѣмъ отличается отъ выраженія бояръ Владиміра М? Различіе между этими выраженіями заключается не въ офиціальной, а въ религіозной формѣ. Но, подвязываясь и къ стилю, и къ воображаемымъ анахронизмамъ сказанія, въ концѣ своихъ выводовъ г. Терновскій самъ сочиняетъ необъяснимый анахронизмъ, выставляя предположеніе Вельтмана о короноваціи Владиміра Св. Мономаховой шапкой, тогда какъ Константинъ М. жилъ позднѣе Владиміра Св. почти на цѣлое столѣтіе, и, наконецъ, составляя свое предположеніе о коронованіи этою шапкою Новгородскаго кн. Владиміра Ярославовича въ 1043 году, бывшаго въ походѣ противъ Константина Мономаха, только что вступившаго на свой престолъ. Но какимъ образомъ Владиміръ Новгород. могъ рѣшиться принять корону противъ волн и видовъ своего Государя изъ рукъ чужаго Государя? Такое предположеніе идетъ уже совершенно въ

разрѣзъ и съ историческою обстановкою и даже съ простыми соображеніями. *)

Еще менѣе вѣскости имѣетъ возраженіе Терновскаго, что онъ не отыскалъ въ спискѣ Лекьеня именн Кира Неофита, митрополита Ефескаго,—въ спискѣ не полномъ по сознанію же самого Терновскаго. Развѣ списки подобнаго рода могутъ быть полными, напр. кто представитъ точный списокъ католическихъ бискуповъ кіевской діоцезіи или даже и нашихъ православныхъ іерарховъ Смоленской и Полоцкой епископій? Потомъ развѣ не было случаевъ въ исторіи, что нѣкоторыя политическія знаменитости—постриги носили свои титулы только номинально? Бароній говоритъ, что императоръ Михаилъ Дука, сверженный Алексѣемъ Комнинымъ, былъ постриженъ во Ефескаго митрополита, хотя и не извѣстна судьба этого постриги, а также неизвѣстно и имя, подъ которымъ онъ поступилъ въ постриги. Не этотъ ли пострига—Михаилъ Дука и былъ главою посольства къ Владиміру М.? Припоминая указаніе Терновскаго на авторитетъ писательницы Анны Комнинъ, неизвѣстно почему приданный ей Терновскимъ преимущественно предъ официальными авторитетами, какъ напр. предъ авторитетомъ патріарха Іосафа Константинопольскаго, мы также не видимъ причины, почему Терновскій придаетъ опять значеніе и авторитетъ такому сомнительному изслѣдователю православнаго вопроса, какъ іезуиту Лекьеню? Такое преклоненіе предъ иноземными авторитетами, заявляемое Терновскимъ открыто, съ презрѣніемъ къ своимъ роднымъ источникамъ, указываетъ на поспѣшное и поверхностное изслѣдованіе критикомъ своего дѣла. Доказательствомъ этого нашего заключенія служитъ утвержденіе Терновскаго, что Греческій императоръ не могъ послать въ составѣ своего посольства

*) Слѣдовательно, сказаніе о завѣщаніи Владиміра М. „да не вѣнчаютъ никого на царство по его смерти, чтобы удѣльные князья отъ зависти не открыли междоусобной войны“, имѣетъ очевидную достовѣрность и не противорѣчатъ политическимъ взглядамъ современниковъ и самого Владиміра М. вопреки мнѣнію Терновскаго. И дружина и сами князья были не прочь отъ этой чести, но еще время не наступило для этой чести. Впрочемъ какъ Владиміръ М., такъ и Іоаннъ Грозный были на столько не честолюбивы, что довольствовались только титуломъ В. князя. Грозный большею частью подписывался Великій Князь Московскій, между тѣмъ какъ сосѣди наши, напр. рыцари величали его еще отца Кайзеромъ и хлопотали Василію Ивановичу у Императора кесарскій титулъ, котораго однакожъ нашъ государь не принялъ.

лицъ, состоявшихъ въ чужомъ подданствѣ, а именно: Стратига Антіохійскаго, Августалія Александрійскаго, игемона Іерусалимскаго Евстафія. Это убѣжденіе Терновскаго основано на поверхностномъ его знакомствѣ и свѣдѣніи о томъ, что эти области состояли подъ властью крестоносцевъ, учредившихъ свои патріархаты въ этихъ областяхъ. Но Шульгинъ (Изображеніе характера и содержанія Новой исторіи стр. 265) говоритъ, что Антіохійскій герцогъ Боемундъ II-й находился въ это время въ вассальной зависимости отъ Греческой Имперіи, а Баронiй говоритъ,— Латинскій Іерусалимскій патріархъ совершенно не признавалъ власти папы надъ собою. Да и вообще мнѣніе Терновскаго о власти Латинянъ крестоносцевъ въ М. Азіи слишкомъ преувеличено. Вступивъ во владѣніе Палестиною при помощи Алексѣя Комнина, они не могли, да и не въ ихъ интересахъ было уничтоженіе въ въ своихъ владѣніяхъ Греческой церкви, въ особенности на первыхъ порахъ своего владычества. Эту поверхность своего знакомства съ дѣломъ авторъ критики Терновскій высказываетъ, ставя вопросительные знаки и вопросы при иностранныхъ словахъ, для него непонятныхъ, напр.: при словахъ „трома и августалій“, какъ поставилъ знакъ вопроса послѣ словъ „домъ Діогена“. Кто же можетъ понять значеніе вопроса Терновскаго при словѣ домъ, дѣйствительно существовавшій между Византійскими домами и династіями также и съ фамиліею Діогенъ, изъ которой Романъ занималъ Византійскій престолъ по наслѣдству отъ Константина М? Также не понятенъ вопросъ Терновскаго и послѣ слова „августалій“: „что это должность или имя“? Очевидно,— не имя, а іерархическая степень. *) Прилагая свои филологическія изысканія ко второстепеннымъ вопросамъ, гдѣ же нужно — Терновскій опускаетъ ихъ безъ вниманія, а именно оставляетъ безъ объясненія слово „Мономахъ“, предполагая извѣстность его значенія для всякаго, каковое объясненіе было бы болѣе умѣстно при опроверженіи сказки Стрыйковского о единоборствѣ съ Кафинскимъ воеводою нашего Государя, который, если бы имѣлъ такое единоборство съ Генуезцемъ, то получилъ-бы не Греческое для себя прозваніе, а либо Латинское, либо

*) Къ тому же ни у Грековъ, ни у Латинъ нѣтъ ни одного святаго, называвшагося Августалiемъ. У Грековъ встрѣчаются имена: Августинъ, Августа, а у Латинъ Августъ, но имени Августалій намъ не приходилось нигдѣ встрѣчать. Слѣдовательно вопросъ поставленъ не умѣстно.

Италіанское. Такое же поверхностное отношеніе Терновскаго къ сказанію оказывается изъ его сопоставленія Владиміра Ярославовича Новгородскаго, имѣвшаго походъ на Константинополь въ 1043 году, въ числѣ конкурентовъ на Мономахову корону: мы называемъ по этому поводу отношеніе Терновскаго поверхностнымъ, такъ какъ въ сказаніи является противникомъ Греческаго Императора именно державный, полновластный государь, что оказывается изъ словъ: „отпущаше воеводъ своихъ на Фракію". Очевидно, что ставить по этому случаю Владиміра Ярославича въ ряду съ Владиміромъ М. и Владиміромъ Св. нѣтъ никакой возможности, но нашъ ученый скептикъ не отступаетъ ни предъ какою невозможностью. Такъ приведя описаніе Щербатовымъ Мономахова ожерелья или св. бармъ, имѣющихъ на себѣ изображенія св. угодниковъ, на другой страницѣ, цитируя исчисленіе этихъ регалій по сказанію и находя неточность выраженія хроникера, дѣлаетъ вопросъ при ожерельи или св. бармахъ: „кто ихъ носилъ: Августъ ли, оставившій намъ сердоликовую крабицу, изъ нея же веселяшеся", или Константинъ Мономахъ? Такой вопросъ совершенно неумѣстенъ. Вѣдь Августъ, какъ язычникъ, не могъ почитать нашихъ святыхъ.

Такимъ образомъ оказывается, что Терновскій ошибся въ своихъ выводахъ какъ о дѣйствительности событія, неподлежащей никакому сомнѣнію, такъ и о времени составленія сказанія, изложеніе котораго еще отъ Владимірскихъ князей во время Іоанна Грознаго приняло догматическую форму, а, наконецъ, и о значеніи самихъ регалій, никогда не отходившихъ на степень утвари. Несправедливое мнѣніе имѣютъ тѣ писатели, какъ напр. извѣстный норманистъ Погодинъ, что коронованіе Мономаховою шапкою есть не болѣе какъ мистификація правительства нашего для прикрытія своихъ видовъ, раскрывшихся для него въ XVI вѣкѣ, при каковой мистификаціи народъ нашъ утѣшается фиктивнымъ представленіемъ о любви, преданности и союзѣ народа съ своимъ Государемъ. Почему же нашъ народъ долженъ былъ выбрать именно, для своего фиктивнаго утѣшенія, личность Владиміра М , а не другаго Государя, напр. не Владиміра Равноапостольнаго, заслуги котораго, безъ сомнѣнія, выше Владиміра М? Что это были за виды правительства нашего въ XVI вѣкѣ, которые виды до сего времени не пришли въ исполненіе, а именно: по мнѣнію Терновскаго, Іоаннъ Грозный короновался,

чтобы заявить свою кандидатуру на упразднившійся, по паденіи Византіи, единственный въ мірѣ престолъ Православнаго Царя? Не нуждался нашъ Государь въ такомъ престолѣ, зная, что и подданные его и иноземцы, съ испоконъ вѣковъ, его предковъ называли царями. Такъ Баронiй указываетъ на царя Славовъ, жившаго во время Дагобера, Французскаго короля, въ Венгріи, Игоря Рюриковича, называя его царемъ Руссовъ. Нашъ Владиміръ Св., какъ говорится въ церковныхъ пѣсняхъ, украсился Божественною багряницею крещенія, т. е. царственною порфирою *). Если Степанъ Сербскій назывался первовѣнчаннымъ царемъ, то, конечно, наши Государи имѣли большее право на царскій титулъ. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ о лицахъ, а не объ именахъ, равно какъ и не о титулахъ и честолюбивыхъ замыслахъ Государя, возлагавшаго на себя шапку Мономаха. Время требовало провозвѣщенія этого девиза, эмблемою котораго она служила,—девиза, съ которымъ не соединялись никакіе новые виды и замыслы, а только исполненіе возлагаемыхъ имъ задачъ. Эти задачи состояли во 1-хъ, въ наступленіи на Татаръ и въ борьбѣ съ Мусульманами, во 2-хъ, въ необходимости возвращенія Ливоніи и нашей старины, и въ 3-хъ въ борьбѣ съ Польшею за присвоеніе ею Бѣлоруссіи и Литвы. Римская курія съ XVI вѣка, потерпѣвъ пораженіе въ XII и XV вѣкахъ и въ политическомъ западномъ мірѣ, и въ крестовыхъ своихъ ополченіяхъ, устремилась съ своею пропагандою на наши земли. Въ это же время Польша успѣла присоединить къ себѣ окончательно Бѣлоруссію и Малоруссію и, со времени Жигмонта I, Польскіе короли стали титуловаться Князьями Русскими. Наконецъ самое развитіе ересей, расколовъ требовало отъ правительства не столько санкціи государственнаго палладіума, признаннаго еще до Іоанна Грознаго при коронованіи Димитрія Іоанномъ III, сколько формальнаго провозвѣщенія его предъ свѣтомъ. Умные совѣтники юнаго Государя, возлагая на его главу корону Мономаха, призывали

*) У Латинскихъ и Нѣмецкихъ писателей, а также и въ договорахъ нашихъ князья называются вообще reges, т. е. цари или könige, т. е. короли. Эти названія мы встрѣчаемъ неоднократно въ древнихъ рыцарскихъ хроникахъ Генриха Латыша, Альнеке и др. Въ договорѣ 1417 г. величается одинъ изъ Московскихъ князей, заключившій договоръ, отъ имени государя Василія Димитріевича съ Ливонскими рыцарями, князь Константинъ титуломъ „König von Moskau“.

его къ служенію величайшимъ міровымъ задачамъ, указывая ему на нихъ дивнымъ сказаніемъ о Мономаховой шапкѣ, закрѣпивъ это сказаніе, по выраженію Терновскаго, монументально изложеніемъ его на царскомъ мѣстѣ въ Успенскомъ соборѣ. Предъ этимъ монументальнымъ закрѣпленіемъ даже наши враги преклонились, а именно: Поляки и Французы, владѣя въ 1612 и 1812 году Кремлемъ, оставили его неприкосновеннымъ, сочинивъ только сказку о какомъ то единоборствѣ Владиміра М. съ Кафинскимъ воеводою. И неужели такое сказаніе можетъ погибнуть отъ своихъ дѣтищъ? Нѣтъ! произведенія нашихъ предковъ были прочны и основательны, и не предки наши виноваты въ томъ, что мы ихъ не понимаемъ, а наши современныя музы, увлекающіяся болѣе иноземщиною, модою и эстетикою въ ущербъ правды и родины. Это равнодушіе ко всему своему родному производитъ тѣ результаты, что мы теряемъ смыслъ и понятіе въ самыхъ обыденныхъ родныхъ своихъ предметахъ, тогда какъ чужеземныя нововведенія намъ извѣстны до крайней пунктуальности. Неужели же нѣтъ средствъ и возможности къ пріоткрытію судьбы нашихъ предковъ, забытыхъ по прихоти позднихъ музъ?

Съ Терновскимъ, по усилію его очернить память Грознаго, соревнуетъ К. Аксаковъ. (И. С. его сочиненій. Замѣтки объ исторіи Соловьева). Этотъ обвинитель Грознаго высказываетъ мысль, что Грозный заслужилъ своему имени дешевое величіе единственно за свое стремленіе покорить Ливонію, подражая каковому стремленію пріобрѣлъ такое же величіе и Петръ Великій, одинъ только будто бы изъ его преемниковъ, благоговѣвшій предъ именемъ своего прадѣда и народировавшій въ своемъ правленіи его дѣянія. Видя неестественность составленнаго Карамзинымъ изображенія личности Іоанна Грознаго, какъ ненасытнаго и распутнаго тирана, Аксаковъ отыскиваетъ въ Грозномъ стремленіе прославиться этими пороками до художественной степени, до воплощенія сценическаго трагизма, въ особенности, при преслѣдованіи и истребленіи бояръ. Преслѣдуя бояръ, по мнѣнію Аксакова, Грозный хитро заискивалъ любовь къ себѣ народа, чтобы у него имѣть защиту отъ мести первыхъ. Такой образъ дѣйствій, по нашему мнѣнію, нераціоналенъ: какой расчетъ возбуждать опасность предъ глазами, ожидая помощи за горами и далекими морями? Такого искусства не доказали и Римскіе тираны: Калигула и Неронъ. Не оправдывая

вообще жестокостей Грознаго, мы однакожъ находимъ ихъ случайными и сцѣпленіемъ обстоятельствъ, совпадавшими съ перипетіями Ливонской борьбы, поглотившей всѣ его мысли и бытіе. Отношенія его какъ къ боярамъ, такъ и къ народу не имѣли никакихъ тенденцій, на что сами порицатели его указываютъ, описывая усмиреніе имъ Новгородцевъ. Напротивъ, память къ его имени сложилась не у простаго народа, но вообще на приговорѣ всего его потомства. Минуя воспоминанія о его законодательной дѣятельности, возстановившей нашъ общественный и домашній бытъ, распадшійся послѣ Монгольскаго ига, минуя его и завоевательныя заслуги, потомство благоговѣетъ предъ его памятью не какъ борца за Ливонію, но какъ вообще борца за славу своихъ предковъ, колыбелью которой служила наша страна и Ливонія, какъ воскресителя Русскаго народа, пригнетеннаго врагами и основателя великаго царства при ничтожныхъ средствахъ. Онъ былъ воскресителемъ этой славы, жертвуя для этой славы, жертвуя для этой цѣли всѣмъ драгоцѣннымъ для него въ мірѣ. Вопросъ о Ливоніи со времени Грознаго, сдѣлался задачею не для одного Петра В., какъ думаетъ Аксаковъ, но для всякаго изъ его преемниковъ; онъ составляетъ неприкосновенную Ахиллесову пятку у Русскаго Колосса. Но названіе борьбы съ Ливонскими рыцарями и Баторіемъ борьбою за Ливонію слишкомъ не точно и поверхностно; такъ какъ съ открытіемъ войны за Ливонію былъ поднятъ Іоанномъ Грознымъ вопросъ и объ освобожденіи Бѣлоруссіи и Литвы изъ подъ власти Польши, бывшихъ нѣкогда цвѣтущими разсадниками Руссификаціи. И такъ Аксаковъ, упрекая І. Грознаго и Петра В. снова впадаетъ въ филологическія иллюзіи. Вмѣсто того, чтобы составлять жалобы и аппеляціи къ потомству, подражая Тацитамъ, Аксакову слѣдовало бы разностороннѣе и основательнѣе изучить этотъ спорный вопросъ, что для науки доставило бы болѣе цѣлесообразный и полезный матеріалъ. Твореніе Светонія, при изученіи времени первыхъ Римскихъ императоровъ, незамѣнимо для науки, именно потому, что оно чуждо всякихъ тирадъ и аппеляцій къ потомству. Неосновательное краснорѣчіе у историка вредно вліяетъ на толпу, возбуждая въ ней враждебныя чувства и антипатію къ своему положенію и судьбѣ. Долгъ историка состоитъ въ точной и связной передачѣ данныхъ описываемаго имъ времени.

Стремленіемъ къ соблюденію исторической правды дорожили не только наши лѣтописцы, но и слагатели сказокъ, обращаясь при началѣ своихъ сказаній къ Богу. „Прикажи, Господи, намъ Старину сказать“, начинаетъ свою сказку одинъ изъ сказочниковъ объ Іоаннѣ Грозномъ. Въ то время какъ историки, во имя Европейской науки, повторяютъ при изложеніи его дѣятельности, всевозможные скандальезные вымыслы Польскихъ и Нѣмецкихъ писателей о Немъ, стараясь представить въ его личности постепенно и необузданно предающагося крайнему распутству и самозабвенію человѣка, какъ аномалію нравственности, сказочники изображаютъ этого Грознаго Ратоборца съ Казанью, съ Крымомъ и съ Ливонскимъ Орденомъ, во второй половинѣ его царствованія,—съ развитіемъ нашей войны съ Польшею, какъ жертву домашней обстановки и его одиночества въ административной средѣ, болѣе и болѣе усложнявшихся къ его старости. Однакожъ въ этомъ періодѣ Онъ вѣнчаетъ свое долголѣтнее правленіе блестящимъ, изумительнымъ своимъпоходомъ въ Ливонію, для покоренія нашей страны, и изданіемъ многихъ законовъ, между которыми Стоглавъ будетъ безспорно вѣчнымъ украшеніемъ и Византійско-Русской культуры и свидѣтельствомъ какъ высшей политической мудрости, такъ и заботливости нашего Великаго Царя о закрѣпленіи въ своемъ народѣ и потомствѣ религіозныхъ и нравственныхъ уставовъ и національныхъ традицій. Эти его мѣры были на столько умѣстны и своевременны, что начало жизни и славы Московскаго государства всѣ сказатели сливаютъ съ его именемъ: „При зачинѣ Москвы зачинался тутъ и Грозный Царь, Царь Иванъ, сударь Васильевичъ“. Своими послѣдними политическими дѣяніями онъ успѣлъ очевидно и ясно установить и государственное бытіе своего народа и упрочить значеніе Москвы на столько, что сказатели называютъ его прямо: „Содержатель онъ всей Руси, сберегатель каменной Москвы“. Гдѣ же правда? Поклонникъ Карамзина, геніальный Пушкинъ, однакожъ въ приговорѣ Іоанну Грозному отстранился отъ нашего Историіографа, создавъ, въ разрѣзъ съ указаніями его, своего Бориса Годунова, въ которомъ поэтъ неоднократно разрываетъ мрачную пелену наброшенную Карамзинымъ на память загадочной личности Грознаго, указывая, что одно имя Грознаго возбудило волненія и борьбу между народами на его могилѣ, что дивныя его дѣянія, слава его безпредѣльны, какъ море-оке-

анъ. Грозный всецѣло посвятилъ самого себя служенію своему государству, призывая къ тому и своихъ приближенныхъ, не понимавшихъ иногда этого призванія, изъ-за чего и оказывались роковыя разладицы у Него съ ними, составляющія главный сюжетъ у многихъ историковъ, оставляющихъ изложеніе его политическихъ дѣяній въ сторонѣ.

Какой же смыслъ и значеніе имѣютъ эти отзывы и народа, и великаго нашего поэта объ І. Грозномъ? Почему и какимъ образомъ Онъ заслужилъ ихъ? Оглядываясь на предшествующее І. Грозному время, мы четырехвѣковый періодъ этого времени находимъ подъ туманнымъ покровомъ борьбы нашего государства съ Татарами и раздробленіемъ его на удѣлы. Послѣдніе, за полвѣка до Іоанна Грознаго, пали, но вмѣсто нихъ наступило своевластіе бояръ, каждаго изъ нихъ въ своемъ городѣ, развившееся, наконецъ, до безграничности, потому что княжеская власть для такой земли, какъ Русская, и для нашего великаго народа оказывалась слабою въ XVI вѣкѣ, когда вездѣ у всѣхъ нашихъ сосѣдей верховная власть сформировалась въ своихъ извѣстныхъ границахъ. Іоанну Грозному предстояло и дать принципъ своему правленію, и оживить его инициативы, и освѣтить ихъ идеею. Принципъ единодержавія былъ завѣщанъ ему дѣдомъ; инициативы, дремавшія во время этого хаоса безначалія,—свобода и великія традиціи народа, требовали немедленнаго удовлетворенія своему голосу при нерѣшительной борьбѣ съ Татарами и полвѣковыхъ перекорахъ нашихъ съ Польшею и Ливоніею; и, наконецъ, девизъ небесныхъ упованій, внутренняя сила нашей націи,—Православіе, требовало официальнаго себѣ признанія въ торжественномъ короновании своего верховнаго покровителя и защитника, т. е. Государя. Къ служенію своему призванію онъ приступилъ съ крайнею кротостью, стараясь одолѣть своеволіе бояръ кроткими мѣрами, но Ливонская война раскрыла незалѣчимыя раны, требовавшія рѣзкихъ мѣръ, быстрыхъ реформъ, напряженной дѣятельности и отысканія средствъ, для веденія войны одновременно съ двумя великими государствами: Орденомъ и Польшею. И онъ нашелъ эти средства, поражая своихъ враговъ одного за другимъ. Народъ въ изумленіи предъ Его величіемъ съ мужествомъ и безпримѣрнымъ единодушіемъ летѣлъ за нимъ отъ побѣды къ побѣдѣ, увѣренный, что онъ жертвуетъ своею кровью на пути чести, подъ знаменемъ порядка и во имя Вѣры.

Съ его времени начинается у насъ документальная и точная исторія по всѣмъ отраслямъ государственной жизни, чего не находимъ ни у рыцарей, ни у Поляковъ. Мы имѣемъ разрядные его приказы о движеніи войскъ, мы имѣемъ новыя точныя офиціальныя лѣтописи, мы имѣемъ постановленія Соборовъ по церковнымъ вопросамъ, книгу Большаго Чертежа, т. е. измѣреніе земли, полное составленіе новыхъ законовъ, открытіе дипломатическихъ сношеній со всею Европою и т. д. Вотъ почему народъ и опоэтизировалъ Его время, какъ опоэтизировалъ только княженіе Владиміра С. „Зачиналася Москва, зачинался тутъ и Грозный Царь“ говоритъ народъ, сливая свою славу и высшее благоденствіе съ Его Именемъ. И, въ самомъ дѣлѣ, не смотря на эту страшную 30-и лѣтнюю борьбу съ массою народовъ, наше государство не терпѣло при немъ бѣдности, и приводило въ удивленіе иноземцевъ своимъ обиліемъ и богатствомъ. Получивъ въ свое владѣніе отъ отца свое государство, Грозный оставилъ его своимъ преемникамъ увеличеннымъ въ два раза болѣе. Если бы Онъ былъ тираномъ своего народа, то никогда бы послѣдній не послѣдовалъ бы за нимъ съ такою энергіею, какую мы видимъ въ его царствованіе. Какъ преданія, такъ и исторія передаютъ, что Онъ былъ вообще для всѣхъ доступнымъ, вынося всякаго рода упреки и возраженія, оставаясь только Грознымъ для измѣнниковъ вѣрѣ и отечеству. Чистое раскаяніе въ своихъ проступкахъ вызывало у него полное прощеніе, какъ показываетъ его отношеніе къ Ермаку Тимофеевичу. Карамзинъ восторгается Баторіемъ, какъ идеаломъ рыцарства и высокаго правителя, но Іоаннъ Грозный никогда не отступался отъ своихъ словъ и обѣщаній, между тѣмъ какъ Баторій, достигши Полькаго престола при помощи казаковъ, не только не исполнилъ своихъ обѣщаній къ нимъ, но еще пріискивалъ мѣры къ ихъ гибели. Бояре Іоанна Грознаго бились въ честномъ бою, Баторіевъ стратегъ, Замойскій, покушался на жизнь нашего Ив. П. Шуйскаго съ адскою машинкою. Баторій совершилъ два славныхъ похода: 1) подъ Полоцкъ и 2) подъ Псковъ; но нашъ Государь совершилъ такихъ походовъ не одинъ десятокъ, возвращаясь изъ каждаго похода не съ пустыми руками, чего не всегда случалось съ Баторіемъ. Русскіе въ нашей странѣ, споря съ Полякамй за доблести своихъ предковъ, пріостановляютъ хвастовство своихъ противниковъ обыкновенно однимъ намекомъ,

что изъ нашихъ воеводъ ни одинъ не преподносилъ ключей отъ своей крѣпости своему непріятелю, между тѣмъ какъ сами много разъ имѣли отъ Польскихъ комендантовъ подобное преподнесеніе себѣ ключей. А это преподнесеніе панами намъ ключей началось со времени Іоанна Грознаго. Нѣтъ! такое величіе не могло достаться дешево нашему первому царю. Не Шапка Мономахова придала его имени величіе, но Онъ своими дѣяніями далъ ей значеніе, указалъ ей мѣсто и освѣтилъ ее лучезарной идеей, воплощая подъ ея девизомъ священные завѣты Византійской славы, которой не могли поддержать ни Константинъ М., ни Палеологи. На сколько было важнымъ для насъ имя Грека, о томъ мы знаемъ изъ судьбы и самой Софіи Палеологовны, а равно и изъ судьбы ея сопутниковъ въ Россіи, вслѣдствіе чего нельзя подозрѣвать никакихъ тенденцій со стороны Москвы на Грецію, каковыя предполагаетъ Терновскій, кромѣ стремленія Москвы къ развитію у себя классическихъ и религіозныхъ основъ Византійской культуры. Если подобное дѣйствіе можетъ быть сочтено тенденціознымъ, въ такомъ случаѣ и изученіе чужаго языка, и чужихъ обычаевъ также должно считать тенденціями. Но за Русскимъ народомъ, который въ особенности извѣстенъ любовью и способностью къ изученію и усвоенію чужихъ языковъ, такихъ тенденцій наберется масса, что крайняя неправда.

Заявляя протестъ за Грознаго противъ Карамзина, К. Аксакова и Терновскаго, мы слѣдовали, по этому поводу, мнѣнію нашего проф. Устрялова, подозрѣвавшаго Историіографа въ личностяхъ его къ памяти Грознаго. Этотъ историкъ не рѣшался еще высказаться съ подобнымъ протестомъ, такъ какъ вопросъ о нашей странѣ при немъ не былъ еще поднятъ, а личность Іоанна Грознаго только и раскрывается съ арены нашей страны въ должномъ значеніи. Такого же мнѣнія объ Іоаннѣ Грозномъ были и покойный Н. А. Ивановъ, профес. Казанскаго Университета, и Министръ Императора Александра Благословеннаго Волконскій, который желалъ запретить IX т. Карамзина, трактующій о тираніи Грознаго. Эти ученые смотрѣли на частные источники и матеріалы объ Іоаннѣ Грозномъ, какъ на продуктъ бывшей его тяжелой среды, на которые источники передовые современники и ближайшіе къ нему потомки и не обращали вниманія, оградивъ его память священнымъ запретомъ. Какъ эту среду, такъ и постиг-

шія его неудачи они признавали дѣломъ необходимости, устранить которую Онъ былъ не въ силахъ. Оставляя эти и жалобы, и клеветы противъ его личности на судъ Божій, они составили мнѣніе о немъ на основаніи офиціальныхъ данныхъ, политическихъ заслугъ его, и принимая во вниманіе великіе результаты его дѣятельности. Они не дозволяли себѣ ставить его личность въ сравненіи съ его счастливымъ противникомъ Ст. Баторіемъ, какъ относился Карамзинъ къ Баторію, который своими неожиданными и быстрыми удачами былъ обязанъ своей счастливой обстановкѣ и благопріятной средѣ, созданной не его умомъ и усиліями, а сложившейся счастливымъ случаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли Іоаннъ Грозный найти вокругъ себя Замойскихъ, Ходкевичей, Вейеровъ, прибывшихъ къ Баторію съ глубокими свѣдѣніями и опытностью въ воинскомъ дѣлѣ, пріобрѣтенными на Европейской аренѣ? Такое требованіе отъ Іоанна Грознаго равносильно требованію отъ него Терновскимъ вышеупомянутыхъ историческихъ выводовъ, когда, во время Іоанна Грознаго, объ нихъ еще и не могло быть рѣчи,—во время, довольствовавшееся хрониками и лѣтописями. Какъ мы можемъ осуждать его за невыгодный Запольскій миръ, видя Баторія во главѣ такого сильнаго войска, съ какимъ онъ напалъ на Полоцкъ и Псковъ? Нужно удивляться той нерѣшительности и осторожности Баторія при продолженіи осады Пскова, при которой нерѣшительности Полкій храбрецъ удралъ изъ своего лагеря въ Варшаву, опасаясь погибнуть съ своимъ войскомъ въ глубокихъ снѣгахъ Россіи. Это ли геройство, котораго недоставало нашему Государю? Конечно, рыцарю Псковскихъ походовъ далеко было мѣряться своимъ геройствомъ съ покорителемъ Казани, Полоцка, Ливоніи и карателемъ Вендена!.. Конечно, если бы Іоаннъ Грозный имѣлъ такихъ ветерановъ военнаго дѣла, какими повелѣвалъ Баторій, то послѣднему никогда бы не пришлось получить Ливоніи! Неумѣстно и обидно для значенія Грознаго приравненіе къ нему Баторія съ администраторскою конкуренціею, на аренѣ которой нашъ Государь долженъ былъ работать и какъ реставраторъ въ своемъ Государствѣ, и какъ законодатель и культивизаторъ въ новозавоеванныхъ имъ земляхъ, чего нигдѣ не представлялось Баторію, а почему и приписываніе ему Польскими писателями такихъ заслугъ оказывается фразерствомъ. Правда, Баторій оказалъ особыя услуги шляхтѣ и католическому духовенству, за-

крѣпивъ за ними возмутительныя привилегіи, но эта милость его послужила къ ускоренію гибели его государства. Въ такой же мѣрѣ оказываются преувеличенными и похвалы, расточаемыя Баторію, какъ просвѣтителю и католическому пропагандисту. Неудачи пропаганды Ливонскихъ рыцарей не вразумили Баторія отказаться отъ фанатическихъ предпріятій, подобныхъ погубившимъ орденъ рыцарей; не вразумили его въ несовмѣстимости культурныхъ его обѣщаній съ его девизами грознаго насилія, чѣмъ на столько восторгались сподвижники Баторія, что, напр., самъ Замойскій рисовался на портретѣ въ гетманской своей тогѣ, въ одной рукѣ держащимъ мечъ, а въ другой факелъ, каковые атрибуты, очевидно, для Замойскаго, дѣйствовавшаго на культурной аренѣ Западныхъ Европейскихъ народовъ, оказываются, безъ сомнѣнія, неумѣстными. Наши вожди, дѣйствовавшіе на аренѣ культуры Азіатскихъ кочевниковъ, и то не рѣшались рисоваться съ такими девизами. Это и было причиною раскаянія нашихъ бѣгуновъ и измѣнниковъ въ своемъ легковѣріи въ тѣ хвастливыя величанія Польскими ораторами своихъ королей, привлекавшихъ иноземцевъ въ ихъ Государства будто бы ихъ милостями и гуманностью. Обличая нашего Государя и наше правительство въ тиранніи и варварствѣ, Польскіе писатели между тѣмъ забываютъ о подвигахъ святой инквизиціи, которую Баторій дозволилъ іезуитамъ для успѣха пропаганды, поглотившую милліоны жертвъ и посѣявшую вѣчную ненависть между разновѣрцами и диссидентами, ненависть, также ускорившую паденіе Посполитой Рѣчи. Наконецъ, и самое введеніе Баторіемъ Латыни въ Польскихъ школахъ, парализовавшей національности, составлявшія Посполитую Рѣчь, доказываютъ узкій и схоластическій взглядъ правителя ея въ то время, какъ нашъ Іоаннъ Грозный является, напротивъ, могучимъ пробудителемъ Русской національности. Эти всѣ мудрыя мѣры Баторія служили прямо ближайшими поводами къ возмущеніямъ, рокошамъ и бунтамъ, открывшимся въ Ливоніи еще при жизни Баторія, между тѣмъ какъ Грозный зачуровалъ свою землю отъ подобныхъ благъ. Вообще Баторій если и заботился о благѣ своихъ подданныхъ, то преимущественно о выгодахъ шляхты и можновладцевъ, предъ которыми онъ трепеталъ, какъ школьникъ. На самомъ дѣлѣ, Баторій оказывается не болѣе какъ орудіемъ пановъ, между тѣмъ какъ Іоаннъ Грозный является въ исполин-

скомъ величіи полновластнаго Самодержца, разумно регулирующаго сословныя отношенія своего народа. Вотъ почему изображеніе его нашими современными историками, романистами и художниками на сценѣ обыденной и честной жизни составляетъ вымышленный ими идеалъ на основаніи современныхъ требованій, и оказывается не копіею дѣйствительнаго Іоанна Грознаго, а его карикатурою, неумѣстною въ истинной и безпристрастной наукѣ. Еще менѣе отвѣтствененъ Іоаннъ Грозный за ошибки своего дѣтства и юности, не соотвѣтствующія требованіямъ современной педагогики. Разумѣется, въ этихъ недостаткахъ виновато было не дитя, но его педагоги, эксплуатировавшіе его сиротскую судьбу для своихъ цѣлей. Однакожъ, кто упрекаетъ Наполеона Бонапарта за его нищету въ дѣтствѣ, которая, вѣроятно, не бѣдна грязными эпизодами? Но Французскіе писатели стараются рисовать своего героя Императора не въ этихъ эпизодахъ, но въ поучительной обстановкѣ при великихъ моментахъ. Неужели такихъ моментовъ не случилось въ жизни нашего порицаемаго Государя, предводившаго своими ратями въ борьбѣ съ могучими народами? И, однакожъ, какъ будто нарочно, художники наши избираютъ своими сюжетами эпизоды изъ его жизни такого рода, чтобы только дать пищу большему и большему озлобленію къ его памяти. Но, сходя съ арены своего служенія, если кто, то Іоаннъ Грозный могъ сказать о себѣ словами Гомера: „μή μαν ἀσπουδεῖ καὶ ἀκλειῶς ἀπολοίμην, ἀλλὰ μέγα ῥέξας τι καὶ ἐσσομένοισι πυθέσθαι“. (Умираю не безъ доблестей и безъ славы, но совершивъ подвиги, достойные для воспоминанія въ потомствѣ). Да, славу себѣ нашъ Великій Царь пріобрѣлъ не ложную и не фиктивную, но на столько истинную, что оскорбленіе Его Священнаго Имени сопровождалось казнью и гибелью безчисленныхъ жертвъ, какъ доказываетъ судьба Бориса Годунова, самозванцевъ и Польскихъ авантюристовъ, коснувшихся его царственныхъ интересовъ. Ставя нашъ протестъ противъ подобнаго направленія, мы поставили его не для развлеченія и пустыхъ споровъ, что выскажемъ опять словами Гомера: „Αλλ' οὐ δαιτὸς ἐπεράτου ἔργα μέμηλεν, ἀλλὰ λίην μεγα πῆμα, διότρεφες, εἰςορόωντες δείδιμεν ἐν δοιῇ δέ σαόσεμεν, ἢ ἀπολέσθαι. т. е. (мы не заботились о доставленіи матеріала для пріятной бесѣды, но, видя бывшіе тяжелые уроки, находимся въ страхѣ отъ неизвѣстности, что ожидаетъ насъ въ будущности—гибель

или спасеніе?). Въ самомъ дѣлѣ, со времени Норманистовъ такъ вошло въ обычай обвинять Грознаго въ жестокостяхъ, тиранiи и т. д., что, при подобномъ направленiи, мы остаемся совершенно невнимательными и къ его заслугамъ, и къ его священнымъ завѣтамъ. Конечно, такое направленіе проистекаетъ изъ общей для всѣхъ людей слабости къ осужденію и порицанію, проистекаетъ также изъ духа времени, стремящагося къ низверженію великихъ людей прежняго времени съ пьедесталовъ ихъ величія, которые мы стараемся замѣнить передовыми личностями позднаго времени. Однакожъ, съ подобнымъ направленіемъ въ области историческихъ наукъ слѣдуетъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью, что замѣтилъ Ренанъ, разбирая тезисы Бокля, заявленные послѣднимъ въ его исторіи цивилизаціи Англіи. Но, отстраняя Іоанна Грознаго съ его мѣста, чѣмъ мы замѣнимъ періодъ его царствованія, какъ объяснимъ мы эту борьбу, открывшуюся на его могилѣ вначалѣ за его царственные наслѣдственные интересы, а потомъ за его посмертные завѣты и принципы, изъ которыхъ, какъ напр., вопросъ о крѣпостномъ правѣ только разрѣшился въ наше время. За Ливонію Нѣмцы и до сего времени, косятся на Русскихъ.

При разборѣ мнѣній Норманистовъ объ Іоаннѣ Грозномъ, мы опустили мнѣніе о немъ иностранныхъ литературъ, какъ источникъ второстепенной важности. Въ этомъ отношеніи иностранная литература ясно раздѣляется на два лагеря. Къ одному лагерю относятся Нѣмцы и Поляки, а къ другому Англичане и Французы. Нѣмцы, не признавая за нимъ почти никакихъ достоинствъ, не съумѣютъ прибрать къ его имени подходящихъ, оскорбительныхъ эпитетовъ, называя его Grauſam, Schrecklich, т. е. ужаснымъ, и даже Wuthrig, т. е. свирѣпымъ. Побѣды его надъ Ливонскими рыцарями они считаютъ дѣломъ случая, перевѣсомъ массы варваровъ надъ неоспоримымъ геройствомъ и искусствомъ послѣднихъ. Поляки также безапеляціонно величаютъ его подобными эпитетами, указывая при этомъ на милостивыхъ, благосклонныхъ и великодушныхъ своихъ королей, привлекавшихъ къ себѣ этими свойствами, какъ магнитомъ, сердца не только своихъ подданныхъ, но иноземцевъ, искавшихъ у нихъ пріюта подъ защитою свободнаго и высокообразованнаго ихъ правительства, каковыхъ, какъ извѣстно, было не болѣе пяти или нѣсколько болѣе случаевъ,—перебѣжчиковъ къ нимъ отъ Іоанна

Грознаго. Какъ ни громко и дерзко хвастались Польскіе ораторы этими рѣдкими примѣрами, цѣль этого хвастовства состояла, очевидно, не въ расчетѣ на привлеченіе новыхъ измѣнниковъ, но въ надеждѣ охладить и сдержать стремленіе Православныхъ Бѣлорусцевъ и Литовцевъ къ отторженію отъ Польши и къ поступленію въ подданство къ порицаемому этими ораторами Монарху, не смотря на его тиранію и необразованность. Ни Бѣлорусы, ни Москали не вѣрили этимъ пресловутымъ клеменціямъ и беневоленціямъ крулей, зная, какъ у Поляковъ слово расходилось съ дѣломъ въ отношеніяхъ ихъ съ своими разновѣрцами, при чемъ они сами смѣялись открыто надъ легковѣріемъ послѣднихъ, отвѣчая своею пословицею: „обѣцанки— цацанки, а глупому радость“. Сила Польскаго магнита была очень не прочна и скоро слабѣла, что извѣстно изъ раскаянія Курбскаго въ его переходѣ подъ защиту Польши. Дѣти и Курбскаго, и Бѣльскаго, и Ляцкаго, во время самозванцевъ, убѣжали обратно въ Московское государство. Болѣе честный и вѣрный взглядъ на Іоанна Грознаго мы находимъ въ другомъ лагерѣ. Вольтеръ, посвящавшій себя спеціальному изученію исторіи Россіи, порицаетъ иноземныхъ писателей, выдумывающихъ басни о Россіи, выставляя примѣромъ такихъ басней разсказъ Альберта Кранца, что будто нашъ государь какому то Италіянскому послу, за то, что послѣдній не скинулъ предъ нимъ шапки, вступая съ нимъ въ разговоръ, прибилъ гвоздемъ на головѣ его шапку. Уважая имя Грознаго, Вольтеръ не рѣшается приложить къ его имени оскорбительныхъ эпитетовъ, указывая, что онъ освободилъ свой народъ отъ Татарскаго ига, и не только возвратилъ отъ другихъ народовъ нѣкоторыя свои земли, но присоединилъ болѣе всѣхъ своихъ предковъ завоеваній для своего государства. Авторитетъ Вольтера можетъ поспорить съ авторитетомъ Гваньини и съ авторитетомъ Нѣмецкихъ гелертовъ. Но болѣе ясный взглядъ на І. Грознаго высказали Англійскіе писатели, изъ которыхъ многіе провѣряли свои свѣдѣнія о нашемъ народѣ путешествіями по нашей странѣ. Трезвая и здравая ихъ осторожность въ отношеніи І. Грознаго достойна подражанія даже для Русскихъ писателей и, въ особенности, для педагоговъ. Нужно удивляться, съ какимъ тактомъ они обходятъ въ своихъ педагогическихъ произведеніяхъ всякіе сомнительные факты и анекдоты, касающіеся памяти І. Грознаго.

Напр. извѣстную его кару Новгородцевъ, за попытку ихъ къ измѣнѣ Москвѣ, они называютъ прямо завоеваніемъ непокорнаго Новгорода. Но болѣе всего оказывается ихъ сочувствіе къ трагическому положенію Іоанна Грознаго, при смерти его старшаго сына царевича Іоанна, при которой они стараются выставить его грустную ошибку послѣдствіемъ дерзкаго требованія бояръ отъ него уступки погибшему царевичу право веденія войны съ Баторіемъ. На эту тему поэтисса Фелиція Геменсъ написала очаровательное произведеніе: „царь Иванъ“, помѣщаемое во многихъ Англійскихъ хрестоматіяхъ. Это англійскіе ученые приписываютъ неудачное окончаніе Ливонской войны апатіи Іоанна Грознаго къ ея судьбѣ, апатіи, поразившей его по случаю этого его несчастія. Вообще англійскіе писатели рисуютъ Іоанна Грознаго, какъ великаго изъ монарховъ, и не находятъ ничего общаго ни съ языческими тиранами, ни съ другими безумными христіанскими деспотами, съ которыми его сравниваетъ Карамзинъ, признавая за Нимъ великіе принципы, высокія намѣренія, доблестныя дѣянія, покрывающіе его невольныя ошибки.

Безъ преувеличенія можно сказать, что заслуги нашего Великаго царя для своего народа достойны геракліческой славы и ореола. Однакожъ древній Гераклъ былъ счастливѣе своего Русскаго послѣдователя, преслѣдуемый злобою вражды только на земномъ пути, а нашего царственнаго героя такое преслѣдованіе не оставляетъ и за предѣлами могилы. Но de mortuis aut bene, aut nihil, т. е. о мертвыхъ говори хорошо, или ничего не говори. Кто же, наконецъ, рѣшился протестовать за священную память этого страдальца?

Мы считаемъ неизлишнимъ привести нѣсколько стиховъ упомянутаго и замѣчательнаго произведенія Геменсъ, касающагося юнаго царевича, ознаменовавшаго себя геройскими подвигами на аренѣ нашей страны на столько, что они составляли гордость его отца, вспоминающаго въ этомъ произведеніи между прочими жалобами о томъ предъ гробомъ его, говоря: „Ты былъ мой первенецъ, котораго я принялъ въ свои объятія; ты былъ свѣтлымъ лучемъ, согрѣвшимъ своею улыбкою мою грудь; я направлялъ тебя на орлиномъ твоемъ пути; я носилъ тебя на моемъ боевомъ конѣ—и я вижу тебя мертвымъ!“ Неужели такая печаль была продуктомъ притворства или артистическихъ капризовъ изъ Онѣгинскаго быта, каковыя свойства навязываютъ нынѣшніе наши историки Аксаковъ и

Костомаровъ Іоанну Грозному, думая и надѣясь опредѣлить его неразгаданную великую личность подведеніемъ ея подъ такую категорію („о значеніи трудовъ К. Аксакова“ Костомаровъ)? Что эта печаль была непритворная, Геменсъ заключаетъ жалобы Грознаго самоотреченіемъ, завершеніемъ своего призванія: „Сложите мои боевыя знамена, чтобы они никогда болѣе не развѣвались! Вождн, похороните въ могилѣ моего первенца и этотъ грозный мечъ, и копье! Оставьте меня!“ Поэтисса оказывается вѣрною историческимъ даннымъ, такъ какъ мы съ этой минуты находимъ нашего страдальца, сошедшаго со своей сцены, однакожъ не по трусости, какъ завѣряетъ Карамзинъ, приписывая ему унизительное искательство и уступчивость предъ Баторіемъ, но по неумѣстности своей на этой аренѣ, вслѣдствіе потери преемника своимъ задачамъ. Кояловичъ, издавшій діаріушъ Баторія, приводитъ одинъ изъ документовъ, въ которомъ Замойскій, врагъ Русскихъ, однакожъ приписываетъ согласіе нашего Государя на Запольскій миръ усталости его на 30-и лѣтнемъ воинскомъ поприщѣ, въ теченіи котораго Онъ смѣнилъ три генераціи своихъ соратниковъ. Хотя Костомаровъ приравниваетъ его въ упомянутой своей статьѣ къ обыденнымъ артистамъ намѣченной Аксаковымъ категоріи, однакожъ артистическія выходки Грознаго были такого рода, что до его времени Ливонскіе рыцари не искали подданства у Москвы, но со времени его видимъ въ Москвѣ Тизенгаузеновъ, Паткулей и др. Ливонцевъ, ищущихъ поступленія Ливоніи подъ власть Москвы, не говоря уже о другихъ вопросахъ, затронутыхъ этимъ лицедѣемъ. Костомаровъ не признаетъ необходимости его казней и стремленія уничтожить попытки дружинниковъ, однакожъ развѣ не I. Грозный видѣлъ въ юности бунтъ по случаю Московскаго пожара? Развѣ онъ на своемъ болѣзненномъ одрѣ не убѣдился въ своеволіи бояръ, не желавшихъ присягнуть его сыну, или измѣна Новгородцевъ подлежитъ сомнѣнію при свидѣтельствѣ о ней не только Англичанъ, но и самыхъ Нѣмцевъ? Что же касается мнѣнія Костомарова объ опричникахъ, какъ о дружинникахъ Грознаго, то это совершенно невѣрно, потому что учрежденіе опричниковъ состоялось въ цѣли Грознаго остановить попытки бѣгуновъ, обычныя въ то время, и главные пункты поселеній ихъ были не въ Москвѣ, а по границамъ. Такъ въ Смоленскомъ уѣздѣ еще и теперь находимъ урочища, называемыя подопричепскими. Бурныя событія, но не

воля Грознаго, вызвали чрезвычайную мѣру, и въ составѣ опричины находились самыя передовыя Московскія личности, смирившія попытки бѣгуновъ. Этимъ то опричникамъ и нужно приписать повальныя казни, виновникомъ которыхъ выставляютъ І. Грознаго наши историки. Это была борьба новаго государственнаго порядка, повершавшаго судьбу дружиннаго періода, при каковой борьбѣ между тѣмъ самъ Грозный повершилъ судьбу и Татаръ, и Ливонскихъ рыцарей и запугалъ Поляковъ. Наконецъ, дни и самовластіе, по словамъ Сенеки, бываютъ обыкновенно кратковремены: „non diu potest, quae multorum malo exercetur, potentia stare“, но Геменсъ, рисуя положеніе І. Грознаго при гробѣ его сына называетъ его: „The old and haughty czar“, т. е. старый, могущественный царь“ называетъ его повелителемъ націй, пользующимся славою „Lord of nations with his renown“. Приступая къ выраженію печали нашего Государя, поэтисса оговаривается: „о это горькое состояніе слышать, какъ высказывается въ такія минуты величіе“. „A mournful thing it was to hear, how then the pround man spoke!“ Мы благодарны за это теплое сочувствіе и вѣру Англійской литературы въ дѣйствительность чувствъ и въ заслуги нашего Государя, заподазрѣваемыя нашими и Нѣмецкими скептиками. Изображеніе его ломающимъ желѣзными посохами дубовые полы, и притомъ за обѣдомъ казнящимъ собственноручно ослушниковъ, обставляемымъ неприличнымъ его сану сценами, до того наскучили по своей неправдоподобности и неестественности, что невольно отказываешься отъ этого періода времени, не имѣя надежды одолѣть безконечную массу приговоровъ и приговоровъ надъ памятью Грознаго, основанныхъ на частныхъ источникахъ, проистекающихъ изъ враждебнаго ему лагеря, основанныхъ на предположеніяхъ, умозаключеніяхъ, повально отвергающихъ официальные источники, факты и связь событій. Такимъ образомъ тѣнь Грознаго оказывается еще не безпріютною въ этомъ мірѣ, и Русскій патріотъ, хотя на чужой почвѣ, можетъ насладиться должнымъ освѣщеніемъ своего Ореола! Пора-бы нашей литературѣ, пока наша исторіографія дорастетъ до уровня съ Англійскою, озаботиться хотя бы переводомъ „Ивана царя“ Геменсъ, чѣмъ пичкать въ школахъ дѣтей извѣстнымъ сантиментальнымъ, противнымъ сердцу Русскаго патріота, произведеніемъ Зейдлица, въ переводѣ Лермонтова: „Воздушный Корабль“.

Убѣждаясь въ крайнихъ погрѣшностяхъ и неудовлетворительности нашихъ передовыхъ музъ при опредѣленіи завѣтныхъ истинъ и разрѣшеніи вопросовъ изъ древней нашей исторіи, мы обратимся къ непривилегированнымъ забытымъ музамъ: эпосу, хорографіи и археологіи,—музамъ, имѣющимъ второстепенное значеніе въ наше прогрессивное время, въ которое мы заняты обсужденіемъ результатовъ, изобрѣтеніями, реформами уставовъ прежняго своего быта. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ болѣе мы находимъ въ святилищѣ этихъ музъ матеріаловъ для опредѣленія его прошлой судьбы. Съ теченіемъ времени, съ расширеніемъ арены дѣятельности народа, по выступленіи его въ историческую роль, святилище этихъ музъ передовые сословія забываютъ, оставляя его скромный алтарь на долю простаго народа и составляя свои, такъ называемые, официальные матеріалы, на основаніи которыхъ они составляютъ новую свою науку. Съ того времени начинается исторія двухъ родовъ: официальная-литературная или, такъ называемая, прагматическая, и другая—легендарная народная, подавляемая накопленіемъ литературныхъ всякаго рода частностей исторіи перваго рода Хотя передовые классы народа относятся съ невниманіемъ къ сирой долѣ послѣдней, но значеніе ея оказывается изъ того, что великіе правители народовъ,—могущественные монархи, при вступленіи въ кормило своего правленія, удостоиваютъ своимъ посѣщеніемъ мѣстности, замѣчательныя своею стариною или по своимъ историческимъ событіямъ. Ни одинъ изъ нашихъ монарховъ не оставлялъ безъ вниманія это завѣтное святилище народа. Въ особенности Александръ Благословенный заботился о сохраненіи мѣстныхъ историческихъ свѣдѣній. При посѣщеніи Бирска, г. Оренбургской губ., Государь обратился къ хозяину дома, въ которомъ Онъ былъ принятъ городомъ, съ вопросомъ: „чѣмъ замѣчателенъ ихъ городъ въ историческомъ отношеніи?“ Получивъ въ отвѣтъ: „ничѣмъ, кромѣ живописной мѣстности“, Государь, при обозрѣніи города, замѣтивъ въ мѣстномъ причтѣ одного изъ стариковъ, обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, на который получилъ точное указаніе Пугачевскихъ битвъ, удовлетворившее на столько вниманіе Монарха, что этотъ старикъ былъ награжденъ тѣмъ подаркомъ, который былъ предназначенъ Монархомъ для хозяина квартиры. Въ самомъ дѣлѣ, эти указанія изъ легендъ и хорографіи оказываются не излишнею находкою въ судьбѣ

великихъ народовъ, когда торжествующая ихъ исторія достигаетъ своего зенита величія, чему мы находимъ разительныя доказательства въ судьбѣ Греческаго народа. Послѣ славныхъ Саламинскихъ дней, когда Аѳинская республика достигла апогея своей славы, превзошедши и славу Аргонавтовъ и Троянскихъ героевъ, это—великій Софоклъ въ своемъ дивномъ произведеніи: „Царь Эдипъ въ Колонѣ“, указавъ разсказомъ о культурныхъ заслугахъ богини Аѳины, вызвалъ къ несчастной своей судьбѣ на столько вниманіе своихъ согражданъ, что они преклонились всѣ предъ нимъ за то, какъ предъ царемъ своихъ поэтовъ. *)

Хотя Нѣмецкіе историки и недальновидные скептики сомнѣваются въ древнихъ культурныхъ и гражданскихъ заслугахъ между Европейскими народами нашихъ предковъ, опасаясь погрѣшить противъ священной древности, выражаясь словами Рутенберга, но мы однакожъ рѣшаемся поднять эту напрасно забытую, священную для насъ древность, имѣя крѣпкую опору въ мѣстныхъ хорографическихъ и эпическихъ указаніяхъ, минуя

*) Бирскій протоіерей покойный о. В. Ляховскій, знавшій и видѣвшій во время молодости своей знаменитаго поэта Г. Р. Державина и историографа Карамзина, во время пріѣздовъ ихъ изъ Петербурга въ Оренбургскій край, разсказывалъ, какъ эти наши корифеи любили знакомиться съ мѣстными преданіями, съ хорографіею и судьбою этой дикой Башкирской страны не посредственно у самого народа, отказываясь для того и отъ предстоявшихъ для нихъ общественныхъ удовольствій и не оставляя безплатно удачнаго разскащика. Геніальный поэтъ Пушкинъ, въ особенности, дорожилъ распросами о странѣ у самого народа, посѣщая Оночку и Островь Нѣмецкіе студенты вакаціонное время посвящаютъ путешествіямъ по своему фатерлянду Наша страна не богата ни чудесами природы, ни сокровищами человѣческаго труда она представляетъ арену многовѣковой борьбы, среди которой палъ не одинъ Илионъ. Извѣстно, какое почитаніе воздалъ Великій Александръ памяти героевъ Троянской войны на забытыхъ ихъ могилахъ въ опустѣвшемъ царствѣ прежняго величія Иліона. Еще древній Грекъ цѣнилъ непосредственнымъ изученіемъ мѣстной хорографіи, оставивъ легенду о ментерѣ Телемака, въ роль котораго преображалась богиня Греческой культуры Аѳина, чтобы объяснить путешествовавшему, воспитаннику поучительное значеніе страны. Въ Библейской исторіи, въ особенности при Патріархахъ, находимъ поучительные примѣры почитанія Еврейскимъ народомъ хорографическихъ указаній своей святой Земли. Русскій народъ не остается безъ подражанія этимъ высокимъ примѣрамъ, имѣя у себя священные пункты и пріюты по своей Русской землѣ. Вдохновеніе своею легендарною славою спасаетъ народъ въ минуты его бѣдствій. Пѣсни Тиртея спасли Спартанцевъ въ минуту ихъ опасности. Почему же памятники хорографіи имѣютъ такое значеніе? Потому что они касаются самихъ великихъ и достопамятныхъ моментовъ прошлой судьбы страны,

которыя оказывается какъ непонятнымъ происхожденіе нашего народа, такъ и самая исторія древнихъ народовъ: Грековъ и Римлянъ. Западные историки всѣ соглашаются въ пріуроченіи къ нашей З. Двинѣ Римскаго ея названія Рубонъ, соглашаются и въ существованіи въ нашей странѣ Римскихъ колоній, обличаемыхъ въ хорографическихъ ея названіяхъ, начинающихся „вилями и навлями,—что, конечно, указываетъ на близкое знакомство нашихъ предковъ съ Римомъ, но и названіе этой же рѣки Иридаиомъ, Греческимъ миѳическимъ названіемъ, пріурочиваемое ей по мѣсту нахожденія у устья ея янтаря, названіе, съ которымъ находятся столько поселеній, производныхъ отъ Греческаго слова „πόλις“ а также и другихъ Греческихъ названій, а именно: Хроносъ—р. Нѣманъ, Екпманія пос. у Полоцка, Оболь р. и др., —указываетъ на связь нашихъ предковъ съ Греками, которая по договорамъ Олега и Игоря называется „давнею отъ многихъ лѣтъ“. Историческія извѣстія о нашей странѣ распадаются на извѣстія Греческихъ писателей, начинающіяся съ миѳическихъ временъ и касающіяся непосредственно нашей страны, лежащей въ области Ериданa, бывшаго мѣстомъ погибели Фаэтона, пристанищемъ Аргонавтовъ и избранной Гомеромъ ареною для его сказки: „Война мышей съ лягушками“. Извѣстія Геродота о Будинахъ и Неврахъ обличаютъ также непосредственное знакомство отца исторіи съ нашею страною, хотя онъ хитро скрываетъ свѣдѣнія объ Иридане въ торговыхъ, корыстныхъ цѣляхъ своей націи. Извѣстія Питеаса Массилійскаго и Ксенофонта Лампсакскаго о Новой Русѣ, подтвержденныя Страбономъ и Птоломеемъ и оправдывающіяся мѣстными хорографическими названіями (рукавъ р. Нѣмана, до сего времени, называется Русною, а также множество названій отъ этого корня въ нашей странѣ) также убѣждаютъ насъ въ этой связи нашей страны съ Греками, имѣвшими подъ Люциномъ храмъ своей Эгиды, оказывающійся въ назв. н. Идзеполемъ. Рядомъ съ извѣстіями Грековъ выступаютъ извѣстія Римлянъ, но уже гораздо позднѣйшія и оказывающіяся заимствованными отъ другого народа, т. е. нашихъ предковъ, съ которыми они ознакомились на иныхъ пунктахъ, а именно въ Паноніи и Нарбонской Галліи, и при посредствѣ которыхъ они познакомились съ туземцами нашей страны, переиначенными у нихъ уже въ иныя названія, а именно: вмѣсто Будиновъ или Невкиновъ, Агатирсовъ, Нервовъ, мы находимъ Карвоновъ или Кривовъ, Ала-

уновъ, Саваровъ, Вандаловъ или Вендовъ и Бастарновъ, вмѣсто Меланхленовъ находимъ Естіевъ (Исидоновъ), Фенновъ или Финновъ, Глесаріевъ, Куроновъ, Массагетовъ, Геруловъ, Гирровъ или Иртовъ и др. *) Всѣ эти племена состояли подъ господствомъ Руссовъ, которое старались оспорить Римляне, старающіеся игнорировать нашихъ предковъ, по соревнованію къ нимъ. Господство нашихъ предковъ было прочнѣе Римскаго, такъ какъ наши предки ближе стояли къ туземцамъ, господствовавшимъ до Руссовъ, какъ показываетъ названіе поселеній Лепельскаго уѣзда Будславль, Будоболь, Будище и др. поселеній. Отстаивая свою самобытность и національность при сношеніяхъ съ Римлянами, наши предки, съ незапамятныхъ временъ, болѣе дружили съ Греками, о чемъ свидѣтельствуютъ договоры Олега и Игоря, чѣмъ съ Римлянами. Изученіе хорографіи нашей страны и сравненіе ея съ литературными данными древнихъ народовъ, для чего опредѣляемъ слѣдующія двѣ главы нашего труда, убѣдятъ читателя въ неосновательности скептицизма Нѣмецкихъ Историковъ въ существованіи древней культуры въ нашей странѣ.

*) Греки вообще на з отъ Скиѳовъ указываютъ Сарматію, въ которой сильнымъ народомъ были Веневды. По этнографическому описанію Тацитомъ Сарматовъ и Ю. Цезаремъ Рутеновъ ни Сарматы, ни Рутены никакъ не походятъ на Скиѳовъ.

ГЛАВА I.

Старо-давнія гнѣзда по нашимъ гаямъ Дивной Жаръ-Птицы съ ея Павами и Соловушками подъ обороною Рыковъ-Рикалей, Орликовъ-Рогалей, Вороновъ-Воркалей, Галчатъ-Врасокъ и Соколовъ-Подлетовъ или станицы Русскихъ старожинцевъ въ нашей странѣ и на Днѣпровскомъ верховьѣ.

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ.
. . . . . .
. . . . . .
Тамъ лѣсъ и долъ видѣнья полны,
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустынный,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой выходятъ изъ водъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской.

Пушкинъ.

Ἀγγ' ἐμόν οὐποτε θυμὸν ἐνὶ στήθεσσιν ἔπειθες
Πατρίδος, ὡς οὐδέν γλύκιον ἦεν. Ομηρος. *).
Veritas vincit imitationem. Cicero. **).

Минуя вопросъ о Будинахъ, Неврахъ, Агатирсахъ, Певкинахъ, Саварахъ, Гиррахъ, Карвонахъ или Кривичахъ, древнихъ обитателяхъ В. Европы, явно отличаемыхъ всѣми древнѣйшими писателями отъ Скиѳовъ, жившихъ отъ этихъ народовъ на востокъ, питавшихся молокомъ и признаваемыхъ предками Башкиръ, Киргизовъ, Калмыковъ и Татаръ, питающихся и нынѣ молокомъ, мы обратимся къ опредѣленію давняго историческаго происхожденія нынѣшнихъ народовъ нашей страны: Русскихъ и Латышей, изъ которыхъ послѣдніе Нѣмцами и Польскими историками признаются древнѣйшими поселенцами страны.

*) Но меня никто не могъ убѣдить, чтобы что нибудь для кого-бы то ни было могло быть пріятнѣе отечества. *Гомеръ.*

**) Истина торжествуетъ надъ подражательствомъ. *Цицеронъ.*

Этотъ народъ, правда, преобладающій по численности своей въ нашей странѣ, но онъ самъ отрекается и отъ названія себя туземцемъ ея, и даже отъ своей исторіи. Указывая на древніе могильники страны, онъ называетъ ихъ Криве-Капи или могилы Руссовъ, а про себя онъ говоритъ мало, называя себя просто цильваксъ т. е. человѣкъ. Въ лѣтописяхъ это племя называется прежде всего гола или гала, *) отъ котораго произошло слово „голдовникъ," объясненное намъ Іоанномъ Грознымъ въ значеніи словъ: „поданный, обязанный." Отъ слова гола происходитъ много названій для разныхъ мелкихъ Латышскихъ племенъ: Латыгола, Ейрагола, Семигола, Мейшагола, Бетигола и др., каковыя названія оразнообразились вслѣдствіе прихода ихъ изъ прежнихъ поселеній. Впрочемъ главное названіе Латыгола или правильнѣе Летгола, какъ увидимъ ниже, получило свое названіе по иному поводу и какъ на второстепенный въ нашей задачѣ этотъ вопросъ о происхожденіи Латышей—отъ Готовъ-ли или отъ Геруловъ мы оставимъ отвѣтъ, чтобы не развлечь себя при изслѣдованіи перваго—о Руссахъ. Рѣшеніе его также ничего не прибавитъ къ исторіи, какъ и рѣшеніе вопроса объ этнографическомъ происхожденіи упомянутыхъ исчезнувшихъ уже изъ нашей страны народовъ, а равно и другихъ, именно: Лигіевъ—по имени которыхъ мы имѣемъ на Двинѣ посел. Ликсну, Каттовъ—пос. Катеградъ, могучихъ Свеевъ—пос. Освеи или озеро Свибло, Языговъ—пос. Яссмужу. Всѣ эти народы отмѣчены даже на страницахъ такихъ историковъ, какъ напр. Ю. Цезарь, подробно описывающій Свеевъ, какъ Тацитъ, подробно упоминающій вмѣстѣ съ Свеями и прочихъ народовъ; но уже трудно описать ихъ культурныя заслуги. Одно можно сказать о нихъ, что изчезли безслѣдно. Напротивъ названія поселеній нашей страны: Дѣдули, Матули, Антославль, Антуши, Старогореино, Стародавно и пр. указываютъ на древнюю принадлежность ея Славянамъ, которые избрали ее своимъ сборнымъ пунктомъ (Славетчина, пос. Лепел. у.), для связи Балтійскихъ Славянъ съ южн. Славянами.

Между племенами великаго Славянскаго народа, занявшаго по своемъ переселеніи въ Европу въ незапамятныя времена пространство отъ Чернаго моря до Эльбы, на этомъ районѣ явля-

*) Происхожденіе словъ „гола и гала" мы предполагаемъ отъ древняго Рус. слова гели оставшагося въ названіи у Венгерскаго поселенія подъ Татрами „Уй гели." Слово Уй означаетъ новый, а гала плѣнный.

ются въ самое раннее время дѣйствующими на политическомъ поприщѣ Македоняне, Венды и Руссы. О первомъ народѣ исторія сохранила благодарное воспоминаніе, какъ о народѣ, служившемъ къ распространенію Греческой цивилизаціи между другими народами. Венды были поглощены Нѣмцами, но Руссамъ выпала болѣе тяжелая доля миссіи между грубыми племенами, жившими на сѣв. Европы. Покоривъ часть Европейской Скиѳіи, прилегавшей къ Азовскому морю и Синему, или такъ называемому Фалынскому, морю, они должны были отступить къ сѣверу и вступить въ борьбу съ Финскими племенами и Готами. Между Европейскими писателями они извѣстны вообще подъ именемъ Россоланъ, подъ каковымъ именемъ они отмѣчены на картѣ Птоломея, географа II в. Однакожъ они ранѣе вошли въ Европу подъ собственнымъ именемъ Руссовъ, подъ каковымъ названіемъ прошли чрезъ Западную Европу, утвердившись при Карпатахъ и въ Нарбонской Галліи подъ именемъ Руссовъ или Рутеновъ, подъ которымъ именемъ они получаютъ литературную извѣстность въ Нарбонской Галліи, оставивъ по себѣ прочные слѣды и въ мѣстной хорографіи этой части Галліи, что оказывается и изъ нынѣшней топографіи, а также и изъ изслѣдованій Арцыбашева. Ю. Цезарь свидѣтельствуетъ, что они изъ Нарбонской Галліи отступили не безславно, но куда, неизвѣстно. При Тиверіи, по свидѣтельству Светонія, мы встрѣчаемъ одного изъ вліятельныхъ Рутеновъ при дворѣ Цезарей. Поселенія Руссовъ или Червонныхъ Рутеновъ, мы встрѣчаемъ и въ Галиціи, и въ Панноніи. Ни у одного Римскаго писателя мы не находимъ свѣдѣнія, чтобы Руссы или Рутены когда нибудь входили въ борьбу съ Римомъ, или чтобы покорились ему. Напротивъ Роксолане или Россолане, какъ оказывается изъ свидѣтельства многихъ Римскихъ писателей отъ III до VI в. являются участниками движеній и возмущеній Европейскихъ народовъ противъ Римлянъ при Адріанѣ и Комодѣ, Римскихъ Императорахъ, а потомъ въ III и VI в. по Р. Хр. Это новое ихъ названіе Россолане (Роксоллне), замѣнившее въ литературѣ хорографическія названія: Руссы и Рутены, Польскіе писатели считаютъ за синонимическое имя Скиѳамъ, а по мнѣнію Нарбута, заявленному въ его исторіи Литовскаго народа, отдѣльное отъ Скиѳовъ и состоящее изъ слова Россъ съ словомъ Аланъ, устроившееся названіе по образцу происхожденія словъ: „Азалане, Готолане“. Но подобное производство

Нарбутомъ слова „Россоланинъ“ походитъ на производство Стрыйковскимъ слова Мономахъ. Скорѣе оно происходитъ отъ корней: „Россъ и Солъ“. Отъ послѣдняго корня произошло слово Соланы, какъ отъ слова, встрѣчающагося корнемъ въ нашей хорографіи, фала—слово „фаланга“, или отъ коло—„колане“, отъ „вара“ производится „варанги или варяги“. ЭтиРоссолане были первыми изъ Рутеновъ, покорителей Скиѳовъ, затмившіе своею славою самихъ Рутеновъ и первые цивилизаторы востока по паденіи Грековъ, культуру которыхъ они приняли съ самого своего вступленія въ Европу. Но ихъ судьба отдѣльная отъ Рутеновъ и Руссовъ.

По удаленіи изъ Галліи, Руссы объ ней не забыли, сохраняя въ своихъ преданіяхъ о Рони—подъ именемъ Чудоронины, приданномъ новымъ своимъ поселеніямъ въ Галиціи и нашей странѣ. Имя Рони осталось въ Галліи въ названіи рѣки Родана Роною. По отступленіи такого мощнаго врага, какъ Руссы, для Римлянъ исчезли препятствія для совершеннаго покоренія Галліи и для открытія наступленія на Германцевъ, тогда какъ Руссы обратились на востокъ, стараясь по своему обычаю занять какъ водораздѣльные пункты, такъ и приморскіе, а почему, вступивъ въ Галицію, они переселяются и въ нашу страну, потомъ въ Полѣсье по р. Пинѣ, а, наконецъ, и къ Черному морю, получающему названіе Русскаго моря, отмѣченные на картѣ Птоломея подъ именемъ Россоланъ, тогда какъ и въ хорографіи и у всѣхъ западныхъ писателей жившіе въ Галиціи, въ Бѣлоруссіи и нашей странѣ извѣстны прямо подъ именемъ Руссовъ или Рутеновъ. *) Ясно, что послѣдніе пункты составляли главную арену могущественныхъ Руссовъ, и, сличая хорографію этихъ пунктовъ, мы убѣждаемся, начиная съ частностей и кончая общими названіями, въ поразительномъ ихъ сродствѣ. Загадочныя названія поселеній нашей страны прямо заимствованы изъ Галичанскаго и Паноньскаго районовъ, напр. Звирдзино (въ Галиціи Zwirz), Гайово, Сырма (въ Пан.), Весселы, Равзино (р. Рава Русская), Лимановъ, Балтиново (г. Балта), Краславка (обл. въ Панопіи Красса), Малново, Ацпокп (въ Панопіи Pocs—отъ этого названія происходятъ

*) Впрочемъ названіе Россолане есть названіе литературное, фиктивное и наданное Римлянами тѣмъ Руссамъ, которые во главѣ Скиѳовъ или Аланъ со II в. по Р. Хр. стали нападать на Римлянъ. О Руссахъ ни Римляне, ни Греки не упоминаютъ, не имѣвъ съ ними борьбы.

названія города Опочки Псков. г. и пос. Опочны Себ. у.), Кеки, Чаты, Чава, Липня, Бирже, (въ Венгріи Börze), Езерники, Кубинъ, Дуделишки, Кивли, Нитры, Средели (Szered), Коссалишки (въ Венгріи Cóssa), Тискады отъ р. Тиссы, Томашевъ, Бановце, Стропъ, Пржемысль, Новамысль, Пылда (Венг. Pilis), Огулино, Пократынь (въ Венгр. Росгаć), Комля, Нагля (въ Венгр. Nagy), Пеняны (въ Венгр. Pien), Кудринцы, Годулы, Вальки, Терпинье, Тенисмуйжа (въ Венгр. Тенисъ) и др. Что эти названія заняты изъ указываемаго нами района, то бокъ о бокъ съ этими названіями и въ нашей странѣ встрѣчаемъ передовыя хорографическія названія того района, а именно: Подолъ, Волынь, Каменецъ, Тарнополь (въ Галиціи Тарновъ) и Галчаты. Послѣднее названіе очевидно производное отъ слова: Галиція. Главный контингентъ этихъ колонистовъ состоялъ изъ Славянъ, по именп которыхъ мы находимъ въ Лепельскомъ у. поселеніе, называющееся Славетчиною, производное отъ Чешскаго поселенія „Славетинъ“. Вербованіе колонистовъ (о каковомъ процессѣ намекаютъ названія нѣсколькихъ поселеній, въ родѣ: Вербовце, Верябовце и въ нашей странѣ: Кули и Ницы) совершалось не изъ однихъ Галичанскихъ и Паноньскихъ Славянъ, но и изъ Черногоріи, Сербіи и Валахіи, какъ показываютъ названія у поселеній нашей страны: Гурныя Башки, Виткоповщизна, Рѣтни, Рѣчини, Ушвальдъ, Бернъ (послѣднее изъ Моравіи) и др. Нѣкоторыя наши мѣстныя названія напоминаютъ объ исчезнувшихъ Славянскихъ племенахъ, напр. Марковце и Карпинъ о славныхъ Маркоманахъ и Карпахъ.

Сличеніе нашей хорографіи съ Паноньскою и Галичанскою необходимо для объясненія характера и цѣли колонизаціи, а также для возстановленія дѣйствительныхъ хорографическихъ названій, извращенныхъ временемъ и обстоятельствами. Встрѣчая названія въ нашей странѣ: Первая мысль, Старая мысль, Новая мысль, Старогоренно, Старобино, Сѣдлово, Селени, Подсадки, Новоселки, оказывается яснымъ, что эта колонизація произошла неодновременно, но началась съ незапамятныхъ временъ. Находя поселенія „Вайводы, Вайдуки и Вайкульяны бокъ о бокъ съ поселеніями Покоевцы, Доброчинъ, Добронель, Богданы, Неведро (т. е. неврывающіеся), Вожаны, Лады и, наконецъ, Солы—Большая и Малая Солка (т. е. поселенія крестьянъ, отъ котораго слова происходитъ слово Солтысъ—

деревенскій староста), Озольники—Озолицы, Унсолы, Шкультово и Шкельбаны (шкульты—нѣсколько высшее противъ соловъ сословіе), необходимо заключить, что колонизація прежде всего подраздѣлялась на мирную, или культурную колонизацію, и на воинскую. Для доказательства культурнаго склада этой колонизаціи оказывается цѣлая масса техническихъ, съ этой стороны, данныхъ въ нашей хорографіи. Изъ земледѣльческихъ названій нашей страны выдаются слѣдующія: Рольничинъ, Тылты, Скруделино, *) Скрудино (т. е. скрудлюю, бороню) Грацишекъ (отъ грацую—расчищаю поле), Капустники, Ботвиница, Хмѣлево, Кужели, Овсѣевка, Всѣва и Конопляники или Пржесѣменцы. Послѣднее названіе указываетъ, что наши предки относились къ этой отрасли хозяйства съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ Грекъ относился къ воздѣлыванію оливковаго дерева въ своей странѣ. Изъ ремесленныхъ и мастеровыхъ названій выдаются слѣдующія: „Столяровщина, Тартакъ, Трачунъ — пильщики, Бруканы (т. е. мостовщики), Стальмахи (т. е. колодзѣи или колесники), Перцвита—шерстобиты, Маштанъ (т. е. мачтовники), Шараки и Киврени (каретники), Миткевичи (мастера сѣделъ), Кистинка (мастера кистеней), Блехино, Ковали или Кальвеши и Котлеши или Котельники. Послѣднее названіе обличаетъ Нѣмецкихъ историковъ въ клеветѣ на туземцевъ нашей страны, обличаемыхъ ими въ незнакомствѣ будто бы ихъ съ желѣзною посудою. Къ этому роду ремесленниковъ мы относимъ мурниковъ и студзиновъ т. е. каменьщиковъ и грабаровъ, отъ которыхъ происходятъ наши мѣстныя фамиліи Студзинскихъ и Муручковскихъ. При такой массѣ мастеровъ (пос. Люц. у. Мастеры) и производителей очевидно, что въ странѣ такой долженъ былъ существовать обширный сбытъ и мѣновой оборотъ продуктовъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ, чему служитъ доказательствомъ цѣлая куча поселеній съ торговыми названіями, напр. Балагиня, Баландино, Балино (производ. отъ balla связка, тюкъ товаровъ, откуда происходитъ слово балаганъ), Наметъ (палатка), Шеметъ (платокъ, матерія), Торгонцы (отъ слова Таргъ), Вымѣнишки, Пржемяны (пункты мѣновой торговли),

*) Напьерскій, при объясненіи нѣкоторыхъ словъ изъ договорной грамоты Гедемина съ рыцарями отъ 1338 г., объясняетъ слово scrodere чрезъ переводъ его въ значеніи портныхъ, но это слово, вѣроятно, означаетъ скрудина, т. е. земледѣльца, что ближе по смыслу текста къ истинѣ.

Берлиши и Рубинишки (торговцы драгоцѣнностями), Фражки и Макулишки (торгаши мелочами), Скутоли и Скутолово (отъ шкута—хлѣбный корабликъ), Кухва р. (отъ куба—кубара), Стерняны (рулевые), Жеглово (парусники), Пуровка, Масалково и Пудники (пура и маса—древнія мѣры), Платачи (серебренники), Дзенигаль (Дзени, тожь Дени—пос. Рѣж. уѣзда—деньги), Иснауда (наута—кораблевикъ, монета), Мытасино и Комара (таможни), Андроны, Дубилы и Мамыковды (говоруны, толмачи), Креница и Убодишки (отъ крынуть и выбадать, т. е. узнать что нибудь), Гостины (иноземные купцы) и Погосты. Послѣднія поселенія начинаются отъ Двины и группируются около оз. Еша въ Рѣж. у. и указываютъ на пунктъ сношеній страны съ иноземцами. Въ этой же группѣ находятся поселенія: Межа и Метели (т. е. межа), указывающія на древнюю границу страны, а пос. Бродайжи, Грабники, Хабары, по своему значенію, очевидно указываютъ на барышниковъ и бродягъ.

Организаторами этого кипучаго населенія оказываются Лудзане или Лудвизары, т. е. литейщики колоколовъ или мѣдники (пос. Рѣж. у. Мѣдени), и рудокопы, колоніи которыхъ, какъ мы выше видѣли, назывались Лутовыми, Слутишками, Полюдичами, Залюдчицами, Лудвизиными, Пылдами, Людогощами, Хлудовыми, Лидевкиными и т. д. Мѣдничество и серебреніе называлось рудней, мосенджствомъ и платиной, отъ которыхъ происходятъ названія нашихъ поселеній Себеж. у. Масютина, Рудушекъ Рѣж. у. и Платачей Люц. у. Что Лудзане были организаторами этой промысловой дѣятельности нашей страны, на то указываетъ производное значеніе одной изъ ея колоній—Выдал отъ слова wyludam, т. е. трещу, гремлю, привлекаю кого нибудь къ себѣ посредствомъ звона. По имени этого поселенія находится пос. Выдай въ Себеж. у., имѣющій въ сосѣдствѣ поселенія Звоны и Бубны. Отъ пос. Звоны происходитъ названіе древняго Русскаго города Звенигородъ, не вдали отъ котораго находится Луцинское село въ Моск. г., а отъ Валдая—Новгородскій Валдай, извѣстный колоколами. Они были и главными заботниками о защитѣ своей страны, устроивъ засѣки, валы, подземные проходы и пещеры; они же занимались приготовленіемъ броней разнаго рода и оружія, напр. кистеней (кистинка), луковъ для лукаевъ, бардышей (Бардово Себеж. у.), Мисурагъ или шишаковъ, Шиловъ или Щитовъ для коковъ или наѣзниковъ.

По указаніямъ нашихъ народныхъ сказокъ и по свидѣтельству Арабскихъ писателей намъ извѣстно, что входъ въ нашу страну былъ крѣпко огражденъ разнаго рода укрѣпленіями и караулами (т. е. Вежами и Чатами—поселеніями въ нашей странѣ), стражниковъ которыхъ Ніенштедтъ, писат. XII вѣка, указываетъ въ крѣпости Герсике. Они назывались квикшами, т. е. пискупами, подававшими знакъ, посредствомъ писка съ высокихъ вартоень или башень, о приближеніи непріятеля. За ними выступали Вайкупы *) Шкрябы, Коряны, т. е. наѣздники, Ляпоры, Попоры, Шапоры, т. е. отразители, Моцари, т. е. силачи и Картепи, Лукап, Уши или Усаи, (Uszar или Гусаръ), Сепи—щитоносцы, Труи или Утруи отражатели, Педени, (т. е. отъ пендить—прогонять), Мораны или Маронгики, т. е. мародеры, Даузы, **) Сируги, т. е. напряженные, Рушоны или Руши, т. е. нападающіе. Сборными военными пунктами ихъ были пос. Шкагаъ и Ардово. Между этими поселеніями находимъ оберегателей границы Баченей (Дин. у.) съ Кутанами, Кутузами или Прикутами, (пос.), смотрѣвшихъ за переходящими чрезъ границу и бѣглецами. Иноземцы должны были заявлять о себѣ въ поселеніяхъ, называвшихся Явленп, Явдино и Явнпши. Кромѣ Куцей или Кутановъ, наблюдавшихъ за бѣглецами или ускоками, надъ Двиною и въ Люц. у. встрѣчаемъ поселенія Кулей, Кашкулей, Кокулей, Кулянъ, Вейкулянъ, Нпцовъ и Нитпшекъ т. е. приводившихъ иноземцевъ въ подданство страны посредствомъ наложенія на нихъ куповъ или шейныхъ оковъ и пояса или каша, называвшагося также балтой, шовомъ, объясняемаго изъ Латинскаго языка въ значеніи пояса, наложеніе котораго означало причисленіе опоясаннаго къ общественной службѣ. Привлеченіемъ въ союзъ къ себѣ, колонистовъ кромѣ Кулей, были таковыми же піонерами руссификаціи врацки, что оказывается въ фамиліи Галкинъ-Врасскій. Самое слово Выдай означаетъ привлеченіе кого нибудь къ ссбѣ звономъ. Пос. надъ Двиною Ваболь означаетъ также отъ слова вабить приманивать кого нибудь. Изъ этихъ названій оказывается, что обращеніе Руссами въ свой союзъ производилось разными мѣрами, т. е. подоговорно, какъ показываетъ на-

*) Вацупики, Покупики, т. е. запиратели границы (куна означ. шейныя желѣза и дверной запоръ).

**) Давзы или тузы (пос Давдиши, Даузенъ, Тавдовяны, т е. давящіе даузы, какъ также образовалось другое слово Козодавы.

званіе пос. Угоды, неправильно означаемое нынче Выгодами, находящіяся на гран. нашей страны съ Дрис. у.; а въ иной разъ, вѣроятно, и по принужденію, какъ показываетъ названіе пос. Бѣгусы, т. е. временные, Лататуи, т. е. убѣжавшіе поселенцы и Неповороты, т. е. навсегда осѣвшіе. Кромѣ этихъ названій, объ этихъ мѣрахъ русспфикаціи говорятъ также названія пос. Ницигаля и Нитишекъ, такъ какъ обращенные иноплеменцы (Литва) назывались нитишками или ницами, значеніе каковаго слова равносильно слову перекулить. Принятіе въ службу сопровождалось принятіемъ присяги, на что указываетъ названіе пос. Жеготъ —отъ жегнамъ, находящагося у Шляхецкой горы Рѣж. у.

Названія поселеній: Дѣдиня, Дѣдплей, Матчино, Доротиоля, Родаличей, Старошвалья указываютъ на составъ служившихъ странѣ изъ туземцевъ и природныхъ поселенцевъ и на то, съ какимъ уваженіемъ колонисты относились къ родовымъ заслугамъ служившихъ странѣ. Служеніе считалось по давности водворенія, служенія и степени заслугъ предковъ служащаго. Куда бы ни переходили наши колонисты на жительство, они вездѣ оставались вѣрными завѣтамъ и установленіямъ своихъ предковъ, со введеніемъ которыхъ они водворяли свой культъ и богопочитаніе, такъ что освященіе страны является первымъ девизомъ культуры нашихъ предковъ (Святая Гурка, Святое озеро, пос. Свяща), и даже самое имя Россъ или Рассъ, по свидѣтельству Нарбута, на Литвѣ означаетъ божество святости *). Въ воинскомъ составѣ страны мы находимъ и наемныхъ служащихъ: драбовъ и жолнеровъ.

Кромѣ воинскаго состава, наши колонисты имѣли прочный опредѣленный административный строй, который они также переносили въ тѣ земли, въ которыя переселялись. Всѣ наши административныя учрежденія мы находимъ и на прочихъ Русскихъ станицахъ, вездѣ почти подраздѣлявшіяся на турдовъ, коловъ, туловъ, коновъ, каровъ, берновъ, кулей, куцей, бруновъ и моновъ. Во главѣ всѣхъ этихъ чиновъ (Чиппулы, п. Р. у.), принимавшихъ на себя и защиту страны и управленіе ею, стояли однакожъ воинскія сословія, состоявшія изъ передовыхъ дружинъ Рыковъ или Рычанъ или Дрицанъ, Усаевъ или Ушей и Трулей или Друевъ, которые судили и управляли страною подъ названіемъ райевъ (Райполь), радшей (Ра-

*) Пушкинъ, обращаясь въ монологѣ Курбскаго въ Борисѣ Годуновѣ, называетъ свое отечество—Святою Русью.

дополь и Ратша) и барчей (Лабарча или Лябаржа) и лесовъ. Бокъ о бокъ съ этими поселеніями мы встрѣчаемъ также остроги, тюрьмы, называвшіяся тогда сендзинами (Спжеполь и Бильснжи), Козинами и Козулями. Всею этой администраціею управляли владцы или вальды, изъ которыхъ мы находимъ въ нашей странѣ поселенія Ушвальду, Стражвальдъ, имѣвшихъ свои резиденціи по окраинамъ страны, между тѣмъ какъ въ центрѣ ея находимъ около оз. Лубани Старый Дворъ Рыковъ съ его дружиною и Дрицанами, Рыкополь, Мурованый Замокъ съ Веленами, Лобовымъ и Налобней. Что Рыки были тоже владцами, доказательствомъ тому служитъ названіе поселенія въ Галиціи, называющееся Риквальдъ, а что они были верховладцами между прочими владцами, тому служитъ доказательствомъ мѣстоположеніе въ ихъ владѣніяхъ Веленъ и Лобова, какъ пунктовъ верховной власти. Признакъ принадлежности верховной власти роду Рыковъ указываетъ и названіе Стараго Двора Рыковымъ, а отъ слова, дворъ, происходитъ названіе высшаго сословія дворянъ (Дворищъ, Дворуней или Дворчанъ,) т. е. дружины, водворившейся на принадлежавшей имъ землѣ и называвшейся также Шляхтою. Старый дворъ Рыковъ называется также Балтиновымъ, что указываетъ на мѣсто возложенія пояса на служащаго. На сконцентрированіе администраціи около Рыковъ, какъ верховладцевъ, указываютъ также названія слѣдующихъ поселеній: Вайводы, Вайново-Тимашишки, Высуны, т. е. высокіе люди, Ругалы, т. е. главные галы, Островѣки, Средлесы, Гайгалы, т. е. священные галы, Слушково, Арестово, Карнополь, т. е. городъ карнетовъ, Козулово, Жоготы, Лобовка, Сталбовка, Товпаги и Тавдовяны. *) Всѣ такого рода названія какъ производныя отъ яспыхъ вывѣсокъ этого рода указываютъ на самый центръ верховной власти Руссовъ. Преданіе также указываетъ на Рѣжицкій уѣздъ, какъ на владѣніе великановъ, какъ на таинственную и чудную страну. По краямъ Рыковыхъ владѣній мы находимъ также знаменательныя по этому вопросу поселенія: Равд-

*) Изъ этихъ названій особенное значеніе имѣетъ слово галы, означавшее вообще мѣсто общественнаго собранія (Galatag или Landtag), напр. Берзыгалы, Межегалы, Гайгалы, Лайгалы. Отъ этого слова происходитъ и названіе Галиціи, а также и фамиліи Галициныхъ. Фамилія Галолобовыхъ, а также и поселенія Смол. у. по этому имени, происходитъ отъ гала. Отъ этого же слова происходитъ слово Смоленской мѣстности—галузовать, въ значеніи дурачиться и шалить.

зино, Равдіено и Равдонія—производныя отъ слова ῥάβδος жезлъ, а въ Лепельскомъ у. пос. Жезлино. Тацитъ въ своихъ анналахъ (6 к. 33 гл.) упоминаетъ о Сарматскихъ Скептртухахъ, какимъ именемъ онъ называетъ очевидно Славянскихъ верховладцевъ. Находя поселеніе въ Венгріи Корондъ, а въ Галиціи и въ нашей странѣ Лянцкороны, можно предполагать, что наши верховладцы носили еще до вокняженія своего въ Новгородѣ вѣнцы или короны. Существованіе у насъ поселенія Межевицъ, какое названіе указываетъ на древнія Славянскія поселенія вицы, въ которыхъ объявлялись разрывы королей и владцевъ съ своими сосѣдями, также подтверждаетъ нашъ выводъ. Правомъ этимъ пользовались не всѣ владцы, а только верховные, имѣвшіе право сѣдѣнія, каковое въ хорографіи осталось только за Рыками, какъ видно изъ названія у поселеній: Присѣлирыки и Сѣгиторы, т. е. горяны, выходцы Затора, принадлежавшаго только Рыкамъ. Наконецъ, что Рыки заправляли союзомъ всей этой многосложной колонизаціи, спеціальный, дѣйствительный составъ которой оказывается очевиднымъ изъ всей нашей хорографіи, въ которой не находится ни одного случайнаго или ничего незначащаго названія, указываетъ названіе поселеній: Выкутенъ и Скуарики производное отъ слова скуть или сковать, *) что означаетъ Рыковъ, какъ основателей союза.

Представивъ административный и культурный составъ нашей страны, мы должны коснуться нравственнаго и религіознаго характера нашихъ предковъ съ ихъ бытомъ и вѣрованіями. При взглядѣ на этнографическій составъ колонизаціи и происхожденіе ея въ нашей странѣ, Руссофобы отзываются унизительно о геральдическомъ достоинствѣ генеалогіи, древнихъ вѣрованіяхъ нашихъ предковъ, а вообще о полномъ заимствованіи ими отъ другихъ народовъ бытовыхъ основъ для своей страны. Но такое убѣжденіе оказывается заблужденіемъ: всѣ наши учрежденія—

*) Слово ковать встрѣчается еще въ названіяхъ поселеній: Мамыковды Себ. у. и Аймолоковаки. Значеніе Рыковъ указывается также существованіемъ въ ихъ землѣ по краямъ ея поселеній, называемыхъ Биржами, значеніе какого названія происходитъ отъ слова биржмую или присоединяю къ своему обществу посредствомъ удара, каковой обрядъ былъ въ употребленіи у рыцарей, при посвященіи ихъ въ это званіе, и, вѣроятно, былъ ими заимствованъ отъ нашихъ древнихъ Рыковъ. Этотъ обрядъ и до нынѣ существуетъ въ Католической церкви.

всѣхъ этихъ барчей, радшей, райевъ, куцей, бруновъ и т. д. мы находимъ только въ названіяхъ Галичанскихъ поселеній и нашихъ, очевидно, одноплѐменцевъ и родичей. Они были главными колонистами нашими. При переселеніи своемъ въ нашу страну, они остаются вѣрными роднымъ основамъ, объявляя себя посланцами и вожаками свободной націи Бѣлыхъ и Великихъ Россовъ, удерживая даже за собою излюбленныя прозванія своихъ предковъ, заимствованныя отъ обитателей воздушнаго царства, напр. **Орлятъ-Рогалей**, **Вороновъ-Воркалей**, **Галчатъ**, **Соколовъ** съ Подлетьемъ, группирующихся около Дивной Жаръ-Птицы (пос. Жарки) съ Павами (пос. Павино Рѣж. уѣзда), Скавками (т. е. жавронками), Соловушками, Бѣлыми Лебедушками и Спичками. Какъ мы выше въ введеніи сказали, что ученый Эйхгорнъ видитъ въ усвоеніи этихъ фамилій нашими предками поклоненіе ихъ воздушному царству природы, но Эйхгорнъ нисколько не знакомъ съ судьбою и бытомъ нашего народа. Усвоеніе этихъ фамилій нашими предками произошло вслѣдствіе не суевѣрнаго и языческаго преклоненія предъ силами природы, но унаслѣдовано ими отъ своихъ предковъ, вынужденныхъ оставить свою родину для пріисканія себѣ новой родины, при каковой судьбѣ они, по сравненію своей доли съ долею перелетныхъ пернатыхъ странниковъ, и приняли ихъ имена для своихъ фамилій, оживляя этотъ историческій фактъ фантастическими воспоминаніями о павахъ и Дивной Райской птицѣ, витавшихъ надъ колыбелью ихъ въ благословенной и незабвенной ихъ родинѣ. Поселившись въ Галиціи при Карпатахъ, негостепріимность которыхъ оказывается въ названіяхъ поселеній: Мрыголодъ, эти воспоминанія еще сильнѣе оживлялись въ контрастѣ представленій о роскошныхъ рощахъ и кущахъ Кашмирскихъ долинъ съ голыми скалами Татровъ. Вотъ почему въ культѣ нашихъ предковъ Нѣмецкіе хроникеры, между придуманными. (De sacrificia et idolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentium. Menius 1562 г.) для нашихъ предковъ богами, выставляютъ однимъ изъ главныхъ божествъ Пущета. Если только было подобное божество въ культѣ нашихъ предковъ, то оно принесено къ намъ Галичанами изъ безлѣсной своей Карпатской станицы, гдѣ существовала особая администрація блюстителей лѣсовъ, называвшихся Гаевниками, Гаями, подъ каковымъ названіемъ и у насъ находятся нѣсколько поселеній, а именно: Ган, Гайголы,

Гайлулы, а на сѣверѣ Себежскаго у. извѣстное поселеніе Княжье село на изгояхъ, а въ Русскомъ языкѣ осталось слово нагайка, —вѣроятно, полицейская дисциплина Гаевъ. Послѣднее слово, входящее въ названіе изгоевъ, вѣроятно, и образовалось изъ понятія нашихъ предковъ о значеніи лѣса для страны, въ особенности для водворившагося и обязавшагося въ ней служеніемъ обществу. Вѣроятно, наши предки и приносили свои жертвы Богу въ рощахъ, какъ, напр. Литовцы подъ Вильною имѣли свой языческій храмъ на гаю. Что же касается культа высшихъ сословій нашего народа, то онъ слагался изъ болѣе идеальныхъ основъ, чѣмъ тѣ, которыя придумываютъ иноземцы. Во главѣ нашего культа предки наши ставили Доля—бога, имя котораго осталось въ народной клятвѣ между Литовцами: „Дольбугъ“ потомъ въ словѣ: „дольвага“, что означаетъ ставнопроставницу, т. е. приборъ для устройства устоя. Этому божеству, какъ въ нашей странѣ, такъ и внѣ ея предѣловъ, находимъ посвященныхъ нѣсколько поселеній: Рудола (Р. у.), Доль Вышки, Долинова, Дальница, (Себеж. уѣзда). Очевидно по всему, что это божество было иниціативою культуры, какъ вдсалъ торговли, права, порядка и судьбы *). За этимъ божествомъ оказывается Россъ или Рассъ, какъ инициатива міровой жизни, орошаемой и возбуждаемой благодатной росой. И, наконецъ, третье божество, согрѣвающей силы—богъ огня, или Зничъ. Послѣднее божество заимствовано, вѣроятно, нашими предками у Римлянъ вмѣсто Пустула,—и его нельзя считать національнымъ. Признаваемыя же за Русскія божества, какъ то: Велесъ, Дажьбогъ, Дидъ, Ладо, Лель, Русалки, Лѣшіе были не болѣе, какъ геніи или мѣстныя особенности, происшедшія вслѣдствіе или бытовыхъ условій или историческихъ воспоминаній, въ доказательство чего мы приводимъ народныя вѣрованія въ Русалокъ. Почитаніе Русалокъ извѣстно въ особенности въ Смоленской губерніи, гдѣ у Руссовъ произошла борьба съ Гунами. Въ этой губерніи хранится ясное воспоминаніе о высшемъ существѣ Паромѣ и его сопутникѣ Яровитѣ, а второстепенными божествами оказываются Купало, Коляда и Домовые, при которыхъ вспоминаются Дидъ и Ладо, но какъ посторонніе пришельцы. Изъ сравненія этихъ мѣстныхъ миѳическихъ цикловъ объясняется

*) Гермесъ—Греч. божество торговли, назывался δολίος хитрый, слов Стадолъ означаетъ пристанище проѣзжихъ.

и различіе мѣстныхъ эпосовъ, а съ ними и народныхъ сказаній. Въ нашей и Литовскихъ земляхъ любимымъ содержаніемъ народныхъ пѣсенъ—кораблики и похожденіе ихъ героевъ по чужимъ землямъ, тогда какъ въ Приднѣпровскихъ земляхъ любимыми пѣснями оказываются, во 1-хъ, касающіяся земледѣлія и, во 2-хъ, изображающія судьбу женщины, страдающей въ чужой семьѣ на дальней сторонѣ. Эта связь миѳическихъ цикловъ Смоленской области съ таковымъ же цикломъ нашей страны вызываетъ насъ къ сличенію Смоленской хорографіи съ хорографіею нашей страны, для того чтобы ознакомиться съ тою ролью, хотя въ общихъ чертахъ, въ какой ролп наша страна стояла къ сосѣднимъ ей землямъ. Повѣсти о томъ не осталось, но на слѣды ея слѣдуетъ взглянуть пристальнѣе. Изученіе Смоленской хорографіи въ связи съ нашею страною проложитъ путь, съ одной стороны, къ указанію предѣловъ древней Русссификаціи между восточными Славянами, а, съ другой стороны, къ опредѣленію границъ нашей страны.

Слѣды Руссовъ въ хорографіи Смоленска, сличаемые съ нашею хорографіею и Галичанскою, оказываются, начиная съ названій самого Смоленска, его башни Веселухи и его предмѣстій: Свирской слободы, Рачевки и кончая Рославлемъ. Отступая по Московской дорогѣ отъ Смоленска къ с. Яровнѣ, при Днѣпрѣ мы встрѣчаемъ поселенія: Воронцы, Немикары, Кулятино, Галолобово, Сенчицы, группирующіяся около главнаго села Спасо-Твердилицъ, названіе которыхъ указываетъ на бывшее въ древности укрѣпленіе, слѣды котораго раскрываются въ названіи р. Юшенки или Ушенки, образовавшейся изъ канала, а также и изъ окоповъ, находящихся надъ р. Вопцемъ, названіе котораго также заимствовано отъ Прикарпатской мѣстности, въ Паноніи, какъ и пос. Гнѣздово, находящееся подъ самымъ Смоленскомъ и напоминающее п. Гнѣздо Кнезенъ при Татрахъ. Названіе Смоленска разнообразится въ хорографическихъ названіяхъ по Витебской губ. въ видѣ Смолковъ (Вит. у.), Смоляковъ (Полоц. у.), Смолянцевъ (Лепел. у.), или Мольниковъ (Рѣж. у.),, Молина (Лепел. у.), съ которымъ въ этимологическомъ сродствѣ находится названіе села Молькова (Смол. у.), около котораго находятся курганы; изъ нихъ два значительной величины. *) Сравнивая мѣстности

*) Считаю не лишнимъ сказать о Тверделянахъ, что они до сего времени считаются передовыми крестьянами между всѣми Смольянами. Они—самый твердый

на Литвѣ, сохраняющія слѣды Русспфикаціи, подъ Троками и Кошедарами, оказывается, что Смоленская Русская колонія сложилась совершенно иначе, чѣмъ Литовская, не имѣя воспоминанія о кунахъ и вступивъ въ равноправный союзъ съ нашею страною. Отыскивая значеніе словъ Мотиновъ и Смоловъ филологическимъ путемъ, ясно, что они находятся въ родствѣ съ древнимъ Русскимъ выраженіемъ: „Молбратъ“, т. е. товарищъ и съ Польскимъ „малженокъ“. Такое значеніе Смоловъ указываетъ на предковъ Смольянъ, какъ на другалей нашихъ колонистовъ, организацію которыхъ еще Ю. Цезарь описалъ въ своихъ коментаріяхъ о войнѣ своей съ Галлами и слѣды которыхъ находимъ въ названіяхъ поселеній: въ Динабургскомъ уѣздѣ подъ именемъ Другалей, а въ Галиціи подъ именемъ Дружкополя.

Видя обширность указаннаго нами района Русспфикаціи отъ предѣловъ Смоленска чрезъ Бѣлоруссію и Литву, очевидно является вопросъ, какимъ образомъ наши Руссы могли проникнуть въ землю прекрасной и мужественной княжны Рыпды и Бабы Яги, властвовавшей надъ Будинами? Рѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ преданіяхъ народа о доблестяхъ нашихъ древнихъ героевъ, чрезъ которыя они вступали въ браки съ царевнами, получая въ приданное съ ними и ихъ владѣнія, чему примѣромъ служатъ похожденія Бовы-Королевича, женившагося на Витебской княжнѣ Рындѣ. Древніе наши владцы не любили сидѣть дома, но любили снискать себѣ славу боевыхъ, грозныхъ вождей, т. е. князей или викинговъ, каковымъ именемъ назывались владцы, водившіе свои дружины въ чужія земли. По выходѣ изъ Галиціи въ Венгрію въ Татрахъ находимъ пос. Гнѣздокнезенъ, а потомъ у оз. Балатона или у Балты другое Кнезенъ, что даетъ поводъ заключить, что князья были и такого рода, которые, вѣроятно, подготовлялись къ своей профессіи.

и предпріимчивый народъ. Они никогда не измѣняли ни Православію, ни своимъ государямъ, хотя подвергались много разъ испытаніямъ съ этой стороны. Между ними не было никогда раскольниковъ,—набожный и преданный церкви народъ. Мы не знаемъ между ними злодѣевъ. До появленія желѣзной дороги въ Смоленскѣ, они были первые извощики. Занимаются продажею пеньки льна, меду. Живущіе при лѣсахъ ходятъ на охоту на медвѣдей. Между ними многіе плотники, ковали, шерстобиты. Грамотность однакожъ развита между ними очень слабо.

Не основываясь ли на этихъ данныхъ, Гваньини, ярый антагонистъ и ненавистникъ Іоанна Грознаго, для опроверженія заявленія І. Грознаго о родствѣ Рюрикова дома съ домомъ Августа, Римскаго императора, пустилъ въ свѣтъ мнѣніе о томъ, что у Руссовъ не было князей, которыхъ они избирали, только выступая на войну, и отнимали у нихъ это достоинство по окончаніи ими войны. Сопоставляя это мнѣніе Гваньини съ словами Олега къ Аскольду и Диру: „вы не князья и не княжескаго рода“ и потомъ съ упрекомъ Рогнѣды Владиміру Св., что онъ не изъ княжескаго рода, выходитъ по мнѣнію Гваньини, что наши князья пользовались только этимъ титуломъ, когда вели войну за границею, а, во время веденія войны съ непріятелемъ въ предѣлахъ своей земли, они не могли пользоваться этимъ титуломъ. Слово князь, какъ мы сказали въ веденіи, происходитъ отъ Греческихъ словъ: „κίνέω“ потрясаю и отъ „ἄγης“ предводитель потрясателей, въ каковомъ значеніи и Гомеръ прилагаетъ это слово въ Иліадѣ (1 гл. 48 ст.) къ богу Аполлону, поражающему Ахеянъ за печестіе, выходитъ по мнѣнію Гваньини, что Аполлонъ назывался княземъ только на войнѣ, каковаго значенія лишался, возвратясь на Олимпъ къ своему небесному трону. Очевидно, Гваньини разумѣетъ не владцевъ, а служилое князевье. Изъ чего оказывается, что для нашихъ владцевъ княжеское призваніе служило стимуломъ чести, котораго лишался опротѣлый князь, о которомъ такъ заботился вопиственный Святославъ Игоревичъ и котораго не могъ снискать скупой царь Кощей, сидѣвшій дома и собиравшій злато. Впрочемъ въ Исландскомъ языкѣ сохранились слова: kna и knega мочь и могу, а въ Англійскомъ knigt въ значеніи представителя обществъ, напр. baneret of the garter, of the bath, of the shire, of the post. Въ одной изъ Русскихъ сказокъ мы находимъ названіе: „князь—щитъ, князь—стрѣла и князь—колъ.“ А почему слово „князь“ не стоитъ ли въ связи съ Англійскимъ King и Нѣмецкимъ König, такъ какъ въ др. Славян. яз. оно писалось съ надстрочнымъ твердымъ знакомъ? Однакожъ слово „гусаръ“ не происходитъ изъ Венгерскаго языка, какъ и слово „козакъ“ заимствовано нами не отъ Татаръ, но чисто русскаго происхожденія отъ древняго Русскаго слова „koza“ мѣховой корабль, на которомъ козаки исполняли свою службу. Въ Рус. Ливон. Актахъ Напьерскаго въ одномъ изъ договоровъ Новгородцевъ съ Нѣмцами, относящемся къ XIII в. мы

находимъ слово „козакъ“, чѣмъ ясно опровергается его производство учеными изъ Татарскаго языка. Значеніе этого слова нами теперь потеряно подобно слову „вечій“, измѣняемому теперь въ вѣщій, тогда какъ оно происходитъ отъ Греческаго слова „κέλης ἀόχνος“, т. е. быстрый верховой конь, называвшійся также вередусомъ, т. е. почтовой лошадью. Прилагаемый въ нашихъ сказкахъ эпитетъ „вечій“, къ слову каурка,—производному отъ caurus вѣтеръ, подкрѣпляетъ наше предположеніе. Въ Динабургскомъ уѣздѣ находятся хорографическія названія: Целевское оз., Вецали пос., Оконо оз., Вечели пос. Лепельскаго уѣзда, указывающія на вечій. Словомъ целесъ Римляне означали также и яхту, отъ котораго слова легкій корабль у Римлянъ назывался целоксъ. Отъ этого слова едва ли не происходитъ и слово целковый, а отъ кавурки слово гривна, какъ древняя плата козаку, называвшаяся также лофою, отъ каковаго слова происходитъ названіе Олегова посла Фарлофа. Со словомъ целисъ стоитъ въ связи названіе таможенной пошлины цломъ. Сопоставляя всѣ эти названія, очевиднымъ оказывается значеніе козака въ смыслѣ пограничнаго стражника, ареною котораго былъ Дунай, какъ показываютъ слова древней національной нашей пѣсни: „ѣхалъ козакъ за Дунай, чтобъ границу защищать отъ лютыхъ враговъ“.

При изложеніи воинскаго состава нашей страны оказывается, что заслуги этого состава заключаются не въ защитѣ имъ только своей страны, но какъ мы сказали, въ миссіи и распространеніи культуры другалями за предѣлами ея. Мы видѣли происхожденіе этихъ другалей, которые однакожъ приходили къ намъ, испытавши уже свои силы на служеніи въ варяжскихъ рядахъ на Паноньской аренѣ, служившей какъ бы сборнымъ пунктомъ для борьбы безчисленныхъ народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, ища союза или вступая въ борьбу съ могущественными Римлянами. Для наблюденія за своими союзниками и для отраженія враждебныхъ народовъ, Римляне едва ли не со временъ республики помѣстили два легіона въ Паноніи, нанимая въ помощь къ нимъ изъ Сарматскихъ племенъ даро-варовъ, изъ которыхъ на первыхъ лежала обязанность воинская, а на вторыхъ—охрана страны и посольскія или почтовыя обязанности и негоціаторскія. Изъ дружинъ варовъ мы находимъ у насъ поселенія съ слѣдующими названіями: Варколовъ, Вертуловъ и Вердалей, т. е. охранителей коловъ, туловъ и далей, Пиповаровъ—охотниковъ, Фалваровъ—поражающихъ

варовъ (отъ фала происходитъ названіе фаланги, какъ отъ вара—варангъ), Ушваровъ—охранителей крѣпостей и засѣкъ, Варосаевъ блюстителей за продажею бакалейнаго товара, въ особенности матерій, Варшановъ—свѣтлыхъ, шановныхъ варовъ, Видіоваріевъ—варовъ видоковъ, Варсловянъ—варяговъ изъ Славянъ. Кромѣ этихъ варовъ, мы находимъ поселенія Тискатовъ и Ковнатовъ, Баевъ, Саровъ, бутовъ, кулей, куцей, имѣющихъ и въ Паноньской землѣ также въ поселеніяхъ свои коренныя названія. Видя въ Заторѣ названіе Рицверки и въ Рѣжицкомъ уѣздѣ названіе поселенія Заваруевки, ясно, что и Рыки занимали ряды Варяговъ, между которыми Ушвары и Труи или охранители границъ были ближайшими ихъ подручниками. Значеніе слова „варъ“ объясняется изъ сохранившагося выраженія: „вара,—стой!“ употреблявшагося въ древности на караулѣ и слова „варунекъ“, означающаго резервъ страны.

Варяги или вары были для туземцевъ нашей страны, равно какъ и для Будиновъ, туземцевъ Витебской и Смоленской областей, обществомъ пришлымъ и находниками, т. е. временнымъ, не прикрѣпленнымъ къ нашей странѣ обществомъ, но не чуждымъ для нашихъ туземцевъ, потому что оно состояло почти все изъ Славянъ, древнихъ Антовъ (пос. Антославль и Антуши Динаб. уѣз.), Маркомановъ (Марки и Марковце Динаб. уѣзда) и др. племенъ, такъ что, для огражденія ихъ правъ и неприкосновенности, состояла вышеупомянутая особая дружина Варславянъ, а по имени Славянъ существуетъ до сего времени въ Лепельскомъ уѣздѣ пос. Славетчина. Большая часть этихъ варяжскихъ названій: шаны, фала, ковнаты, тискаты, буты, сары и др. находится въ районѣ Панонiи. О ковнатахъ Римляне оставили свѣдѣнія, какъ объ отличныхъ воинахъ, сражавшихся на колесницахъ съ непріятелемъ. Пиповары были въ прежнее время въ особенности необходимымъ обществомъ для нашей страны, которая и теперь страдаетъ отъ распложенія въ ней дикихъ звѣрей и волковъ, въ особенности въ Боловскихъ лѣсахъ. Вѣроятно, они были основателями пос. Медвѣдниковъ. Отъ нихъ же произошли фамилiи Волковыхъ, Медвѣдковыхъ, Еленевыхъ, Лисицыныхъ, присвоеніе каковыхъ фамилій опять же, какъ и присвоеніе нашими предками фамилій Орловыхъ, Воронцовыхъ, указываетъ не на религіозное ихъ происхожденіе, какъ указываетъ Ешгорнъ, но на происхожденіе ихъ отъ служебнаго значенія. Въ особенности Варасаи остались памятными, какъ піонеры

руссификаціи, привлекавшіе своею торговлею своихъ сосѣдей къ союзу съ Руссами; это по ихъ имени получилъ свое названіе саянъ, праздничный женскій нарядъ. Между этими варами получили особенное значеніе и изъ мѣстныхъ туземцевъ Виды, которымъ были предоставлены права свободы, защиты и поручительства на судѣ, такъ что поручительство 7 видовъ или видоковъ отстраняло искъ и варяга, а защита двухъ видовъ представляла право вообще недоказанному иску, а почему у насъ по Витебской губерніи и находятся такія загадочныя названія у поселеній, какъ напр. Миловиды и Жерствовиды бокъ о бокъ съ пос. Видоковъ, Видусовъ и т. д. Изъ всѣхъ варовъ эти виды были осѣдлымъ и прикрѣпленнымъ къ своей землѣ обществомъ, такъ что по ихъ имени Латышъ называетъ вообще и нашу страну и Витебскую землю именемъ Видоземе или Кривоземе, т. е. земля Кривовъ, а равно и писатели VI вѣка, (напр. Іорнандъ) подъ именемъ Видіоваріевъ упоминаютъ о нашей странѣ. Конечно, и городъ Витебскъ получилъ по ихъ имени свое названіе Видобескъ, а въ древности и г. Торопецкъ назывался Кривовидобескомъ.

Объ этихъ варахъ и въ народѣ осталось преданіе, какъ о поручителяхъ,—преданіе, подтверждающее вообще мнѣніе ученыхъ о варягахъ, главною обязанностью которыхъ оказывается, однакожъ, во 1 хъ охота, во 2 хъ охрана торговли, и, въ 3-хъ преимущественная охрана и оборона крѣпостей и границъ. Распоряженіе послѣднимъ дѣломъ было возложено на нихъ, какъ на ветерановъ воинскаго искусства, представители котораго групируются около Стараго Рыкова Двора: Кляпши, Кляссицы, Тавнаги, Стабровка,—филологическое объясненіе которыхъ указываетъ на уничтожителей (klącz), нападателей (klęsam) великихъ тузовъ или бойцевъ (давзенъ—тузать), и грабителей (ztąpor) вмѣстѣ съ Налакарами, Наглями и т. п. Всѣ эти вары были спеціалисты своего дѣла и настолько доказали себя, что и арабскіе писатели XI и XII вѣка, конечно, при описаніи Руссовъ, вторгавшихся въ земли Славянъ, жившихъ по верховьямъ Волги, описывали подвиги этихъ тузовъ, слава которыхъ не умолкала даже и во время образовавшагося уже Русскаго государства, по истеченіи 4-хъ вѣковъ по паденіи варяговъ. И западные писатели повѣствуютъ о грозныхъ нападеніяхъ Васьки и Рога на Прибалтійскихъ поморянъ, такъ что имена Васьки и Рога сдѣлались синонимомъ ужаса.

Подъ именемъ Варяговъ, еще во время Римской Республики, нѣкоторые изъ иноземцевъ, пришедшихъ въ Римъ для пріисканія службы, прославили себя на столько, что подъ именемъ даровъ, Римляне имѣли у себя воиновъ, занимавшихъ видное мѣсто въ обществѣ. Римляне высылали Есендаріевъ и Ковнатовъ на защиту своихъ владѣній въ Галлію, Британію и Паноніо. Въ послѣдней у даровъ были значительными поселеніями Дароцинія и Рударія. Названіе Дароцинія въ настоящее время измѣнилось въ Шацваросъ, т. е. сокровищницу варовъ. Однакожъ между Римлянами имѣли значеніе, кромѣ есендаріевъ и ковнатовъ, т. е. сражавшихся на колесницахъ даровъ, также и Моленда ріи или Метаріи или Метели (пос. Динабургск. уѣзда), т. е. дары, наблюдавшіе границы Римской имперіи. Подъ именемъ „мола“ разумѣли Римляне священную крупу, употреблявшуюся при жертвоприношеніяхъ, тогда какъ подъ словомъ мета разумѣлась граница. Отъ этихъ словъ происходятъ названія поселеній: въ Рѣж. уѣз. Мольниковъ, а въ Динаб. уѣз. Метелей, Нѣтъ сомнѣнія, что Римляне, стремясь имѣть сношенія съ сѣверными народами, направляли своихъ пограничниковъ дароваровъ въ нашу страну, на которой Руссы въ союзѣ съ этими дружинами проникли до Смоленска, который у древнихъ писателей извѣстенъ подъ именемъ Смоленеска, а у Греческихъ подъ именемъ Милиниско, названнаго по имени Смоловъ (оз. Смолово) и Смолянъ, т. е. дружинниковъ, оберегавшихъ границу. Вникая въ хорографію, окружающую Смоленскъ, оказывается, что его территорія едва ли могла быть ареною Римлянъ, но только Руссовъ-Мольниковъ, т. е. дружинниковъ или другалей, изъ которыхъ передовыми являются воронцы съ кулями, сенями, ломами и т. д.; имѣя предводителями Лебовъ (Прилѣпово пос. Красн. уѣзда) и Галолобовъ. Слѣдовательно, названіе Смоленска произошло отнюдь не отъ промысловаго занятія Смольянъ перегонкою смолы и дегтя, какъ многіе изъ историковъ выдаютъ такое свое предположеніе за достовѣрное, но отъ заселенія его дружинниками-Молами, по имени которыхъ находится вышеупомянутое село Мольково или Мольки, а равно также и мѣстныя фамиліи, напр. Смоловскихъ, Осмоловскихъ или старыхъ Смоловъ, и въ Твердилицкомъ повѣтѣ Смолдовскихъ. Послѣдняя фамилія ясно указываетъ на свое происхожденіе отъ Моленда ріевъ. Связь нашей страны съ Смоленскою землею выражается,

кромѣ указанныхъ мѣстностей, еще въ усвоеніи Смольянами слѣдующихъ названій въ ихъ хорографіи, а именно: въ верхнемъ городѣ существуетъ садъ, называемый Оболоньемъ, каковое названіе происходитъ отъ названія отряда даровъ, называвшихся Обольдарами—словомъ, производнымъ отъ obalam нападаю. Названіе южныхъ Смоленскихъ воротъ до сего времени существуетъ подъ именемъ Молоховскихъ отъ μολόχη, что означаетъ растеніе мальву, цвѣтъ которой былъ у Римлянъ въ большемъ употребленіи. *) Это названіе напоминаетъ фамилію Сайбутовъ, произшедшую отъ варяговъ, торговавшихъ саянами, жупанами и сарафанами.

Вникая въ хорографію и геральдику Смоленской страны, составлявшей совмѣстно съ Витебскою землею царство Кощея и Бабы Яги, мы находимъ фамиліи **Бабичевыхъ, Бабинскихъ**, какъ древнія, туземныя для нашей страны, отзывающіяся въ пос. Витеб. г. Бабиновичахъ, Абаблевѣ, Абабкинѣ, Бобошковѣ и др. Въ связи съ этими фамиліями оказывается въ явномъ сочетаніи фамилія Бабарыковъ, что указываетъ на союзъ другалей-Рикалей, предводившихъ Мольками-Смольками, Усачами-Твердилами, Мушками-Москалями, отъ которыхъ и, до настоящаго времени, сохраняются ихъ потомки въ фамиліяхъ **Друцко-Соколинскихъ, Краевскихъ, Рароговъ, Нарбутовъ, Воеводскихъ, Бернацкихъ, Потемкиныхъ, Турчиновъ** и др. фамилій, происхожденіе которыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ дружинному періоду. Существованіе такого рода фамилій указываетъ какъ на значеніе князей, такъ и на культурныя заслуги и значеніе нашихъ древнихъ варяжскихъ дружинъ, и, въ особенности, на значеніе ихъ властителей, управлявшихъ народомъ своимъ при представителяхъ отъ него. На послѣднюю мысль наводитъ этимологическое значеніе **Нецецкихъ**, фамилія которыхъ происходитъ отъ древняго глагола niece возбуждаю огонь милости, а также сіяю, блещу. Строго держась буквы, мы въ своемъ введеніи пословъ Игоря, имѣвшихъ титулъ нети, производили изъ Греческаго языка въ значеніи возбудителя, но, допуская измѣненіе буквы т въ ц,

*) Отъ слова малахъ происходитъ слово малахай, означающее верхнюю одежду. Слово молю сохранилось въ словахъ коцмолю, гризмолю, употребляемыхъ въ смыслѣ красить что нибудь грязно. Отъ слова красить происходитъ названіе одной деревни подъ Твердилицами, называющейся Красильщино и Смол. уѣз. города Краснаго. Отъ слова молъ происходитъ названіе поселенія Городокскаго уѣзда **Аймолковаки.**

мы предполагаемъ, что нети есть производное слово скорѣе отъ піесе, нежели отъ Греческихъ корней, въ чемъ убѣждаемся и изъ титулованія Игоревыхъ пословъ въ текстѣ договора выраженіемъ: „наша свѣтлость“. Равно и производство словъ князь и княгиня мы отстраняемъ отъ корня: cungs, (Латыш. сл.), а производимъ отъ кинегій, на томъ основаніи, что въ Галиціи и въ Венгріи мы встрѣчаемъ поселенія не конези и кунези, а кенезе. Вникая въ понятіе Смольянъ о значеніи этого слова, мы находимъ его въ припѣвѣ хороводныхъ пѣсней: „кто дастъ, (т. е. одаритъ,) тотъ князь, а кто не дастъ, тотъ грязь“, каковое выраженіе, при сопоставленіи его съ сказаніями Смольянъ о скупости царя Кащея, указываетъ на существованіе у нихъ издавна союза съ Руссами-Варягами нашей страны, чѣмъ и объясняется ихъ вѣчное и исконное притязаніе на Двинскую землю, изъ которой они распространяли свои факторіи между Поморскими Славянами, у которыхъ на картѣ Дженкинсона, относящейся къ XVI в. находимъ поселеніе при устьѣ Одера Смоленъ-Словенденъ и въ Норвегіи до сего времени существующее названіе одной изъ областей подъ именемъ Smoland. Мы не отрицаемъ, что слово кунгсъ, можетъ быть, и происходитъ отъ слова куна, но слово князь происходитъ отъ κινήγης, въ каковомъ значеніи и Посейдонъ называется древними поэтами κίνητήρ γῆς и у Гомера (Иліада 1 к. 48 ст.) Аполлонъ названъ κίνηκθής.

Наконецъ, и союзники, пригласившіе нашихъ другалей-Рикковъ къ себѣ въ союзъ, придавали имъ это значеніе, что оказывается изъ другого ихъ титла, которымъ они назывались, а именно сандарами, словомъ производнымъ отъ sono звучу, отвѣчающаго по значенію своему слову Рыкъ или Рычъ, хотя у народа это слово подведено въ этимологическое сродство со словомъ судъ. Всматриваясь въ хорографію нашей страны, мы находимъ нѣсколько ихъ поселеній, тогда какъ собратьевъ ихъ: Пондаровъ, Биндаровъ, Дундаровъ, Вальдаровъ и Кошедаровъ оказывается по одному только поселенію. Подъ именемъ „Benna“ Римляне заимствовали у Галловъ названіе для грузовой телѣги, а въ др. Русскомъ языкѣ подъ словомъ „бандера“ разумѣлся корабельный флагъ. Въ Смоленской губ. подъ словомъ

*) Озеро Нечероде въ нашей странѣ напоминаетъ также нѣтей.

„пуня“ разумѣютъ сѣнной сарай. Мы не рѣшаемся на точное опредѣленіе значенія словъ: Пундары и Биндары. Слово Дундары мы производимъ отъ слова „dona“, сохранившагося въ Польскомъ языкѣ и въ Нѣмецкомъ подъ именемъ „Dohne“, что означаетъ силки для ловли птицъ. Вѣроятно, этимъ именемъ навывались передовые пиповары. Какъ бы то ни было, въ настоящее время только имя сондаровъ осталось въ народномъ употребленіи, измѣняясь постепенно вначалѣ въ осондарь, что съ Венгерской хорографіи означаетъ старшаго сондара, а потомъ съ приложеніемъ слова Гой или Гай, что означаетъ священный, въ государь. Словомъ Гой Лермонтовъ воспользовался въ пѣснѣ про царя Ивана Васильевича и его купца Калашникова. Въ древней хорографіи игралъ замѣчательную роль еще слогъ „ру“, встрѣчаемый нами въ словахъ: Рудоли, Рулавъ, Руградъ, Рударія, Рузары и, наконецъ, въ имени нашего перваго государя Рурикъ. Всякій изъ нашихъ князей, по принятіи Православія, принимая княжеское имя Рурикъ, при крещеніи назывался церковнымъ именемъ Василій, что означаетъ царь. Въ общесравнительной филологіи ученые слогъ „ру“ вообще объясняютъ въ смыслѣ правителя. *)

При объясненіи чужеземныхъ словъ, оказывающихся въ языкѣ древн. Руссовъ, мы большею частью обращались къ Грекамъ, съ которыми наши предки были въ давней связи. Кромѣ вышеизъясненныхъ нами словъ мы уясняемъ изъ Греческаго языка и значеніе слѣдующихъ именъ и названій у поселеній нашей страны, а именно: Махирово оз. Динаб. уѣз. отъ μαχήρα—мечь, Еввули—пос. отъ ἐυ благо βοὐλη совѣтъ, ейсаки отъ σάχος лукъ, Страдополь или Стратополь—отъ στράτος войско, Пелечь отъ πελάτης наемный воинъ, отъ котораго слова происходитъ и названіе Полоцка или Полтеска или Пельтиско, а въ Венгріи пос. Палоты. Затѣмъ названія поселеній: Корубка, Идзеполь, Савлики, Дадки, Ержеполь, межа Эрини, Каницполь заняты, по нашему мнѣнію, отъ Грековъ изъ ихъ миѳическаго культа, а именно: Корубка получила свое названіе отъ корибанта—жреца Реи или Цибеллы, матери боговъ, Идзеполь названъ въ честь Эгиды—богини Паллады, Савлики—почитателей Вакха, Дадки—факело-

*) Происхожденіе именъ князей: Синеуса и Трувора образовалось у перваго изъ словъ: сень щитъ и усъ—засѣка, а у Трувара изъ словъ: „утрую“ отражаю и обороняю, и слова „варъ“.

носцы Канефоры—корзиноносцы при мистеріяхъ, совершавшихся въ честь богини Деметры или Цереры, указавшей людямъ искусство земледѣлія, Ержеполь—городъ богини Геры или Юноны, межа Ерини, Рожаны въ честь фурій и Пустополь въ честь Пустула или Знича—генія домашняго очага. Въ происхожденіе пхъ изъ Греч. языка мы вѣримъ потому, что колонисты нашей страны были большею частью выходцы изъ Иллиріи, въ которую спасся по изгнаніи своемъ изъ Ѳивъ извѣстный просвѣтитель Ѳиванъ Кадмъ. Руководствуясь этимъ основаніемъ, мы объясняемъ и названіе перваго посла Олегова, называвшагося Инигельдомъ отъ словъ ἰς сила, ἄγω веду и альтъ возвышенный, т. е. главный начальникъ воиновъ. Это названіе, вѣроятно, варяги вынесли изъ Византіи, гдѣ они на гиподромахъ славились подъ именемъ дромедаріевъ по свидѣтельству многихъ писателей. *)

Всѣ эти Греческія названія у нашихъ поселеній не противорѣчатъ общимъ народнымъ названіямъ, прилагаемымъ къ нашей странѣ, какъ къ странѣ великановъ, богатырей и просвѣтителей—подъ каковымъ названіемъ слыветъ Рѣжицкій уѣздъ, —прилагаемымъ и какъ къ завѣтной Чудоронинѣ, т. е. Стрѣлецкой землѣ (Ронь—стрѣла), а почему въ ея предѣлахъ и за тѣмъ по Витеб. и Смол. губерніямъ мы встрѣчаемся съ массою поселеній, производныхъ отъ словъ лукъ и стрѣла, и къ болѣе завѣтному названію Святой Землею, оказывающемуся около озеръ Расны и Святаго. Самое верховье Днѣпра въ сказкѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ называется Сарочинскою землею. Въ Лепельск. уѣздѣ находится поселеніе, называемое Сарачинъ, каковое названіе едва ли не производное отъ Сарочинской земли.

Оставляя сличеніе нашей хорографіи со странами, куда проникали наши колонизаторы, мы считаемъ нелишнимъ указать на тѣ фамиліи, которыя получили свое происхожденіе отъ дружинниковъ нашей страны, кромѣ уже указанныхъ нами Воронцовыхъ, Орловыхъ, Галкиныхъ-Враскихъ и др. этого рода. Такимъ образомъ слѣдующія фамиліи мы относимъ къ нашей странѣ, а именно: Блудовыхъ, Людоговскихъ и Лужинскихъ, производныхъ отъ слова луды, Гудовичей отъ слова гудъ, Колычевыхъ, Колачевыхъ

*) Равно какъ имя жены Володиславовича, Игорева посла Сфандра—слово Греческое и означаетъ ткачиху (въ Полоцк. уѣз. поселеніе Ткачихи), а также и Ифандра—жена Рюрика, а сестра Олега, означаетъ съ Греческ. языка, замыслительницу.

отъ коло, Нагихъ отъ наги—великій, Кульневыхъ отъ куля—обращаю, Ордынъ-Нащокиныхъ отъ ардова и ордынки, Галохвастовыхъ, Галолобовыхъ отъ словъ: gala дворъ и отъ словъ fastus и лобъ, Темкиныхъ, Потемкиныхъ (отъ темблакъ), Паниныхъ (отъ панъ), Трубецкихъ отъ пос. Трубино, Кутузовыхъ отъ кути, Раевскихъ отъ рай, Боговитиновыхъ отъ словъ Богъ и видъ, Воеводскихъ, Дохтуровыхъ, Дѣляновыхъ, Чернышевыхъ, Рыковыхъ, Рицковыхъ, Мамоновыхъ, Ушаковыхъ, Усовыхъ, Пассековъ, Пашкевичей (отъ пасъ ремень, поясъ), Морозовыхъ, Лобановыхъ, Кашкаровыхъ, Оболенскихъ, Рыдванскихъ, Ракусовъ, Трамбецкихъ, Чудовскихъ, Людогайскихъ, Масальскихъ, Рославлевыхъ, Галицыныхъ, Градовскихъ, Суворовыхъ (отъ варъ), Уваровыхъ, Чубаровыхъ, Заваруевыхъ, Дорониныхъ, Черскихъ, Павлиныхъ, Нарбутовъ, Свербутовъ, Киренскихъ, Кохановыхъ, и мн. друг. Провидѣнію угодно было въ роковыя минуты нашей страны, призвать на арену борьбы Русскихъ съ своими врагами именно нашихъ родичей. Въ самомъ дѣлѣ, кто не вспомнитъ изъ патріотовъ о незабвенныхъ заслугахъ князей: Григорія Иваповича Темкина, Василія Семеновича Серебрянаго-Оболенскаго, бояръ: Григорія Колычева, Аѳонасія Лаврентьевича Ордынъ-Нащокина, генералъ-губернатора Захара Ивановича Чернышева, подавшаго мысль Екатеринѣ В. о возсоединеніи нашей страны отъ Польши къ Россіи, о подвигахъ князя Александра Васильевича Суворова и, наконецъ, о доблестной борьбѣ Сергѣя Петровича Кульнева съ адскими легіонами Наполеона, такъ достославно положившаго животъ свой на полѣ брани за нашу страну?

Такимъ образомъ Нѣмецкіе историки очень ошибаются, высказывая мнѣніе о несуществованіи культуры въ древнее время въ нашей странѣ и вообще въ Прибалтійской странѣ. Изъ изученія нашей хорографіи мы убѣдились, что культура нашей страны представляется во всеоружіи съ незапамятныхъ временъ. Хотя опредѣленіе дани и податей въ Новгородской странѣ приписывается только Св. Ольгѣ, но это опредѣленіе дани по вервямъ и округамъ было первымъ учрежденіемъ, происходившимъ только изъ княжеской администраціи. Однакожъ, какъ показываютъ названія поселеній нашей страны: Коминово, Головчицы —означающія мѣста опредѣленія даней: подымной или съ комина и дани на вооруженіе или Германскую подать Wehr Geld, распредѣленіе дани уже существовало у насъ, но только на

дружинныхъ началахъ, тогда какъ съ Литовцевъ и вообще прочихъ иноплеменцевъ эта дань состояла въ кунахъ. Съ того времени, какъ Рюрикъ началъ, по смерти своихъ братьевъ, заниматься построеніемъ городовъ и въ слѣдъ затѣмъ организированіемъ полковъ и вообще войскъ, дружины теряютъ прежнее значеніе, уступая мѣсто боярамъ и управленію, основанному на однородномъ дѣленіи земли по округамъ и вервямъ. Какъ мы видѣли изъ договора Игоря, слѣды Даро-Варовъ исчезаютъ, и Великій князь выставляется особою властью съ своимъ особымъ посломъ, заключая миръ съ Греками отъ себя, потому что бояре уже не упоминаютъ о своей свѣтлости, какъ упоминаютъ они о себѣ въ Олеговомъ договорѣ. Изъ всѣхъ прежнихъ варяговъ только одинъ Слуды напоминаетъ о варягахъ, и то являясь только въ роли Неця, т. е. возбудителя огня милости у своего государя. Самое имя варяговъ измѣнилось въ слово бари и потомъ баринъ, такъ что наконецъ и это имя оставляется въ названіяхъ, напр. Пиповаровъ, называющихся просто Пипами (пос. Полоцк. уѣз.) Пондаровъ—Пундами, Обольдаровъ—Оболями, Видіоваріевъ и Смолендаріевъ—Видами и Смолянами и т. д. Собственныя ихъ названія сохранились въ примитивной формѣ только въ нашей странѣ, а по Витебской губ. и Смоленской вмѣсто нихъ оказываются уже ратоборцы, прикрѣпленные къ своей указной мѣстности (Казаново Вит. уѣз.) и служащіе уже не дружинамъ, а общей администраціи, централизирующейся въ городахъ, надъ которыми господствуетъ неограниченная власть государя-князя.

Гдѣ находились предѣлы разселенія варяговъ между Восточными Славянами,—на этотъ вопросъ точныхъ указаній не находимъ ни въ лѣтописи, указывающей вообще на предѣлы Варяжскаго разселенія до предѣловъ колѣна Симова, ни въ хорографіи. Арабскіе писатели указали, что верховья Волги находились во власти Руссовъ, о чемъ можно заключать, находя поселеніе Рикалевъ городокъ въ Невельскомъ уѣздѣ, а на сѣверѣ этого уѣзда пос. Руриковцово. Видя вообще вышеисчисленныя нами хорографическія указанія на даро-варовъ сконцентрировавшимися собственно въ трехъ уѣздахъ Витебской губерніи: Рѣжицкомъ, Люцинскомъ и Динабургскомъ, замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ естественными границами, а именно: съ юга отдѣляющихся отъ Литвы З. Двиною, съ зап. рѣкою Евикштою, Лу-

баньскимъ оз. и Педецомъ, притокомъ Евикшты, а съ востока отдѣляющихся отъ земли Видовъ, начиная отъ Маріенбурга до самой Двины, цѣпью озеръ, которую мы находимъ на картѣ Кромера, относящейся къ XVI в., нужно заключить, что основной барьеръ главныхъ варяговъ со всѣмъ завѣтнымъ ихъ богатствомъ заключался въ этихъ предѣлахъ, хотя, какъ съ южной стороны такъ и съ западной, мы встрѣчаемъ массу поселеній, происхожденіе которыхъ должно отнести къ Варяжскому періоду, напр. въ Лифляндской губ. во времена Генриха Латыша существовали области, называвшіяся Толовою, Торейдою, именами производными отъ словъ: туръ и тулъ; Троки почти до XV в. въ Литовскихъ актахъ называются Warezen-Tracken. Однакожъ восточная граница нашей страны имѣетъ интересъ большаго значенія, соприкасаясь съ землею, собственно Русскою, на которую варяги направляли всѣ свои виды. И, дѣйствительно, вступая въ Себежскій и Дриссенскій уѣзды, мы встрѣчаемся съ знаменательными названіями у поселеній, напр. Озупино и р. Запина—производныя отъ Zapina застежка, Захваты, Прихабы, Борулино, Картенево и бокъ о бокъ съ ними Вылдай съ пос. Опочен. уѣзда Звоны. Отступая отъ р. Синей и Труи, мы около поселенія Невельск. уѣз. Поклады встрѣчаемъ пос. Братилово, отъ котораго находимъ оз. Лебету и пос. Лобово и, здѣсь же, поселенія Долиново, Дальницу и Сѣдлово. Всѣ эти названія воспламеняютъ воображеніе патріота при мысли, что и Іоаннъ Грозный, вступая въ Себежскій уѣздъ, какъ гласитъ преданіе, бросилъ свой перстень въ одинъ изъ Себежскихъ ключей въ ознаменованіе своего обрученія съ этою страною, считая ее колыбелью Руси, послѣ чего направилъ свой путь къ Синеозеру, для нападенія на нашу страну. По этой же чертѣ разбросаны поселенія, называющіяся Видусами, Видоками, Межевидами, Межевицами; отсюда же начинаются и поселенія Княжескаго богатыря Чурилы, а также и другихъ богатырей, какъ то: Святогора, Хотена и др.

Выдѣленіе нашей страны изъ Русской земли необходимо не смотря на то, что она считалась основною Русскою землею: но дружинники ея имѣли право идти и не идти на службу къ Русскому князю, что видно изъ сказокъ о Шюнѣ, о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ. Варяги наши имѣли право искать службы и въ другихъ земляхъ, гдѣ они пользовались большею

свободою и разгуломъ, тогда какъ нѣкоторые изъ нихъ, поступая на службу къ своему государю, должны были отказаться отъ своихъ привычекъ. Такова была участь, напр. Чурилы Пленковича. Такимъ образомъ эпическій циклъ нашихъ богатырей, или, такъ сказать, героическій слагается изъ двухъ категорій, изъ которыхъ одна заключаетъ дружинниковъ, идущихъ на службу въ западныя государства къ Дунскому и Франкскому королямъ, какъ напр. Бова Королевичъ, Еруланъ Лазаревичъ, а другая категорія заключаетъ дружинниковъ, служившихъ собственнымъ князьямъ, сидѣвшимъ въ землѣ Видовъ, Смолковъ и Мушковъ или Москалей и полагавшимъ основы и закладины нашему великому государству. Призваніе и служеніе послѣдняго рода дружинниковъ имѣетъ высшее значеніе для Русскаго гражданина, чѣмъ подвиги богатырей первой категоріи, такъ что имена Святогора, Ильи Муромца въ народныхъ нашихъ сказаніяхъ сливаются съ священнымъ ореоломъ нашего отечественнаго апотеоза. Заслуги Ильи Муромца на столько велики для Русской земли, что въ каждомъ уголкѣ ея извѣстны о немъ легенды, и многія мѣстности стараются приписать происхожденіе и родину его къ своей землѣ, хотя по всѣмъ признакамъ онъ происходитъ также отъ нашихъ дружинниковъ, имѣвшихъ въ Рѣжицкомъ уѣздѣ поселеніе Муромъ и очень любившихъ оканчивать свои прозванія на слогъ ецъ. Выдѣленіе нашей страны изъ Русской земли мы основываемъ еще на извѣстной встрѣчѣ богатыря Сокольника,—сына Латыгорки или Латымірки, тожъ Горынчанки, съ Ильей Муромцемъ, который въ Сокольникѣ признаетъ однакожъ своего сына отъ первой своей жены. О подчиненіи нашей страны Русской землѣ мы заключаемъ изъ этой же сказки, въ которой разсказывается о томъ, какъ Илья Муромецъ сильно разгнѣвался на Сокольника за то, что онъ вошелъ въ его шатеръ безъ его на то позволенія. Въ сказаніяхъ между прочимъ упоминается отдѣльный для нашей страны князь Латырь-Камень. Камень означаетъ въ древне Русскомъ языкѣ межу или границу, что указываетъ на роль нашей страны, въ видѣ сторожевой. Изъ названій у посел. Межевиды, Межегалы, Междѣляны нужно заключить, что пограничные стражники носили нѣсколько названій, соотвѣтствовавшихъ, вѣроятно, своимъ особымъ названіямъ. Однакожъ въ историческомъ отношеніи играютъ большую роль не дѣянія нашихъ варяговъ среди Русской земли, но

пребываніе ихъ за предѣлами ея на западѣ Европы. Судьбу этихъ варяговъ историки впрочемъ игнорируютъ, считая ихъ продуктомъ чужеземной арены, а судьбу Руссовъ считаютъ поглощенною въ ранней культурѣ прочихъ старшихъ Славянскихъ племенъ, какъ напр. Ляховъ и Поляковъ, будто бы заправлявшихъ ихъ дѣятельностью въ доисторическое время, доказательствомъ чего представляютъ забвеніе Руссами своей древней административной и бытовой терминологіи, сохранившейся въ Польскомъ языкѣ. Но, изучая судьбу Руссовъ, яснымъ оказывается, что исторія ихъ существованія и культурной связи съ классическими народами началась еще до появленія на политической аренѣ какъ Поляковъ, такъ и другихъ Славянъ, передовыми вожаками которыхъ они оказываются вездѣ, такъ что въ ихъ дружинахъ нашей страны съ Гурными Башками мы видимъ также и Краклей —выходцевъ Краковскихъ. Сохраняющуюся у Поляковъ бытовую терминологію не Руссы заимствовали отъ Ляховъ, но скорѣе послѣдніе отъ первыхъ, чему доказательствомъ служатъ какъ связь нашихъ предковъ съ Греками на культурной аренѣ, такъ, въ особенности, встрѣча ихъ на политическомъ поприщѣ, въ независимой роли, съ Римлянами, отъ которыхъ они въ добрую минуту умѣли сдѣлать полезныя заимствованія для своего быта, успѣвъ отстраниться отъ нихъ для охраненія своей національности, во время посягательства ихъ на нее, отъ чего не успѣли охраниться Поляки, замкнувшись въ служеніи Латыни и Католицизму.

ГЛАВА II.

Историческія заслуги Варяжской культуры въ классической странѣ и на востокѣ Европы.

Ораторъ Римскій говорилъ
Средь бурь гражданскихъ и тревоги:
Я поздно всталъ, и на дорогѣ
Застигнутъ Рима ночью былъ.
Тютчевъ.

Тары-бары, раздабары!
Снѣги бѣлы выпадали,
Сѣры зайцы выбѣгали,
Охотнички наѣзжали.
. . . . . .
. . . . . .
Ай виль мой, чивиль,
Навель, навелень!
Еще жъ чудо, перво чудо, Чудоронина моя.
Русская народная пѣсня.

Съ тяжкимъ вздохомъ она мнѣ крылатое
бросила слово:
„Какъ-же, мой сынъ, ты живой могъ про-
никнуть въ туманную область ада?“
Изъ Одиссеи Гомера.

Излагая въ предыдущей главѣ культурный составъ хорографіи нашей страны, мы желали доказать изъ него, что предки наши не имѣли никакого родства съ Скиѳскими племенами, описанными у Геродота, Страбона, Секста Емпирика съ бытовыми признаками, принадлежащими и до сего времени вообще Азіятскимъ кочевникамъ. Впрочемъ имя Скиѳовъ у позднѣйшихъ Византійскихъ писателей, напр. XII и XIII в. по Р. Хр.; на столько стало общимъ для всѣхъ нашихъ степныхъ кочевниковъ, что Никифоръ Хоніатъ называетъ даже Кіевлянъ Скиѳами, а съ ними и Паноньцевъ, воевавшихъ съ Іоанномъ Ком-

неномъ въ 1121 г., гдѣ отмѣчаетъ и давнихъ Гунновъ, оставляя однакожъ имя Россовъ для Галичанъ. Вмѣстѣ съ Галичанами имя Россовъ или Россоланъ Греки оставляютъ и для обитателей верховьевъ Днѣпра и Западной Двины. Такое предпочтеніе Греками имени Скиѳовъ для народовъ, принявшихъ въ XII вѣкѣ окончательно Русспфикацію, указываетъ на не умиравшую надежду Грека возвратить когда нибудь себѣ то культурное вліяніе на нашихъ степняковъ, какое имѣли Греки на нихъ во время Геродота. На сколько были честолюбивы притязанія Византійскаго Грека XII вѣка, т. е. временъ Комненовъ, оказывается изъ того, что онъ величалъ себя Римляниномъ, называя западныхъ народовъ вообще Латинами. Впрочемъ обобщенныя названія въ этнографическомъ отношеніи, какъ мы выше видѣли тому примѣры на Персахъ, были вообще въ обычаѣ въ то время, хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли очень не точное значеніе, напр. слово Сарматъ измѣнялось въ Савроматъ, совершенно отличное отъ Сарматъ, производное или отъ σάρμα пещера, или отъ βρι σάρμος вооруженный на колесницѣ, тогда какъ первое названіе означаетъ имѣющаго глаза ящерицы. Примѣненіе и Римскими и Греческими писателями имени Сарматъ опять же оказывается неопредѣленнымъ. Все это ясно указываетъ на то, что Руссы не были подвластнымъ народомъ ни у Римлянъ, ни у Византійцевъ, но они стояли въ близкихъ сношеніяхъ, какъ съ первыми, такъ и съ послѣдними.

Такъ какъ объ этой связи нѣтъ нарочно составленныхъ древними писателями трактатовъ, то, новѣйшіе писатели, пользуясь Норманскою теоріею о происхожденіи Варяговъ-Руссовъ и относя ихъ къ категоріи сѣверныхъ Скандинавскихъ народовъ, стараются выставить ихъ исконными, древними пиратами, которые, будучи недовольны суровою природою бѣднаго сѣвера, стремились съ искони вѣковъ на югъ Европы для истребленія зародышей Европейской цивилизаціи, въ видахъ добычи и грабежа. Такъ историкъ Наполеона I-го и великой арміи 1812 г. Сегюръ, заключая описаніе несчастнаго похода Наполеона I-го на Россію, утѣшается воспомпнаніемъ, что въ этихъ странахъ сокрушилась и сила Римлянъ, направившихся сюда для усмиренія Норманновъ-Руссовъ, угрожавшихъ имъ своими грабежами. Затѣмъ эти Руссы угрожали восточнымъ предѣламъ Карловой монархіи, если бы судьба не отозвала ихъ на арену дѣяній ихъ между Норманами,

оставаясь на которой они отстали отъ Европейцевъ въ военномъ искусствѣ, оставивъ югъ Европы въ покоѣ до Петра В., со времени котораго они, по опрометчивости Европейцевъ, ознакомясь съ этимъ искусствомъ, снова, со времени Екатерины В., вторгаются въ Италію. Для огражденія безопасности послѣдней а также и для отомщенія Русскому народу за паденіе Польши, Наполеонъ I и предпринялъ этотъ гибельный походъ противъ сѣверныхъ варваровъ, намѣреваясь сдѣлаться повелителемъ всей Европы, освободить востокъ отъ невольничества и рабства, умиротворить религіозный фанатизмъ, пролить благодѣянія своей культуры и т. д. Всѣ эти мотивы оказываются и съ исторіею и съ развязкою его предпріятій въ противорѣчіи. Историки Рима повѣствуютъ о враждебныхъ замыслахъ только Галловъ, Кимвровъ, Тевтоновъ, Готовъ, Свевовъ, Фризовъ и Бритовъ, умалчивая о Руссахъ, варяги которыхъ являлись въ Римъ, какъ союзники на службу, соразділяя съ Римлянами усмиреніе враговъ имперіи, опорою которой они выступаютъ особенно въ III в. по Р. Хр., содержа военные посты у этихъ народовъ. Однакожъ значеніе ихъ въ Римѣ опредѣлилось еще въ послѣдніе дни республики, когда, по мѣткому выраженію нашего поэта, гражданскія бури и тревоги, не смотря на всѣ усилія ея великихъ патріотовъ, напр. Цицерона, Катона, Аттика и др. грозили революціею вѣчному городу,—и не при помощи ли ихъ основалась даже Римская имперія? По крайней мѣрѣ, основаніе Константиномъ В. Византійской имперіи при помощи даро-варовъ оказывается не сомнѣннымъ. Это значеніе они пріобрѣли не грабежами и насиліемъ, но составляя передовое общество въ Римскомъ государствѣ. Имѣя свою прочную культуру, они однакожъ не могли слиться ни съ Римомъ, ни съ Византіею, и отступили къ сѣверу, сконцентрировавшись не на сѣверѣ между Норманами, а на востокѣ Европы. Борьба съ Монголами заставила ихъ на время терпѣть своеволіе отъ своихъ западныхъ сосѣдей, которые послѣ первой нашей побѣды надъ Азіатцами, еще до Петра В. уже при Іоаннѣ Грозномъ должны были отказаться отъ грабежей въ нашихъ земляхъ. Съ того времени Руссы снова вступаютъ въ прежнюю свою роль, завѣщанную имъ Римомъ,—но въ роль не грабителей, а умиротворителей своихъ западныхъ сосѣдей. Между тѣмъ прославляемые Сегюромъ его соотечественники цивилизаторы въ этомъ позорномъ нашествіи на Россію въ 1812 г. ока-

зываются, не смотря на всѣ его старанія замаскировать ихъ преступныя дѣянія, сами и фанатиками, и грабителями, и врагами цивилизаціи. Хотя произведеніе Сегюра пользуется въ ученомъ мірѣ авторитетомъ, но мы, изслѣдуя на мѣстѣ излагаемыя въ немъ событія, зная основу ихъ и развитіе отъ самыхъ очевидцевъ и принадлежа по происхожденію къ семействамъ, сдѣлавшимся жертвами этой борьбы, ищемъ истины дѣла и видимъ извращеніе ея и въ подборѣ данныхъ, и въ самой идеѣ, и въ развязкѣ разсказа и не вѣримъ этому дѣтищу современной музы. *) Оно стремится вызвать состраданіе къ потерѣ грабителями своей добычи изъ окоченѣлыхъ своихъ рукъ, а между тѣмъ опускаетъ изъ вниманія слѣды ихъ вѣковыхъ разрушеній, судьбу тысячи семействъ, лишившихся при этой борьбѣ на всегда своего благосостоянія изъ за одного желанія дерзкаго завоевателя измѣнить скромную культуру востока на процвѣтающую западную цивилизацію!.. Если такъ очевидно искажается истина въ глазахъ ближайшихъ свидѣтелей, чего же ожидать отъ такой музы при изложеніи отдаленныхъ событій? Понятно, почему судьба нашихъ предковъ остается не только забытою, но оказывается еще извращенною въ трибуналѣ западной литературы. Однакожъ масса хорографическихъ и письменныхъ памятниковъ обличаетъ эту ложь во очію, такъ какъ, во 1-хъ, ареною дѣяній нашихъ предковъ служилъ не сѣверъ, а востокъ Европы, а, во 2-хъ, Руссы никогда не были грабителями Рима, а сподвижниками его при основаніи имъ Европейской цивилизаціи.

Убѣждаясь въ связи нашей страны съ древними Греками

---

*) Мать моя родилась преждевременно, вслѣдствіе испуга ея больной матери, заслышавшей раздавшійся гулъ осады Смоленска Французами 5 Августа 1812 г. Дѣдушка мой спѣшилъ укрыться въ лѣса, при приближеніи непріятеля, съ своими малолѣтними дѣтьми, но былъ застигнутъ на пути и ограбленъ мародерами до послѣдней сорочки. Ворвавшіеся Французы въ село схватили оставшагося тамъ священника для наблюденія за церковью и, когда онъ не соглашался выдать имъ ключи отъ церковной кладовой, то враги привязали его къ хвосту лошади и выпустили ее въ поле, которую однакожъ казаки поймали и освободили ея жертву отъ мученичества. Битва при г. Валутиной, на Вонохонскомъ болотѣ, и при дер. Слѣпневой, происшедшая въ 5-ти верстъ отъ нашего села, 7 Августа по взятіи Французами Смоленска, есть одна изъ замѣчательныхъ въ исторіи битвъ по своему ожесточенному бою и по своимъ послѣдствіямъ, сдержавшая стремленіе Французовъ, благодаря геройству ген. М. Воронцова.

въ особенности при Александрѣ Македонскомъ, воздвигшемъ свои жертвенники при верховьяхъ Волги, какъ о томъ свидѣтельствуетъ географъ II в. по Р. Хр. Птоломей, мы находимъ еще болѣе ясные и очевидные слѣды пребыванія Римлянъ у насъ. Открытіе этихъ слѣдовъ небезъинтересно въ научномъ отношеніи. Слѣды эти оказываются въ массѣ хорографическихъ названій, получившихъ свое происхожденіе несомнѣнно отъ Римскихъ колонистовъ, оставившихъ свои Латинскія названія. Вникая въ разнородное значеніе этихъ названій, обличающихъ какъ военныхъ колонистовъ, такъ и промысловой классъ негоціантовъ, необходимо приходится заключить о сильномъ приливѣ Римской колонизаціи въ нашу страну. Такимъ образомъ мы находимъ у насъ слѣдующія Латинскія названія: Арманы, т. е. оруженосцы; Савлики, т. е. молодцы; Кейчи, Кудейчи, т. е. воины; Арканы—засадные; Кудка и Кудепь отъ слова cudo шлемъ; Румны, Румпли—врѣзывающіеся; Опуги—отражающіе; Румны или Римляне, Коссали—покрытые шлемами; Вакальма и Воцаны—принадлежавшіе къ гарнистамъ; Ляборопы—труженники; оз. Сальва—означающее мѣсто военнаго управленія; Ляпоры, Юрши, Курцаны, Краславка, Шпаки—слова также Латинскаго происхожденія. Между этими поселеніями находятся поселенія и съ названіями религіознаго пропсхожденія, напр. Яноволь (Janus—божество мира), Гаваръ—священное мѣсто, Луковъ—отъ Lucus—священная дубрава. Поселенія эти явились въ нашей странѣ не вдругъ, а постепенно, какъ покаываетъ названіе поселеній: Муканы и Авуканы,—названіе, имѣющее такой же смыслъ и въ Латинскомъ языкѣ, какъ и въ нашемъ языкѣ. Что эти названія Латинскія—на то указываютъ названія поселеній: Румны, Римшанъ и Муромъ. Названія нашихъ озеръ и нѣкоторыхъ урочищъ Лубанями, Либанями, вѣроятно, одного происхожденія съ названіемъ такимъ же, встрѣчающимся въ Трансильваніи. Едва ли также не получили отъ этого періода времени многія наши Русскія фамиліи, а именно: Сабуровы, Коссовы, Дукшты и др. Названія нѣкоторыхъ поселеній заимствованы отъ именъ Императоровъ, напр. три Августова, Бальбиново, Юліяново, Трояново, Константиновы, Еленполь, Валентпта, Марціанополь или отъ историческихъ лицъ, наприм. Сильвестрово, Мамополь и др. Нѣкоторыя названія у поселеній заимствованы также отъ названій Италіанскихъ городовъ, напр.

Брексинка (Брекчія, а въ древности Брексія), Пердзія—въ Италіи Перуджія, называвшаяся въ древности Пердсія, Ляудеръ, —отвѣчающее Италіанскому Лоди, Астичи, Лаборони, Брокомы. Затѣмъ на пребываніе у насъ Римлянъ указываетъ Римская нумизматика, такъ часто находимая у насъ вмѣстѣ съ прочими древностями. Вникая въ составъ нашихъ сказокъ, мы встрѣчаемся съ богатырями дюками, каковое названіе безъ сомнѣнія происходитъ отъ Латинскаго dux, и эти богатыри не мѣстнаго, роднаго происхожденія, но выходцы изъ Паноніи и Галиціи, какъ напр. Дюкъ Степановичъ. Сказки ясно указываютъ на похожденія нашихъ богатырей въ отдаленныхъ южныхъ странахъ, изъ которыхъ явную роль играетъ Италія. Въ справедливости этого нашего вывода убѣждаемся изъ пѣсни, поставленной эпиграфомъ этой главы,—всякому Русскому хорошо извѣстной по аллегорическому ея складу и начинающейся словами: „Во полѣ березонька стояла“, гдѣ слова: „виль, чивиль и навелъ—навелекъ“ безъ сомнѣнія, взяты изъ Латинскаго языка и указываютъ на связь нашихъ таровъ и баровъ или варяговъ съ древнимъ Римомъ. Слова: „виль и чивиль“ означаютъ гражданина, а слова: „навель, навелекъ“ происходятъ отъ слова: „navis“ корабль. *) Слова эти на столько были извѣстны нашимъ предкамъ, что обратились въ присловье. Что они были извѣстны Русскому человѣку, то мы находимъ у насъ массу мѣстныхъ хорографическихъ названій, производныхъ отъ нихъ, а именно: Еленорвиль, Беневиль, Вилямуйжа, Антовиль, Яновиль, Текловиль; отъ слова чивиль—названіе поселенія Невельскаго уѣзда Цивилево; отъ слова Навель—поселеніе Лепельскаго уѣзда Навлицы, Наволоки, и др. под. названія. Что же за причина, что Римскіе историки упорно умалчиваютъ о нашей странѣ? Причины эти заключаются въ дружелюбной зависимости нашихъ предковъ отъ Римлянъ, съ которыми, будучи въ тѣсныхъ сношеніяхъ и союзѣ, вербовались сами наши предки въ ихъ легіоны, варяжскія дружины и рати, и дозволяли имъ селиться не только въ нашей странѣ, но и на Литвѣ, что видимъ изъ названія Литовской столицы Вильны и другихъ поселеній, окружающихъ Вильну и называющихся производными именами отъ слова: „villa“, какъ то: Ви-

*) Мы думаемъ, что подъ словами: „Виль и Навель“, авторъ пѣсни разумѣлъ „Вильну и Невель“. Невель въ лѣтописяхъ иногда называется Навля.

ляны, двѣ Вилейки и т. д. Въ этомъ мы убѣдимся изъ историческихъ отношеній Руссовъ къ Риму, въ которыхъ наша страна принимала ближайшее участіе. *)

Въ составѣ Римской милиціи, на аренахъ въ циркѣ, а также при завѣдываніи почтовою службою и иноземными сношеніями въ Римѣ, задолго до временъ Имперіи, дѣлаются извѣстными даровары, или варадары или таробары, подраздѣлявшіеся на ессендаріевъ, т. е. сражающихся съ непріятелемъ съ колесницъ, ковиновъ или ковнатовъ, такого же рода бойцевъ, какъ и ессендаріи и, наконецъ, вередаріевъ, т. е. почтовыхъ чиновниковъ. Этотъ разрядъ служащихъ былъ пришлый элементъ въ Римѣ со временъ покоренія Греціи Риму, а почему объ немъ и не находимъ у Римскихъ историковъ свѣдѣній, равно и названіе даро-вары—необъяснимо изъ Латинскаго языка. Происхожденіе и этимомогію словъ: ессендарій, ковинъ или ковнатъ, бендарій и вередарій объясняютъ Нѣмецкіе ученые изъ Кельтскаго языка, но эта ихъ ошибка подобна указанной нами ихъ ошибкѣ, при производствѣ Русскихъ фамилій: Барановыхъ, Воронцовыхъ, Орловыхъ и т. д. Всѣ эти названія пришли въ Римъ изъ Славоніи, имѣющей главнымъ городомъ Ессекъ, а у насъ мы находимъ въ Люц. и Лепел. уѣздахъ Эськовщину и Ессенмуйже. Латыши до сего времени называютъ барина Эськи. Слово „Эськи“ въ М. Азіи означаетъ старшій и составляетъ остатокъ отъ жившей тамъ Славетчины. Слово: „ковинъ“ служитъ корнемъ для малыхъ поселеній въ Панноніи на Литвѣ и въ нашей странѣ, и отъ него происходитъ названіе г. Ковны. Слово вара въ Старорусскомъ языкѣ означало вообще караулъ, поруку. Видя въ нашемъ эпиграфѣ тѣсное сопоставленіе словъ: „тары-бары или даровары“ со словомъ: „чивиль“, необходимо спросить у Римлянъ, что значитъ слово: „чивиль“? Цицеронъ (въ Top. c. 2) говоритъ: „ius civile est aequitas, constituta iis, qui eiusdem civitatis sunt, ad res suas obtinendas“, т. е. цивильное

*) При объясненіи связи нашей страны съ древнимъ Римомъ мы опустили археологическія доказательства, состоящія въ нумизматическихъ предметахъ, оставшихся отъ временъ Римскихъ императоровъ, находимыхъ въ нашей странѣ и на Литвѣ, а равно и прочихъ памятниковъ, сооруженныхъ въ этомъ періодѣ времени, начинающихся въ Ливоніи отъ Ашерадена и Маріенбурга и встрѣчающихся на Подолѣ, какихъ памятниковъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ еще. Они, безъ сомнѣнія, принадлежатъ варягамъ и не могутъ быть продуктомъ короткаго періода времени, какъ напр. подземные ходы подъ Вильною къ Трокамъ и въ другихъ мѣстахъ, а равно и прочіе курганы и земляные валы.

право установлено для тѣхъ, которые принадлежатъ къ тому же городу, и заключается въ правѣ полученія или владѣнія своимъ имѣніемъ. Въ томъ же заключалась и обязанность варяга. Варяги еще во время Римской республики стояли въ близкой связи съ оптиматами, и у Цицерона мы находимъ свѣдѣніе объ ессендаріяхъ: „tu, qui aliis cavere didicisti, cave, ne abessendariis decipiare, т. е. ты, который научился осторожности у другихъ, опасайся, чтобы не быть обманутымъ ессендаріями“. Эти слова Цицерона относятся къ Аттику, первому оптимату въ Римѣ, отличавшемуся обширною ученостью. (Cic. Ad div. 7, b). Во время возгорѣвшейся междоусобной войны между Ю. Цезаремъ и Великимъ Помпеемъ даровары оказываются сторонниками Помпея, т. е. изъ Галло—Греціи, вѣроятно изъ Галиціи какой то Таркендарій Касторъ прибылъ съ 300 своихъ воиновъ въ Ѳессалію на помощь къ Помпею. Извѣстна плачевная судьба Помпея подъ Фарсаломъ. Ю. Цезарь въ своей исторіи объ этой войнѣ говоритъ подробно о пораженіи Либонія Скрибонія, одного изъ главныхъ наварховъ (вицеадмирала) Помпея, но умалчиваетъ, куда онъ прогналъ Либонія, а также ничего не говоритъ и о судьбѣ Таркондарія Кастора. Откуда пришелъ этотъ Таркондарій? Въ Паноніи мы находимъ рѣку Латарчу или Тарочу, притокъ Тиссы; по имени Тарчи (что означало щитъ) находится и теперь при Тиссѣ пос. Тарчалъ, а въ нашей странѣ пос. Тарчилъ. Извѣстно значеніе слова въ Русскомъ языкѣ Потороча, и по этому значенію можно сдѣлать заключеніе о прошломъ значеніи Тарчей, имѣвшихъ тѣсную связь съ нашею страною, какъ и другихъ дароваровъ, называвшихся Тарантолами, по имени которыхъ существуетъ названіе округа въ Венгріи и у насъ названіе поселенія подъ Люцином Рантолки, измѣненной Нѣмцами и Поляками въ Рунтортъ.

Оставляя Панонію мы обратимся къ вопросу о происхожденіи страннаго названія Лпвоніи, чуждаго Славетчинѣ, поселенія Динабургскаго уѣзда „Скрипайны“,—нынѣшнихъ Крейпанъ, и о происхожденіи названія у оз. Лубаней? Ясно, что проскриптъ Ю. Цезаря Либоній Скрибоній бѣжалъ къ намъ, и отсюда, по смерти Ю. Цезаря, подалъ помощь сыну Помпея Сексту, который, чтобъ разъединить Октавія отъ его союзниковъ, женилъ его на Скрибоніи. Изъ этихъ данныхъ и объясняется указаніе Іоанна Грознаго на родственную связь его

предковъ съ домомъ Августа: вѣроятно, который нибудь изъ членовъ Либонія семьи вступилъ въ родство съ какимъ нибудь Государемъ нашей страны. *) Императоръ Августъ стоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нашею страною, какъ показываютъ излюбленныя имъ названія для своихъ колоній, украшающія наши пос. Ляудеръ, Ляборони, Пацынь и Астичи. При Дворѣ высокаго Тиверія Руссы имѣли господствующее значеніе, что оказывается изъ положенія Макра при Тиверіи. По имени Макра мы находимъ поселеніе въ Панонiи въ округѣ Мармаросѣ. Вообще Панонцы имѣли сильное вліяніе даже на избраніе императоровъ, а именно: Флавіи, Септимій Северъ, Провъ, Клавдій, Іовіанъ, Авреліанъ, Валентиніанъ были возведены на престолъ Панонцами, и нѣкоторые изъ этихъ императоровъ были уроженцами Панонiи. Возмущеніе Панонцевъ было страшно для имперіи, такъ что и славный Траянъ едва могъ успокоить Роксолянъ, и въ память этой побѣды и поставлены въ Ватиканской библіотекѣ предъ его статуею статуи Дареса и Энтелеса. **) Въ 166 г. Роксоланы снова возмутились, такъ что усмиряя ихъ, императоръ Маркъ Аврелій и кончилъ свою жизнь въ Панонiи. Съ этого времени Римъ и сенатъ опасаются затрогивать Панонцевъ, которые, посадивъ на престолъ Клавдія Далмата, дали въ немъ имперіи родоначальника славной династіи Константина Великаго. Въ это время, т. е. въ началѣ IV вѣка, вередарiи такъ усилились въ имперіи, что сдѣлались для нея грозою, и Константинъ В. вынужденъ былъ съ особеннымъ вниманіемъ заняться устройствомъ и опредѣленіемъ ихъ быта, а почему мы и обратимся къ быту даро-варовъ.

*) Связь Ливонiи съ Руссами оказывается въ названіяхъ по его имени многихъ мѣстностей Руссами въ видѣ Лубаней, каковыя названія мы также находимъ въ Смоленск. губ. и подъ Твердилицами. Самое имя г. Дриссы Вит. губ, называвшейся Друссою въ прежнее время, указываетъ на происхожденіе этого имени отъ имени Либонія—Друзъ.

**) Въ исторіяхъ говорится вообще, что Траянъ былъ покоритель Дакіи, т. е. Трансильвании и нѣкоторыхъ смежныхъ областей. Какія это были области—опредѣлить трудно. Принятіе Руссами имени Траяна въ свой культъ, названіе поселенія Троянополемъ подъ Вильною и вышеупомянутая статуя Ватиканскаго палаца указываютъ въ связи съ поселеніемъ Полоцк. уѣз. Трояновымъ или Володьковымъ на близкое участіе нашихъ Руссовъ въ этихъ событіяхъ. Едва ли Дакія не была Траяновой наградою имъ за подвиги ихъ при усмиреніи Даковъ и другихъ племень, какъ увидимъ ниже изъ заявленія на нее Іоанна Грознаго предъ Баторіемъ.

Главнымъ сборнымъ пунктомъ даро-варовъ была Панонія, гдѣ оказывается масса поселеній, названія которыхъ производныя или отъ даръ или отъ варъ. Но ихъ поселенія разбросаны почти по всѣмъ краямъ Римской имперіи. Коноводами всей этой колонизаціи даро-варовъ оказываются Руссы, какъ въ Галліи, Британіи, такъ и въ Африкѣ и въ Азіи. Минуя эти колоніи, или, лучше сказать, станицы, мы обратимъ вниманіе на устройство варяговъ, болѣе сильныхъ. Колоніи варяговъ этого рода мы находимъ на трехъ пунктахъ: въ нашей странѣ, на Литвѣ и въ Трансильваніи. Во всѣхъ этихъ станицахъ главными городами ихъ были Луды, расположенныя на крутыхъ холмахъ съ крѣпостями, окруженными и естественными преградами: озерами или рѣками, и искуственными, построеніе которыхъ требовало исполинской силы. Около Русской Луды находятся громадные валы, и, по направленію къ Полоцку, устроенъ валъ, служившій засѣкою. Метрополіею между этими Лудами оказывается Русская, основавшая на р. Лудусулуѣ въ Транс. колоніи; по имени Сулуй у насъ находится два поселенія: Сулуйоны и Посулуйоны. Въ Панонькой Варягіи мы находимъ одноименныя поселенія съ нашими: Себежъ, Покшаны, Сарканы и др., что указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что эти Варягіи состояли подъ одною высшею властью. Кто же былъ владѣльцемъ обѣихъ или всѣхъ Лудъ, на то указалъ Ст. Баторію, нашъ государь Іоаннъ Грозный, назвавъ его своимъ голдовникомъ по вотчинной его землѣ,— (Въ нашей странѣ находится поселеніе Голдины,) что, разумѣется, очень оскорбило Ст. Баторія Въ Литовской Варягіи, кромѣ указанныхъ нами городовъ: Луды или Луды и Вильны были замѣчательны: Varezen-Traken или нынѣшнія Троки, Кошедары, Кейданы, (Одни писатели говорятъ, что Кейданы основаны Каемъ Калигулой, но слово Кейданы означетъ прямо оковы, цѣпи въ родѣ кунь), Ушманы или Ошмяны, Солки подъ Лидою и много др. Здѣсь нужно отмѣтить замѣчательное поселеніе, имѣющее названіе Араны или Ораны, происходящее отъ Трансильванскихъ Аранъ. Подъ всѣми Лудами устроены громадные валы, изъ которыхъ вели въ поле подземные ходы. Между Троками и Вильною, находящимися на разстояніи другъ отъ друга на 25 верстъ, находится подземный ходъ, каковой существовалъ и между Вильною и Вилейкою на протяженіи 7 верстъ. Построеніе этихъ исполинскихъ сооруженій нѣкоторые приписываютъ

Гедемину или Витольду, но у этихъ Литовскихъ героевъ ни времени, ни средствъ не доставало для построенія и тысячной доли этихъ чудесъ. Всѣ эти Луды окружены поселеніями ремесленнаго характера, напр. Русская имѣетъ поселенія: Кушнеры, т. е. шапошники, Гарбары, т. е. кожемятники, Полиши, Мастеры и др. По краямъ страны разбросаны поселенія даро-варовъ. Въ III и IV в. въ Паноніи были цвѣтущими городами Нитры и Сирмія, названія которыхъ перешли и къ нашимъ поселеніямъ.

Въ ближайшемъ сродствѣ Трансильванской хорографіи съ хорографіею нашей страны убѣждаетъ формація нѣкоторыхъ названій, встрѣчающихся въ нашей странѣ и оканчивающихся на ени, напр. Медени, Селени, каковыя названія находимъ и въ Трансильванскихъ названіяхъ, напр. Берени, Герени и т. д. Въ Трансильваніи находимъ также названія у пос. Писки, находящагося возлѣ развалинъ Зармигетузы, б. столицы Дерсебаля, короля Дакіи, побѣжденнаго Трояномъ въ 103 г., послѣ каковой катастрофы Дакія и была отдана подъ управленіе Роксоланамъ, которымъ имперія платила за то жалованье, а почему въ составѣ Трансильванской хорографіи мы находимъ и Туровъ (Торда), и Колачей (Клаузебургъ). На с. Трансильваніи находимъ Деесъ Акну и Тергу Акну, вѣроятно, почтовыя станціи. Затѣмъ мы находимъ тамъ же Альзокоссали, т. е. старые коссали, на в. Чиковъ, на р. Бойцевъ и Ушей. Внутри страны между Турами и Колачами находимъ Чачарей, т. е. цесарцевъ, названіе, производное отъ цесарь, отъ котораго происходитъ и названіе цесаревичъ, а бокъ о бокъ находимъ съ ними Кулей и Козовъ. Дѣйствительно, вступая въ Трансильванію Римляне и въ ней, какъ и въ нашей странѣ, вводили прежде всего культъ своего божества войны Марса и божества первой культуры Цибеллы, что оказывается изъ названій Трансильванскихъ поселеній: Мартонъ (въ пров. Берегъ) и Идексъ (пос. Транс.). Названіе перваго поселенія очевидно произошло отъ имени Марса, а названіе Идексъ есть производное отъ эпитета Цибеллы—Идеи, приданнаго ей по мѣсту ея главнаго святилища. Въ нашей странѣ мы находимъ названіе пос. въ Рѣжицк. уѣз. Идидаки невдали упомянутаго нами въ I-й гл. поселенія Корубка, тоже въ Рѣжицк. уѣз. и въ честь Марса пос. Марзинка въ Люц. уѣз. Основаніе этихъ святилищъ въ новопокоренныхъ земляхъ у Римлянъ въ честь этихъ божествъ было въ обычаѣ, въ особенности въ честь Цибеллы

которую они почитали основательницею культуры, матерью и доброю богинею, установительницею чистоты и нравовъ. Почитаніе Цибеллы напоминаютъ названія поселеній и въ нашей странѣ и въ Паноніи Михалинами или Мигалиновыми по имени Цибеллы-Мегаленской, подъ которымъ именемъ она была почитаема у Римлянъ. Они установляли также культъ Януса—бога мира, по имени котораго мы находимъ массу поселеній въ нашей странѣ бокъ о бокъ съ поселеніями, носящими въ честь Августа императора, напр. Яноволь, Яново возлѣ Астичей и Пацыни (излюбленныхъ Августомъ названій для своихъ колоній). Принятіе Руссами чужеземнаго культа не означаетъ отсутствія у нихъ своего самобытнаго культа, изученіе котораго проливаетъ свѣтъ на судьбу нашихъ предковъ. Мы видѣли поселенія, основанныя въ честь Дальбуга, національнаго божества Руссовъ, у насъ, каковыя поселенія находимъ и въ Австр. Военной границѣ, какъ то: Даллію и Доллову, корень названія котораго божества скрывается или въ вышеупомянутомъ нами Греческомъ словѣ или въ Латинскомъ dolon означающаго малый парусъ на передовой части корабля. Объясненіе словъ: Дальница, Долинова отъ dolon парусъ, согласуется съ общимъ характеромъ содержанія Бѣлорусскихъ и Литовскихъ народныхъ пѣсней, предметомъ которыхъ оказываются парусы и уходящіе на промыслы въ море наши рыцари. Отъ чего это загадочное имя происходитъ для многихъ покажется отжившимъ интересомъ, но не для людей науки и для патріотовъ, а потому мы считаемъ необходимымъ войти съ попытками изъясненія прочаго Русскаго Одеона, которое объясненіе и оправдываетъ наше предположеніе о происхожденіи слова Долиново. Хотя вообще признаютъ единственнымъ и главнымъ божествомъ древняго языческаго Русскаго мира Перуна, какъ бога громовъ и молніи, однакожъ въ своемъ повѣствованіи de sacrifitiis et idolatria древнихъ Боруссовъ, Ливонцевъ и другихъ сосѣднихъ націй, Менецій перечисляетъ слѣдующія Русскія божества, а именно: Occopirnum—бога земли и неба, Антримпа бога моря, Gardaeten—бога мореходцевъ, каковымъ у Римлянъ обыкновенно былъ Портунъ, Потримпа—бога рѣкъ и источниковъ, Пильвита—бога богатствъ, котораго Римляне называютъ Плутосомъ, Pergrubium—бога весны, Паргна—бога громовъ и бурь, Pocclum—бога преисподней и темноты, Poccolum—бога воздушныхъ духовъ (spirituum), Putscaetum—

защитника священныхъ рощей, Auscautum—бога неприкосновенности и здоровья, Маркопола—бога вельможъ и дворянъ и Barstuccos, называемыхъ по Германски подземными богами. Въ такомъ порядкѣ жрецъ Судиновъ и Бѣлоруссовъ, при открытіи зажинковъ и ожинковъ, перечислялъ нашихъ боговъ въ своихъ молитвахъ и при жертвоприношеніяхъ, состоявшихъ въ закланіи козла. Какъ оказывается, Паргинъ, по Латыш. Паркунсъ или Русскій Перкунъ, занималъ далеко не 1-е мѣсто. Вникая въ составъ Русской Геогоніи, мы находимъ, что начало деистическаго Русскаго міровозрѣнія происходило прежде всего изъ почитанія божествъ, покровительствовавшихъ народу во внѣшней его промысловой дѣятельности подъ защитою Гардоэта, направлявшаго путь мореходцевъ въ областяхъ Антримпа и Потримпа—божествъ моря и рѣкъ, и отвѣчавшаго по своему значенію нашему божеству Долю. Значеніе слова „Гардоэтъ“ объясняется только изъ Латинскаго языка производствомъ его отъ словъ: „cardo“ означающаго границу и „etesias“ попутный сѣверный вѣтеръ. *) Съ нимъ въ связи стоитъ Пильвитъ, приносящій богатства, названіе котораго также происходитъ отъ слова pilus волосъ; такъ что и до сего времени хранится повѣріе въ народѣ, что человѣкъ, покрытый волосами, долженъ быть богатымъ. Во главѣ этого сонма боговъ находится Окконирнъ, названіе котораго едва ли не происходитъ отъ извѣстнаго уже намъ слова окносъ и Греческаго слова πῦρ огонь, что означаетъ божество свѣта и теплоты. Изъ обрученія божества теплоты съ божествомъ морей—Потримпомъ, открывавшагося съ наступленіемъ весны, олицетворенной въ б. Перегрубіи (производ. отъ ver весна и grus журавль), проистекала судьба Русса. До сего времени въ нашей странѣ сохраняется обычай въ народѣ встрѣчи весны жженіемъ въ полѣ въ продолженіи цѣлой ночи костровъ. Затѣмъ, призывая Потримпа, народъ гадаетъ о своей судьбѣ по формамъ воска, вылитаго въ воду въ растопленномъ видѣ. Однакожъ міроправленіе, по понятію нашихъ предковъ, состояло въ апотеозѣ главныхъ трехъ міровыхъ силъ, властвующихъ надъ цѣлою

*) Въ значеніи Гардоэта у Римлянъ существовалъ культъ божества Кардинеи или Карны. Отъ послѣдняго ея имени, вѣроятно, происходятъ названія нашихъ поселеній Карнополя и Карнолина, значеніе которыхъ мы также показывали въ видѣ гарнистовъ. Этому божеству Брутъ воздвигъ храмъ по основаніи республики. Основаніе Себежскихъ Дальницъ не принадлежитъ ли Рюрику —основателю нашего государства?

жизнью міра, изъ которыхъ главною силою является Паркунъ (оз. Паркуново Люц. уѣз.) Громовержецъ, стоящій въ связи съ Поколомъ—б воздушныхъ силъ, власть котораго покрывается значеніемъ Паркуна, какъ у Грековъ власть Геры, богини воздуха, покрывается значеніемъ ея могущественнаго супруга Зевеса, и съ божествомъ подземнаго царства Покломъ, отвѣчающимъ Плутону. Въ помощь къ этимъ міроправителямъ въ Русской Θеогоніи приданы три божества: Пущетъ—б. охраняющее священныя таинственныя чащи, въ которыхъ совершались языческія богослуженія,—Маркополъ—б. вельможъ и сильныхъ въ мірѣ, и Аускавтъ, охранитель отъ болѣзней и несчастій. Чтобы заручиться защитой отъ произвола владыкъ, народъ молился Пущету, чтобы онъ посылалъ къ нему на защиту барстуковъ, для привлеченія которыхъ на охрану своихъ домовъ народъ приносилъ имъ остатки своей пищи. Имя барстукъ едва ли не происходитъ отъ словъ: styx, которымъ именемъ называлась у Римлянъ рѣка Ада, и purus—свѣтлый, красный, тогда какъ имя Путсцета не происходитъ ли отъ Pythius—священный и caesius страшный. Впрочемъ Барстуки у насъ извѣстны и на Литвѣ прямо подъ имен. Марчулокъ, т. е. пугалъ. Подъ видомъ домовыхъ у насъ были почитаемы также колтки или Германскіе кобольты, частію дружественные для человѣка, а иногда и враждебные. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Перуна во внутреннихъ Русскихъ земляхъ было въ преимущественномъ почитаніи, но въ нашей странѣ и у Прибалтійскихъ Руссовъ были въ большемъ значеніи морскія божества, сонмъ которыхъ дополнялся почитаніемъ Матуты и Цимотои, по именамъ которыхъ находимъ у насъ поселенія: Матули и Цимото. Это были богини,—покровительницы мореходцевъ. Слѣдовательно, вопреки мнѣнію Руссофобовъ о туманности языческаго нашего одеона, горизонтъ его оказывается довольно сложнымъ, хотя и не на столько развитымъ, какъ Греческій. Мы, напр. не находимъ у насъ туземныхъ богинь, кромѣ чужеземныхъ, что указываетъ на порабощеніе у насъ женщины. Этотъ фактъ оказывается въ существованіи въ Трансильваніи посел. Балавасары, а у насъ Балинова и Бальниковъ, что означало рынки женщинъ, изъ чего объясняется существовавшій у насъ обычай увода невѣстъ, остающійся и до сего времени въ силѣ у нашихъ старовѣровъ. Существованіе у нашихъ предковъ марчулокъ, Эрлиній, Барстуковъ и прочей ихъ компаніи

поддерживается и до сего времени нашими католиками, подающими рубли въ своихъ костелахъ на звоны, когда они не имѣютъ сами своей силы отмстить своему врагу за обиду.

Между тѣмъ, вопросъ о происхожденіи и значеніи имени Геры или Еры между Русскими учеными объясняется различно. Профес. Сеньковскій (Брамбеусъ) называетъ Геру богинею воздуха, производя ея имя отъ ἠηρ воздухъ, но г. Шестаковъ производитъ ея имя отъ ἀίρω поднимаю, возвышаю, давая ей значеніе возвышенной богини надъ всѣми Олимпійскими божествами въ званіи царицы надъ всѣми богами, какъ жены и сестры Зевса. Мы принимаемъ мнѣніе Сеньковскаго, находя происхожденіе именъ Греческихъ боговъ отъ названій тѣхъ областей, которыя имъ выдѣлены были для управленія, напр. Урана, Геи, Хроноса, Реи, Гелиоса, Селена и др. Цицеронъ въ своемъ твореніи de Natura deorum указываетъ царствованіе Геры преимущественно надъ областью воздуха, что оказывается изъ его выраженія: effeminarunt aerem, appellando Junonem, т. е. воздухъ сдѣлали женщиною, называя Юноной. Она была божествомъ вѣчной юной силы, обновляющей природу съ наступленіемъ весны; дочь ея Геба называлась богинею юности, Ирида—богиня радуги была ея вѣстницею. Сама она была почитаема вообще покровительницею браковъ и помощницею женъ при родахъ; она также считалась и наставницею людей употребленію одежи по ученію Св. Аѳонасія Александрійскаго. Впрочемъ значеніе Геры, вѣчно юной обновляющейся силы природы со всѣмъ ея кортежемъ стушевывается съ выступленіемъ Зевса въ сонмѣ Градостроительницы, принесшей Греку оливковое дерево—символъ мира, Аѳины, въ сонмѣ Аполлона, Діаны, Музъ, Вакха и т. д. какъ распространителей искусствъ роскоши и удовольствій для жизни, культъ которыхъ, въ особенности Аѳины, былъ болѣе распространенъ между Греками, чѣмъ Геры. Она была младшею изъ богинь, родившихся отъ Реи—матери всѣхъ боговъ, царившихъ надъ главными силами природы, а именно: Весты —богини огня, Даматры—богини плодородія, Нептуна или Посейдона—бога морей и Плутона—бога подземнаго міра. Этимологическій корень имени Геры скрывается въ корнѣ ἐρ, оказывающемся въ произношеніи по Лат. воздухъ, какъ aer, тогда какъ отъ ἀίρω не имѣется развѣтвленій. А потому то тронъ ея былъ сіяющій—золотой, тогда какъ самый возвышенный ὑπερτατος принадлежалъ матери боговъ

Рѣ. Похвальба, влагаемая Виргиліемъ въ уста Геры: „Astego, quae Divum incedo Regina Jovisque et soror et conjunx“, на которой г. Шестаковъ основываетъ свое мнѣніе, означаетъ не возвышеніе, а выраженіе оскорбленія за нарушеніе ея правъ, какъ старшей богини и силы по рожденію и происхожденію, старшей даже самого Зевеса, родившагося отъ Реи послѣ Геры. Затѣмъ упрекъ ей, направленный въ Иліадѣ (15 гл. 18 ст.) Зевесомъ, не означаетъ также возвышенія ея, а только водвореніе, воцареніе ея на Олимпѣ въ силу воздушнаго своего Царства. Вообще въ отношеніяхъ Зевеса къ Герѣ оказывается не возвышеніе, но стремленіе сдержать произволъ и самовластіе своей супруги; а возвышеніе въ апотеозѣ Грека оказывается только въ судьбѣ героевъ его. Обожествленіе Грекомъ нѣкоторыхъ силъ природы въ лицѣ женщины служитъ различіемъ Греческой Θеогоніи отъ Русской, въ которой не оказывается ни одного апотеоза женщины, такъ что мѣсто Геры у насъ заступаетъ Поколо или Пукало, по имени котораго мы находимъ въ Полоцкомъ уѣздѣ поселеніе Пукалово. Слѣдовательно, г. Шестаковъ несправедливо напалъ на своего подчиненнаго за названіе послѣднимъ Геры богинею воздуха, равно какъ несправедливо считаетъ ошибкою его названіе имъ Еврейскаго Первосвященника главнымъ жрецомъ Іерусалимскаго храма, потому что въ Библіи встрѣчается не одно мѣсто, въ которомъ священники называются жрецами или жерцами, несправедливо также считаетъ ошибкою указаніе этимъ учителемъ положенія древней Смирны не у берега, а невдали отъ берега; несправедливо упрекаетъ также его въ названіи статуй Гермовъ безногими, что подтверждается даже въ баснѣ Езопа, повѣствующей объ Ермѣ и ваятелѣ. Мы привели эти дѣйствія одного изъ передовыхъ нашихъ ученыхъ и его придирчивыя требованія отъ своего подчиненнаго, съ личностью котораго онъ поступалъ съ безграничнымъ своеволіемъ, окрещивая его закулисными прозвищами, навязывая ему невозможныя безсмыслицы и какую то неумѣстную роль Хлестакова и осмѣивая его энтузіазмъ, съ которымъ онъ выступилъ предъ своимъ ревизоромъ въ надеждѣ найти въ немъ честнаго судью, въ чемъ жестоко и обманулся, встрѣтясь съ однимъ изъ тѣхъ остряковъ, которыхъ Греки и Римляне называли евтрапелами въ дурномъ значеніи этого слова. Кто же любилъ столько напыщенность, какъ не самъ этотъ острякъ? Напр. отвѣчая на поздравленіе Рославльскихъ учителей съ пе-

ремѣщеніемъ его въ Казань на высшее мѣсто, онъ начинаетъ свою телеграмму словами: „Съ далекаго востока отвѣчаю своимъ друзьямъ“. Куда какой далекій востокъ—Казань! А между тѣмъ эти великіе люди требуютъ для своихъ ошибокъ санкціи истины и неприкосновеннаго авторитета и возбраняютъ своей младшей собратіи путь къ уясненію истины, тогда какъ, напр. въ изученіи Олимпійскаго міра, скрывается еще много тайнъ, завѣтныхъ для Русскаго изслѣдователя. (Смотр. Москов. Вѣдом. 1859 г. № 123. Педагогическія письма Шестакова).

Хотя Руссамъ съ Римлянами жилось хорошо, но начало IV вѣка началось для нихъ неудачно. Съ конца III вѣка возмутились противъ Рима Леты или Летени, т. е. порабощенные народы, по каковому имени находимъ поселенія у озера Балатона, каковымъ именемъ Французы называютъ вообще Латышей, Латыгору и Летгалу. Карамзинъ и Эйхгорнъ производятъ названіе: „Латыгола“ какъ то очень мудрено, т. е. отъ Латышскаго небывалаго слова: „лата“ расчищенное мѣсто, оставляя и „гора и гала“ безъ объясненія, каковыхъ словъ у Латышей наконецъ совсѣмъ не имѣется. Константинъ В. за помощь Руссовъ, при усмиреніи возмутившихся Летовъ въ 318 году, какъ видно изъ соображенія съ ходомъ событій этого времени, отдалъ ихъ во власть Руссовъ.

Этотъ же Благодѣтель Руссовъ, родившійся между Славянами, задумалъ о притяженіи Славянства къ основанной имъ столицѣ для Славянства Византіи, что оказывается также по мыслямъ Руссовъ. Чтобы болѣе привлечь ихъ къ Византіи, Константинъ Великій вѣнчалъ царя Руссовъ христіанскимъ вѣнцомъ, о чемъ народъ вспоминаетъ въ пѣснѣ: „Сыгоры, горы ѣдутъ Мазуры“. Объ этомъ событіи народъ нашъ сохранилъ воспоминаніе и въ легендахъ (Константина вѣно) и въ святочныхъ интермедіяхъ объ языческомъ царѣ Максиміаніанѣ и въ пѣсняхъ. Въ память Константина основано нѣсколько городовъ въ Ю. Западной Руси. *) Съ принятіемъ Руссами Христіанства, рвеніе ихъ къ Варяжской службѣ

*) О появленіи христіанства въ нашихъ странахъ мы имѣемъ ясное свидѣтельство въ проповѣди Іоанна Златоустаго о пророченіяхъ Христовыхъ. Этотъ учитель церкви, сказавши о распространеніи Христіанства въ областяхъ Римлянъ, Персовъ, Скиѳовъ, Мавровъ и въ Индіи, продолжаетъ: „что я говорю, оно распространилось по всей вселенной, за нами находящейся, ибо и Британскіе острова, лежащіе за моремъ и находящіеся на самомъ Океанѣ, узнали силу Божія слова“. Причиною ослабленія Христіанства было господство Гунновъ, Аваровъ и Хозаръ.

стало ослабѣвать, и они стали стягивать свои силы къ сѣверу, отъ чего на югѣ Россіи усилились Готы, и, въ 371 году, при королѣ своемъ Ерманрихѣ взяли перевѣсъ надъ Руссами, которые однакожъ вооружили на нихъ Гунновъ, народъ Финскаго племени, разрушившій царство Ерманриха въ 375 году. Византійцы, для отраженія Готовъ, сами позвали Гунновъ въ Панонію. При борьбѣ Аттилы съ Датскимъ королемъ Фротономъ, въ 452 г. Руссы были въ союзѣ съ Аттилой, но въ день битвы перешли на сторону Фротона, который и побѣдилъ Гунновъ. Однакожъ Гунны не разошлись съ Руссами, которые въ 475 году подъ начальствомъ своего вождя Оттокара или Одоакра овладѣли Римомъ, который потомъ король Готовъ Теодорихъ отнялъ у Одоакра. И противъ Остъ-Готовъ Византія поддерживала Гунновъ, которые призвали къ себѣ на помощь Лонгобардовъ, удалившихся въ 567 г. въ Италію, а на мѣсто ихъ славныхъ Аваровъ, которые владѣли Панноніею совмѣстно съ Гуннами и Славами до 788 года, въ которомъ году вооружился на нихъ Карлъ Великій и разрушилъ ихъ могущественное царство. Теперь Авары, принявъ отъ Карла В. католицизмъ, сдѣлались такимъ слѣпымъ орудіемъ Франковъ, что воружились на Чеховъ-Славянъ, побѣдивъ короля ихъ Лихона. Непокорившіеся Славы оружію Карла В. и Аварамъ ушли на сѣверъ къ Поморскимъ Славянамъ и Датчанамъ.

Весь этотъ періодъ времени въ исторіи для потомства остается темнымъ, такъ какъ въ теченіи его южныя славянскія племена, избѣгая борьбы съ Лангобардами, Аварами, Турками и другими народами, вторгшимися въ Панонію, рѣшились въ царствованіе Юстиніана Великаго избрать для себя новыя мѣста жительства. По свидѣтельству Помпонія Лета Russati (т. е. Русняки), Prutati (Прусаки), Albati (т. е. обитатели по Эльбѣ) и Венеты переходили въ это время на жительство. Причину этого движенія Руссовъ, Пруссовъ и Эльбянъ объясняетъ Кунгурская лѣтопись, указывающая на вражду Аваровъ къ Руссамъ. Переселеніе Вятичей и Радимичей—позднихъ Славянскихъ переселенцевъ, и есть фактъ П. Лета. Замѣчательно, что Руссы и здѣсь оказываются вожаками переселенцевъ. Мы знаемъ, что Мазуры разъ побѣдили въ союзѣ съ Руссами Пруссовъ. У Мазуровъ былъ князь Антоносъ, а у Руссовъ Чіенъ-богъ. *) Но потомъ Руссы въ со-

*) Не только въ это время, но почти до XI вѣка Мазуры и Поляки жили дружно съ Руссами и никоимъ образомъ не хотѣли принимать вѣры отъ Ла-

юзѣ съ Пруссами такъ разбили Мазуровъ, что князь Антоносъ положилъ свою голову на полѣ битвы. Вятичи и Радимичи колонизировали къ востоку, размѣстившись по Сожи и Окѣ въ сосѣдствѣ съ верхними Болгарами, имѣвшими свое царство при Камѣ. Въ VI вѣкѣ Болгары владѣли письменностью и многіе изъ нихъ были христіане.

Мы видѣли паденіе славныхъ варяговъ, остатки которыхъ однакожъ боролись за существованіе, оказывавшееся неумѣстнымъ со введеніемъ Христіанства. Всѣ эти тары-бары, всѣ эти чи (т. е. чики, каковымъ словомъ называется передовой округъ въ Трансильваніи, а у насъ—поселеніе Лепельскаго уѣзда Чиковщина) были истые поклонники Марса и не могли сжиться съ мирнымъ уставомъ Христіанскихъ обществъ. Наши Руссы, принявъ отъ Константина Великаго христіанство, въ VI и VII вѣкахъ, во время великой борьбы народовъ, оттиснутые отъ Грековъ и отъ Паноніи, гдѣ просіялъ цѣлый ликъ святыхъ угодниковъ Божіихъ изъ нашихъ предковъ, а именно: Осія, Іеронимъ и др.; теперь снова стали язычниками, избирая новый пунктъ для устройства варяжскаго барьера. *) Такимъ барьеромъ оказалась Норвегія или Неригія впослѣдствіи, а въ это время не имѣвшая еще названія Норманіи или Мурманіи (корень Нормаманіи, оказывающійся въ ея названіи, мы видимъ въ имени Литовскаго государя Наримунда, а корень мурвъ названіяхъ нашей рѣки Мурмостыня, Мурманскій берегъ и въ др. Слово нуртъ въ старо-Русскомъ языкѣ означало потокъ, бѣгъ корабля, (пол. слово

тинянъ, которыхъ они изгнали по смерти Мечислава изъ Польши и потомъ возмутились въ другой разъ противъ ксендзовъ по случаю введенія у нихъ Папской дани—Святопетрія. Поляки вооружались неоднократно изъ-за Латинскаго языка, введеніе котораго при Богослуженіи паны защищали обнаженіемъ меча, при чтеніи Евангелія на Латинскомъ языкѣ.

*) Впрочемъ тѣ изъ Руссовъ, которые остались при Черномъ морѣ, находившемся подъ ихъ властью, а почему оно у Грековъ и называлось Русскимъ моремъ, были, вѣроятно, ближайшими посредниками и проводниками Греческой миссіи, имѣвшей своей метрополіею Херсонесъ, между Сарматами или Славянами и Скиѳами Греческіе миссіонеры V VI в. Херсонскіе епископы Василій, Ефремъ, Капитонъ и другіе ихъ преемники ревностно исполняли свое призваніе между язычниками, запечатлѣвъ свое дѣло мученичествомъ. Впрочемъ и сами Руссы, вслѣдствіе вторженія Азіатскихъ кочевниковъ, Хозаръ, Буртасовъ, Пацанаковъ или Печенѣговъ, должны были выселиться съ юга къ сѣв. западнымъ Руссамъ, такъ что въ IX вѣкѣ ихъ языкъ, по свидѣтельству Кирила и Меѳодія, былъ уже забытъ въ Крыму.

nurzam)—ныряю, погружаюсь, бросаюсь—ſich ſtürzen. Въ Мазовіи существовалъ городъ Нуръ-Бугъ (по Клуверію. Подъ Вильною есть рѣчка Свентарчка, называвшаяся прежде Нурзе). Слово Норманъ остается до сего времени такимъ же фиктивнымъ словомъ, какъ Варяги или какъ слово Ганза, какъ Швеція такъ и Норвегія назывались Скаиіею и Нернгой. Сюда и направились наши предки для варяжскихъ промысловъ, какъ показываетъ нѣсколько хорографическихъ Славянскихъ названій, остающихся въ Швеціи и Норвегіи, а именно: провинція Смоляндъ, Лофонденскій островъ Моске, поселеніе Рунданы въ Норвегіи, на сѣверѣ которой находимъ поселеніе Варежеръ, каковыя поселенія составляютъ ясный остатокъ отъ Варяговъ. Происхожденіе Нормановъ отъ Варяговъ доказывается и послѣднимъ слогомъ этого слова манъ, находящагося въ составѣ массы хорографическихъ и этнографическихъ Славянскихъ названій, напр. Маркоманы, Фейманы, Рухманы, Сольманы, Гришманы. Производство Нѣмцами слова Норманъ изъ Готскаго языка походитъ на производство имя слова рыцарь и рыцерка изъ Нѣмецкаго языка, такъ какъ искаженіе слова Норманъ въ Нортманъ своевольно, ни на чемъ не основанное. Изъ чего слѣдуетъ, что никакимъ образомъ Норманы не были основателями нашей культуры, будучи позднею колоніею Варяговъ, и бытъ Скандинава совершенно иной, чѣмъ Славянина. Однакожъ въ Даніи на островѣ Зеландіи, мы находимъ нѣсколько нашихъ хорографическихъ названій, а именно: Rossness, Rossnegibb, Bohus, Brogard, Segard, Konsgard, Kiorgardsholm. Названіе острова на Балтійскомъ морѣ Даго, а также озера и поселенія Динаб. уѣз. указываетъ также на бывшую связь нашей страны съ Даніею. Наконецъ названіе города Рандерса въ Ютландіи, называвшагося въ древности Ронсрусса, т. е. Русская Ронь, указываетъ очевидно на происхожденіе ея отъ нашихъ Руссовъ. Раздѣленіе нашихъ Варяговъ-Руссовъ на туземныхъ нашихъ Варяговъ и на заморскихъ имѣетъ примѣръ въ исторіи Готовъ, дѣлившихся на Остготовъ, Вестготовъ и Языговъ Паноньскихъ и нашихъ, Свеевъ сѣверныхъ и жившихъ въ Испаніи. Въ исторіи пребываніе Руссовъ въ Даніи опущено безъ указанія, но сколько исчезло народовъ, о которыхъ ни исторія, ни хорографія не сохранили указанія на мѣсто ихъ жительства, напр. могучихъ Геруловъ или страшныхъ Гунновъ, Буртасовъ и другихъ народовъ! Вникая въ бытовую сторону Датчанъ, мы

находимъ поразительное сходство ихъ міровоззрѣнія, что открывается особенно изъ сказокъ ихъ поэта Андерсена. Все это заставляетъ обратиться къ ихъ исторіи, въ которой встрѣчаемся съ слѣдующими фактами. Франки сильно приставали къ Датчанамъ съ предложеніемъ своей вѣры, каковой Славяне никоимъ образомъ не хотѣли принимать отъ Франковъ и Латинъ, но Аріовальдъ, Датскій король, въ 826 г., принялъ ее и потерялъ корону свою, вслѣдствіе возмущенія его подданныхъ. На престолѣ Датскомъ оказывается Норманъ Орихъ, язычникъ, у котораго подручникомъ, ему подвластнымъ княземъ, оказывается тоже Норманъ Рогенарій или Ротго, т. е. Рогъ, прославившійся изумительными подвигами, особенно въ 842 году, при осадѣ Турона или Тура, города во Франціи. Своимъ нападеніемъ онъ навелъ такой ужасъ на Франковъ, что тѣ и не рѣшались защищаться противъ грознаго непріятеля, отъ котораго защитилъ ихъ Св. Германъ,—патронъ этого города, чудесною помощью. Кто такіе Нормапы были Орихъ и Рогенарій,—на это, кромѣ вышеупомянутыхъ хорографическихъ Русскихъ пунктовъ, указываетъ предмѣстье Копенгагена, называющееся Росшильдъ или Росскильденъ, т. е. Русская челядь, бывшее въ это время столицею Даніи.

Гаше въ своемъ Бакалавреатѣ говоритъ, что могущественная Русская монархія одолжена своимъ происхожденіемъ Норманамъ и что Рюрикъ былъ Норманъ (стр. 235); это совершенная ложь, такъ какъ Рюрикъ былъ Варяго-Руссъ. Эти подвиги нашихъ князей на чужой сторонѣ не утѣшали нашихъ предковъ, сидѣвшихъ дома и подвергавшихся своеволью соловьевъ-разбойниковъ и Хозаръ, а почему они послали въ союзѣ съ Новгородцами приглашеніе къ Рюрику вернуться домой. Основанное общество Нормановъ, оставшись безъ законной власти, превратилось въ общество пиратовъ, наводившихъ ужасъ на Западную Европу.

И такъ, кто же были наши первые государи? Что они не были Норманы, тому доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что они не принесли отъ Нормановъ къ намъ ни одного Шведскаго имени, ни одного слова, такъ какъ всѣ наши Фарлофы, Ингельды, Рюльты чисто Русскаго или Греческаго происхожденія. Съ другой стороны, имена нашихъ князей для Шведовъ на столько чужды, что Шведы извращали ихъ до невозможности, напр. имена: Игорь извратили въ Ингварь, Синеусъ въ Сунъ, Тру-

варъ обратили въ Торвардъ, Ольгу въ Гальгу, Ярослава въ Ярислейфа и т. д. Наконецъ, въ нашемъ языкѣ и у народа нѣтъ ни одного Шведскаго слова или имени,—и ему неизвѣстны ни Гаральды, ни Гаконы, ни Олавы и т. д.; тогда какъ у Шведовъ и въ языкѣ, и въ хорографіи находимъ много нашихъ словъ, напр. торгъ, богъ, боръ, стопъ и т. д., что доказываетъ, правда, пребываніе нашихъ князей у Норманновъ, но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы они стали сами Норманами. Напротивъ, лѣтописи прямо указываютъ на призваніе нашихъ князей или прямо изъ Руси, или, опредѣляя точнѣе, изъ Варяговъ Руси, т. е. той Руси, которая, отправляясь на Варяжское море для рыцарскихъ подвиговъ, съ помощью которыхъ она господствовала на этомъ сѣверномъ культурномъ морѣ. Связь Руси съ Варягами была на столько тѣсна, что, какъ мы видѣли, всѣ почти главныя должности Руссовъ находились въ ихъ рукахъ, но, съ оставленіемъ Русью варяжскихъ занятій, въ административномъ нашемъ языкѣ по Русской Правдѣ слово варягъ уступаетъ болѣе опредѣленнымъ терминамъ, а именно: Русину, т. е. члену основнаго господствующаго рода или племени, Гридину (отъ grzeda т. е. Reiter—Stange) высокопоставленному, купчинѣ, ябетнику—(отъ ambet должность) или приказному и мечнику, т. е. Брупу,—лицамъ предоставленнымъ предъ изгоями и туземцами Словенами, а подъ словомъ варягъ разумѣется иноземный купецъ, въ каковомъ значеніи объясняетъ слово варягъ и Миклошичъ въ своемъ Общесравн. Словарѣ Славян. парѣчій, изд. 1886 г. Кромѣ этихъ классовъ нашего древняго общества стоятъ отдѣльно Людины, княжескіе отроки или дѣцкіе и тіуны или оцѣнщики (отъ τίω цѣню). Слѣдовательно, ни наши князья, ни вообще Русь не имѣютъ ничего общаго съ Норманами, а составляютъ продуктъ, выработавшійся на исторической аренѣ Паноніи въ Закарпатской Руси, въ Приднѣпровскомъ районѣ около Кіева, на Литвѣ и въ нашей странѣ, въ которомъ она преимущественно и называлась Варяжской Русью. Указавъ на связь нашей страны съ Римомъ, а равно на связь ея съ Языгами, или Ятвягами, въ заключеніе нашихъ выводовъ мы напомнимъ читателю свидѣтельство Тацита о принятіи Римомъ еще во время Веспасіяна въ Римское войско вельможъ и князей Сарматскихъ Языговъ съ черпью и конницею ихъ, которою такъ славились Роксолане. (Истор. Тац. l. 1, с. 75 и III l. с. 5), а съ ними и Языги. Хотя Оттонъ и раз-

билъ Роксоланъ, но конница послѣднихъ, а также кольчуги и мечи ихъ были грозны для Римлянъ. Связь хорографіи Языговъ нашей страны съ ихъ хорографіею въ Панонiи также подкрѣпляетъ пріуроченіе нами свидѣтельства Тацита къ нашимъ варягамъ. Лѣтописецъ забываетъ нашу связь съ Латынью, утомившею еще до-княжескую Русь своими деспотическими замыслами и притязаніями.

ГЛАВА III.

Священная колыбель Россовъ и слѣды борьбы ихъ въ нашей странѣ съ гидрою Латинской пропаганды за вѣру и культуру.

Тутъ явилось иное страшное чудо нашимъ очамъ
И вселило въ сердца неописанный трепетъ.
Гомеръ.

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
. . . . . .
. . . . . .
И гроза надъ тобой разразилась,
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла;
За враговъ, умирая, молилась,
На дѣтей милость Бога звала!
Некрасовъ.

Видя Руссовъ въ началѣ же своего политическаго поприща являющимися, подобно Греческой Палладѣ, во всеоружіи, невольно является вопросъ: „что же эта за счастливая такая нація, такъ вдругъ возмужавшая и свершающая сказочныя чудеса?“ Раскрывая хартіи нашихъ прошлыхъ временъ, мы видимъ лозунгомъ жизни у нашихъ предковъ: „наши дѣды такъ жили и намъ такъ жить приказали“. А дѣды вынесли свои законы и уставы далеко, далеко оттуда, гдѣ лежитъ священная земля,— наша родина. Гдѣ же эта земля, завѣтный край?

Посѣщеніе родины воскрешаетъ много завѣтныхъ думъ, обновляетъ чувства и силы, истощенныя въ борьбѣ съ жизнью,— и мы побудемъ на родинѣ, чтобы послушать тамъ рѣчи, родные звуки, забытые на чужбинѣ.

Всѣ историки соглашаются, что Славяне выходцы изъ Азіи. И, дѣйствительно, вступая на берега древней Виѳиніи и Понта,

мы находимъ одноименныя съ нашею страною хорографическія данныя, а именно: Гудулъ, Сюрьмене, Ирмакъ, озеро Урмія, Лейля, Денекъ-Майданъ (у насъ Дзенигаль и Дени), Даудія, Зили и, при устьѣ Ефрата, Варку (у насъ Варково и Варколяны). На всемъ этомъ пути мы встрѣчаемся неоднократно съ названіями, въ составъ которыхъ входятъ слова, знаменательныя въ нашей странѣ: „дара, вара, кара, коло". Въ Междурѣчьи Тигра и Ефрата мы находимъ Рудару. Очевидно, всѣ эти пункты оказываются путевыми станціями Славетчины, при переселеніи ея въ Европу. Находя и имѣя у себя поселенія, называющіяся Индія, Инданы, Индра, Индрица, Кришна, Наги Моголъ и т. д.; мы ищемъ пути въ Индію и, при самомъ устьѣ Инда, мы встрѣчаемъ хорографическія названія: Бѣла. Поднявшись къ сѣверу, мы встрѣчаемъ область Шикарпуръ, напоминающую нашу Лепельскую Чиковщину. При верховьяхъ Инда жили прежде Орошп и Расбуты, вытиснутые Маратами. *) Въ Паноніи находится поселеніе Парабуты. Слово буты означаетъ скороходы, и Руссы въ Византіи назывались вообще дромитами, т. е. скороходами. **) И на Индѣ, и на Гангѣ мы встрѣчаемъ города, называющіеся Ранійдпуръ, Раппуръ, Ранія, въ Кашмирѣ городъ Баранулу и р. Раву, по имени которой мы находимъ въ Галиціи пос. Русская Рава. Отступивъ внутрь Индіи, на водораздѣлѣ между Пенджабомъ и Гангомъ, мы встрѣчаемся съ областью Лудьяна. Слово Луда по Санскритски означаетъ высунувшійся камень, на что мы и соглашаемся, видя положеніе нашихъ Лудъ. Изъ Лудьяны мы входимъ въ область Гарамъ, напоминающую Паноньскую рѣку Гарамъ. На сѣверѣ Индіи лежитъ область Балтишара или Бѣлое царство. По имени Балти у насъ много есть названій у поселеній, напр. Балтиново, Балта и т. д. вѣнчающихся названіемъ сѣвернаго культурнаго моря Балтійскаго. Слово шар, измѣнившееся въ царь, стало названіемъ для высочайшаго изъ званій у властителей восточной Европы. Затѣмъ мы встрѣчаемъ цѣлую массу названій у городовъ Индіи, въ составъ которыхъ входятъ слова тара и бара, дара и вара. Слово

*) Слово Орша, производимое Карамзинымъ отъ слова Россъ, мы производимъ отъ слова orshak—означающаго кругъ. Въ древности слово кругъ имѣло значеніе мѣсто приговора произносимаго обществомъ, собравшимся надъ призваннымъ преступникомъ.

**) Слово бутъ оказывается въ Литовскихъ фамиліяхъ; Корибутъ, Нарбутъ,

вара по Санскр. означаетъ стражу при вратахъ, слово бара означаетъ добраго, знатнаго человѣка, слово тара по Зендски означаетъ распорядителя, хозяина. Названія нашихъ поселеній: Бидисса и Малново мы встрѣчаемъ въ Индостанѣ безъ измѣненія. Мало означаетъ по Санскритски грязь, и наше нос. Малново—настоящая грязь. Слово Ронь или Рань означаетъ выстрѣлъ,—и въ нашей странѣ цѣлая масса поселеній группируется около этого названія, а именно: Чапша—лукъ, Пылда—отъ pilis стрѣла, Рогъ—лукъ, Костырь—складной ножъ, Гай—крикъ стражи, Крижуты—крижать рѣзать, Букмуйже—букъ издавать звукъ на стражѣ. *) Слова: туръ и тулъ, такъ часто встрѣчающіяся въ названіяхъ нашихъ поселеній, означаютъ бойцевъ, борцовъ.

Итакъ Руссофобы ошибаются, упрекая Русскую націю въ молодости на историческомъ ея поприщѣ и въ неспособности ея къ культурѣ и цивилизаціи. Но принципы и основы нашей культуры и цивилизаціи вынесены изъ священной страны Индіи нашими предками Расбутами, отступившими изъ Индіи по случаю своей давней борьбы съ Маратами, за 200 л. до Р. Хр.

Мы не нуждаемся въ заимствованіяхъ у своихъ сосѣдей для общественныхъ реформъ, имѣя въ кладовой нашихъ предковъ большой еще запасъ и міровыхъ возрѣній, и общественныхъ уставовъ, для которыхъ не грозны никакіе анализы. Намъ остается быть только вѣрными этимъ завѣтамъ и подражать своимъ предкамъ на мирномъ поприщѣ культуры, которые по своимъ дѣйствіямъ оставили по себѣ безупречную славу и честное имя, тогда какъ конкуренты наши—пресловутые рыцари и ex-миссіонеры іезуиты оставили сѣмена фанатизма, раздѣлившаго націи и народы, и плоды котораго до сего времени ощутительны особенно въ нашей странѣ. Да, не подумаютъ наши противники, что мы говоримъ пристрастно; напротивъ, мы читали такіе отзывы у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ историковъ, смотрѣвшихъ на дѣло трезвыми глазами. Минуя ненавистнаго для нѣмцевъ Коцебу, мы приведемъ отзывъ одного изъ Гамбургскихъ ученыхъ объ исторіи нашей страны и Ливоніи. „Это ли исторія, говоритъ онъ?.. Ты, бѣдная, несчастная страна! Да, это исторія не живущаго, но умирающаго существа; не трагедія, но послѣдній

*) Одного же происхожденія съ этими названіями и названія у поселеній Слушково, Писки, Адгорни, Шкрябы, Пурвинось (наблюдательный постъ) и Сували.

актъ трагедіи". Вотъ каковъ приговоръ исторіи славныхъ нашихъ Ливонскихъ рыцарей и знаменитыхъ патеровъ іезуитовъ! О, еслибы чаще раздавались въ литературѣ и въ обществѣ подобные возгласы! Однакожъ лживыя современныя музы не только не принимаютъ мѣръ, что-бы потушить искры фанатизма, но еще болѣе поощряютъ возбужденіе его, что ясно оказывается изъ твореній современныхъ агитаторовъ: Ширрена, Экардта и др. Эти агитаторы не чувствуютъ ужасныхъ страданій жертвъ своей пропаганды, которыя, въ угоду сумасбродныхъ притязаній ея, должны продолжать терпѣть судьбу своихъ отцовъ, страдать у подножія алтаря побѣды своихъ поборниковъ. Какъ назвать тѣ условія православныхъ въ нашей странѣ, которые живутъ вдали своихъ храмовъ за три десятка верстъ и въ десятки лѣтъ имѣютъ возможность видѣть священника въ своемъ домѣ, что, напр. терпятъ жители Рѣжицкаго уѣзда, живущіе около Евпкшты и Лубани? Какъ смотрѣть на тѣхъ страдальцевъ изъ Русскихъ крестьянъ, которые должны были идти въ ссылку за Яновольское возмущеніе въ 1841 г., открывшееся вслѣдствіе возмутительнаго притѣсненія Польской шляхты, какъ смотрѣть на горькую участь тѣхъ крестьянъ, которые пострадали безвинно въ 1864 г. и высланы за дерзкое обращеніе съ своими бунтовавшимися панами, успѣвшими замаскировать предъ правительствомъ свои грѣшки? Всѣ эти раны общеизвѣстны и крупныя,—а сколько есть скрытыхъ, до раскрытія и обнаруженія которыхъ Русскій, по своей простотѣ и терпѣливости, не охотникъ, и остающихся безвѣстными на радость злобной пропаганды. Всѣ эти факты общеизвѣстны,—и Русскій долженъ оставлять ихъ in statu quo, чтобы успокоить чопорную западную цивилизацію съ ея пропагандою и подпольными мѣропріятіями. Однакожъ долгъ честнаго историка состоитъ въ мужественномъ заявленіи правды, чтобы не заслужить упрека Свыше въ томъ, что онъ видѣлъ и зналъ неправду,— и не обличилъ ее.

Заканчивая обзоръ судьбы Варяжской культуры, заслуги которой враги ея считаютъ на столько маловажными, что названіе варяга отожествляютъ съ названіемъ пирата, для доказательства чего указываютъ на исторію Норманновъ, какъ на представителей Варяжской культуры, мы заявляемъ свое несогласіе. Слава Варяжской культуры выражается не въ Норманскомъ ея періодѣ, заключившемъ ея существованіе, полномъ, борьбы за

свой исходъ, но истинное ея значеніе, обнаруживается въ нѣдрахъ Славянства подъ штандартомъ Русской націи, при охранѣ ею своихъ Славянскихъ принциповъ. Мы видѣли эти ея административныя учрежденія, отличающіяся разнообразіемъ, видѣли памятники ея крѣпостей подъ Лудами, Троками, Вильною, и, по сохранившимся очертаніямъ ихъ, воскрешаемъ ея величіе. И не одни эти культурные и воинственные памятники отъ нея остались намъ. Нѣтъ, ея завѣты, политическія традиціи, сохранившіеся и въ эпосѣ и въ легендахъ, служатъ славнымъ лозунгомъ призванія Русской націи. Изученіе хорографіи нашей страны въ связи съ хорографіею Паноніи воскрешаетъ въ ясномъ очертаніи образъ этой опочившей нашей сотрудницы. *)

Это изученіе нашей хорографіи оказывается плодотворнымъ и для изученія письменныхъ памятниковъ древней нашей государственной литературы, въ особенности договоровъ Олега и Игоря съ Греками, въ которыхъ мы встрѣчаемъ столько краснорѣчивыхъ доказательствъ неоспоримыхъ достоинствъ нашей древней культуры и прочнаго склада нашей какъ внутренней, такъ и внѣшней политической организаціи. Минуя вышеприведенную нами статью объ укрывательствѣ преступниковъ, а также и статью о пресѣченіи извѣтовъ и насилій, мы обратимъ вниманіе еще на двѣ статьи Игорева договора, а именно: на 6-ю и 13-ю. Въ 6-й ст. ограничивается преступленіе воровства не только возвращеніемъ покражи, но и цѣны ея. Если же будетъ доказано, что воръ продавалъ свою покражу, то штрафъ его увеличивался вдвое. Такой строгій и разумный законъ сдѣлалъ бы честь всякой культурѣ и классической страны! И этотъ законъ былъ Варяжско-Русскій, что нужно предполагать изъ выраженія: „и покаженъ будетъ по закону Греческому и по уставу, и по закону Русскому“. Статьею 13-ю опредѣляется расправа съ убійцами въ преданіи ихъ суду и въ отобраніи отъ нихъ ихъ имущества. Но „если, говоритъ договоръ, сотворитъ убійство неимовитый и при томъ ускочитъ,

*) На сколько могущественно и прочно вліяніе древней Византійско Русской культуры на современнаго Латыша, оказывается изъ того, что онъ украшаетъ послѣднюю судьбу своего порабощенія Латинской пропаганды подобными же легендами о строительницахъ замковъ въ Люцинѣ, Рѣжицѣ и Мариенгаузенѣ, погрузившихся будто бы въ мертвый сонъ, въ надеждѣ освобожденія своего въ будущемъ отъ своихъ враговъ.

т. е. убѣжитъ, то таковой прямо отдается на произволъ ближнихъ убитаго". Однакожъ, съ принятіемъ Владиміромъ Св. Христіанства, Варяги окончили у насъ свое существованіе, доказавъ свое мужество и славу на Лиственской битвѣ Мстислава Тмутороканьскаго съ Ярославомъ Мудрымъ въ 1024 г., каковое мужество и храбрость не спасли ихъ отъ упраздненія ихъ призванія, становившагося тягостнымъ въ новомъ устройствѣ нашего государства. Уже при составленіи Русской Правды они оказываются на столько забытыми, что даже и имя ихъ рѣдко упоминается въ ней. Однакожъ существованіе Варяговъ не вдругъ прекратилось на Руси; но только они являются подъ названіемъ, иноземныхъ купцовъ. Призваніе защитниковъ права у обиженнаго во 2 §-фѣ Русской Правды узаконяется на обязанности видоковъ, т. е. мстителей за обиженнаго или защитниковъ въ такомъ случаѣ, когда преступленіе, по своей важности, не вызываетъ ни родовой мести, ни опредѣленнаго штрафа, какой полагался за очевидную рану. Значеніе варяга было такъ велико, что противъ него истецъ долженъ былъ выставить 7 видовъ, выставляя противъ обыкновенныхъ обидчиковъ только 2-хъ. Обида остается безъ послѣдствій, если обиженный не имѣетъ наружныхъ знаковъ побоевъ и не имѣлъ возможности нанять или пригласить видока. При объясненіи первыхъ пяти параграфовъ Русской Правды, заключающихъ штрафы убійствамъ и дракѣ, ученые, принимая слово „видокъ" въ смыслѣ свидѣтеля, *) даютъ темный воображаемый смыслъ этимъ §§-фамъ Русской Правды, раздѣляя удары и раны на честныя и позорныя, каковаго разграниченія никоимъ образомъ не оказывается, кромѣ разграниченія оскорбленныхъ по происхожденію и предоставленія права родовой мести за смертоубійство или совершенное искалѣченіе (ст. 1 и 5). Но какого рода месть предоставляется по Русской Правдѣ видоку,— мы не знаемъ и это другой вопросъ,—но что званіе видоковъ и видусовъ было спеціальнымъ, на то указываетъ существованіе

*) Свидѣтель у нашихъ предковъ назывался вообще послухъ, свѣтокъ. Мы заключаемъ, что подъ словомъ видокъ разумѣлся нанятый обиженнымъ стряпчій. Въ грамотѣ Александра Казимировича, которою онъ въ 1503 г. возстановляль права Витеблянъ, говорится, что если Витеблянинъ пріѣдетъ къ нему съ жалобою на другого Витеблянина, по случаю сдѣланнаго ему насилія, то князь не отправляетъ на виновнаго своего дѣцкаго, а только одно предписаніе Витебскому воеводѣ о разборѣ дѣла. (Сборн. Муханова № 83.)

по Витебской губерніи, а также и у южныхъ Славянъ особыхъ названій для поселеній по ихъ названію, напр. видусы, видоки. Находя названіе у поселеній „Жерствивиды, Мытовиды, Межевиды", оказывается, что у нихъ были и другія обязанности, кромѣ упомянутыхъ, напр надзоръ за границами земли.

Мы указываемъ только на болѣе ясные пункты Русскихъ Варяговъ, для уясненія бытовой нашей исторіи, не вошедшей въ документальную науку. Мы старались собрать болѣе матерьяловъ, какъ для изученія своей хорографіи, такъ и для изученія хорографіи Паноніи,—мы сознаемся, что нашъ трудъ и слабъ и неоконченъ, но мы увѣрены, что въ нашихъ изслѣдованіяхъ представили нѣсколько данныхъ для опроверженія мнѣнія Нѣмецкихъ писателей что будто бы всякіе культурные слѣды, занесенные въ нашу страну истреблены были вторгавшимися въ нее варварскими народами Гуннами, Аварами и другими народами. *) Изучая судьбу нашихъ варяговъ, мы видѣли заслуги ихъ вообще для Славянской культуры при борьбѣ съ Гуннами, Аварами и прочими Азіатскими кочевниками, и неужели они могли допустить этихъ народовъ къ истребленію своего наслѣдія, будучи съ ними въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, по свидѣтельству Саксона Грамматика и поразивъ Кимвровъ и могучихъ Готовъ. При своемъ паденіи, варяги, подъ именемъ Норманновъ, успѣли доказать свою силу предъ Франкскою монархіею, которая почти со всею Западною Европою покорилась и ихъ оружію, и ихъ власти,—и тогда только успокоилась отъ ихъ нападеній, пока не сформировала своего управленія, по ихъ указаніямъ и въ ихъ интересахъ.

Руссофобы, упрекая Русскую націю въ недавности историческаго ея развитія, культуру Московіи называютъ культурою Норманскою, завоевательною и алчною, но девизы ея оказываются и ясными, и честными, имѣя лозунгомъ защиту своей чести и исконной земли своихъ отцовъ подъ скромнымъ знаменемъ Архистратига Михаила, какъ караетъ гордыни и зависти. Избѣгая всякаго рода непріязненныхъ и, въ особенности, коварныхъ нападеній на своихъ сосѣдей, это, еще съ доисторическихъ временъ, Варяги-Руссы, отличаемые ясно и настойчиво нашими лѣтописцами отъ прочихъ Варяговъ: Норманновъ, Свеевъ, Англовъ,

*) См. ст. Бракеля „Beitrag zur Kenntniß der Alterthümer," помѣщенную въ 1 т. „Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-Est und Kurland." стр. 389, 390 и далѣе.

нигдѣ, ни отъ одного историка не заслужили упрека въ варваризмѣ или тиранствѣ, служа съ рыцарскою готовностью на защиту притѣсненныхъ. И, при основаніи нашего государства, это не Норманны-Варяги, а Русскіе Варяги, оставивъ Данію, идутъ на призовъ Новгородцевъ. Честные виды и намѣренія этихъ героевъ увѣнчались добрыми результатами, между тѣмъ какъ Латинская пропаганда является въ Ливонію и къ намъ, на первыхъ же порахъ основанія своего общества, съ самою грубою профанаціею своихъ грозныхъ и священнѣйшихъ девизовъ, изъ которыхъ она устроила самую сложную и лживую мистификацію своему дѣлу. Что же касается культурныхъ обѣщаній, то исторія этихъ набожныхъ авантюристовъ выражается въ самыхъ вѣроломныхъ памятникахъ, называемыхъ въ ихъ поэмахъ и хроникахъ замками и Божіими пріютами, которые были однакожъ не общественною защитою и обороною отъ враговъ, а притономъ и прибѣжищемъ для всякаго рода религіозныхъ авантюристовъ изъ западной Европы, жизнь которыхъ состояла въ воровскихъ набѣгахъ и разбояхъ на своихъ мирныхъ сосѣдей. На развалинахъ этихъ замковъ воцарился фанатизмъ, воодушевляющій наслѣдниковъ несчастныхъ авантюристовъ на непримиримую ненависть къ Русскимъ православнымъ поселенцамъ, законнымъ наслѣдникамъ этой страны. Въ этой стихіи раздоровъ и племенной ненависти укоренилась масса историческихъ суевѣрій, новѣрій, несбыточныхъ чаяній, питаемыхъ фанатизмомъ, раздиравшимъ нашу страну въ теченіи пяти вѣковъ, вслѣдствіе пагубнаго самообольщенія пропаганды. Такимъ образомъ вся исторія этой пятивѣковой драмы, заключающейся въ борьбѣ Ливонскихъ рыцарей и Польши съ Русской культурою, оказывается картиною грязнаго, скандалезнаго маскерада, не имѣющаго мѣста и у необразованныхъ народовъ, и, не смотря на то, заявляющаго права на миссіонерскія и культурныя заслуги,—маскерада, то озаряемаго пламенемъ пожаровъ, то скрывающагося въ дыму ихъ, съ появленіемъ голода и эпидемій, и оканчивающагося воплями и стонами, и неслыханными проклятіями. Долгъ науки, идущей по слѣдамъ честнаго Августа Коцебу, состоитъ въ разоблаченіи этого маскерада со всею его мистификаціею, въ обличеніи хитрыхъ замысловъ враговъ нашей культуры, а равно и въ исправленіи ошибокъ и своей собратіи, приносящихъ въ общество неумѣстный скептецизмъ и раздвоеніе,

Мы изучали съ нарочною подробностью хорографію нашей страны, имѣя въ виду притязанія Нѣмецкихъ и Польскихъ писателей на пресловутую ихъ культуру, принесенную будто бы рыцарями и іезуитами въ нашу страну, бывшую, до вторженія въ нее рыцарей, будто бы пустынею, населенною одними лѣсными дикарями, не имѣвшими никакого понятія даже о примитивной культурѣ. Мы съ крайнимъ напряженіемъ отыскивали слѣды чужеземныхъ культуръ въ нашей странѣ, и не находимъ ихъ ни въ археологіи, ни въ хорографіи. Вся Нѣмецкая хорографія въ нашей странѣ заключается въ перекрещеніи туземныхъ названій въ созвучныя Нѣмецкія названія съ туземными, напр. переименованіе Лучина или Лудзы въ Люцинъ, Росицы или Рѣжицы въ Розитенъ, Кокеноса въ Кокенгаузенъ, Марги или Маргини въ Маріенгузенъ, Вара-Колянъ въ Варкляндъ, Трентели въ Трентельбергъ, Герсика въ Крейцбургъ Нитры въ Ныдермуйже или въ однозначащія съ Русскими названіями переводныя Нѣмецкія названія, напр. Волькенбергъ въ однозначащее съ древнимъ его названіемъ Вышгородокъ, Шваненбургъ—съ древнимъ его названіемъ Голбинъ или Голубенъ. Затѣмъ является нѣсколько спорныхъ названій, напр. Ляндскрона, очевидно измѣненное Нѣмцами изъ Славянскаго или, лучше сказать, Латинскаго названія Лянцкорона. Слѣдовательно подобная хорографія ничего не прибавила къ туземной хорографіи, кромѣ каменныхъ замковъ, появленію которыхъ должно приписать происхожденіе опустѣлыхъ древнихъ урочищъ, городищъ нашей страны. Отсутствіе нѣмецкой хорографіи въ нашей странѣ нельзя приписывать нетерпимости Русскаго человѣка къ иноземщинѣ, даже ему враждебной, что мы доказываемъ изъ существованія названій у поселеній Дрисненскаго уѣзда: „Удино и Французы“, названій, оставшихся послѣ 1812 года. Однакожъ мы не находимъ ни одного Нѣмецкаго названія у нашихъ поселеній, имѣющаго культурное значеніе, напротивъ мы встрѣчаемся съ ужасными названіями у поселеній, напр. Шаудеры, Дьяволовщина, т. е. мѣстность, принадлежавшая прежде Мантенфелямъ, фамиліи, оставшейся отъ рыцарей. Подобную хорографію можно только встрѣтить въ Бразиліи и Калифорніи, гдѣ эксквизадоры и авантюристы оставили на память о своемъ ремеслѣ хорографическія названія очень грубого значенія. Обращаясь къ Татарской хорографіи въ Оренбургскомъ краѣ, мы не находимъ подобныхъ примѣровъ. Нашимъ рыцарямъ нѣкогда

было насаждать культуру, для которой они оказывались не друзьями, а прямыми врагами; а почему всякая мирная дѣятельность спѣшила уйти изъ страны при ихъ приближеніи. При рыцаряхъ остались только самые необходимые ремесленники, которые опять же состояли не изъ Нѣмцевъ, а изъ туземцевъ, какъ показываютъ названія ихъ поселеній чисто Славянскаго происхожденія, напр. Перцвята означаетъ шерстобитню, Вантокъ—ткача, Кужели—прядильщиковъ тонкаго льна. Мельницы составляли предметъ спора у рыцарства съ купечествомъ, которое наконецъ отступилось отъ этого права, а почему въ этомъ краѣ мы видимъ владѣльцами мельницъ только помѣщиковъ.

Нѣмецкіе писатели Экардтъ и Мантейфель стараются доказать, что, со вступленіемъ Русскихъ въ Ливонію и нашу страну, цвѣтущее состояніе многихъ мѣстностей упало, указывая, напр. на торговлю Риги и прежнее значеніе Краславки. *) Но причина упадка торговли въ Ригѣ произошла вслѣдствіе построенія Санктъ-Петербурга, а значеніе Краславки упало съ построеніемъ Динабурга въ 1772 году. Быть можетъ, разоренію Краславки способствовали также и Русскія экзекуціи: такъ владѣльцевъ ея Плятеровъ мы видимъ довудцами при каждомъ Польскомъ возстаніи. Желаніе Мантейфеля очернить Русскихъ съ какой нибудь стороны, оказывается также въ описаніи города Люцина, какъ извѣстно всякому мѣстному старожилу, при принятіи его Русскими въ 1772 году, почти не существовавшаго, потому что отъ прежней знаменитой Луды или Лучина оставалось къ этому времени двѣ или три жалкихъ лачужки и печальныя замковыя руины, въ каковомъ состояніи находились и Рѣжица и Маріенгаузенъ, возвысившіеся теперь на степень значительныхъ городовъ, особенно Рѣжица, имѣющая нынѣ до 12 т. жителей. Между тѣмъ Мантейфель живописуетъ въ своемъ Polnishes Lyfland (стр. 67) городъ Люцинъ въ самомъ печальномъ состояніи, при которомъ на лицевой сторонѣ выставляетъ грязь, свиней и жидовъ, что совершенная клевета, съ которою пропагандистъ выступаетъ дерзко, прикрываясь воображаемою въ его головѣ небывалою славою предковъ, при которыхъ будто бы процвѣтала наша страна. Напротивъ, дѣлая вопросъ у туземцевъ объ исторіи

*) Объ упадкѣ торговли въ Ригѣ Экардтъ трактуетъ въ своемъ произведеніи: Livland im 18-ten Jahrhundert 1876 г.

рыцарей, мы получаемъ чрезвычайно колкіе и саркастическіе отзывы туземца про рыцаря, которому онъ рѣшительно отказываетъ въ этомъ высокомъ названіи и называетъ его просто брылемъ, который прятался гдѣ то подъ камнями, т. е. въ своихъ замковыхъ бойницахъ съ своими сокровищами и деньгами. Въ ночь онъ выбирался изъ своей норы, и къ нему являлась его собратья, съ которою онъ отправлялся на добычу въ Русскую землю. По возвращеніи изъ набѣга, онъ дѣлился награбленнымъ богатствомъ съ туземцами, подкупая ихъ такимъ образомъ къ покорности. Это преданіе мы слышали отъ Латыша католика, изъ каковаго преданія оказывается, что даже одновѣрный потомокъ рыцаря отказывается отъ его славы, не желая даже и знать не только его имени, но даже и званія. Тогда какъ рыцарскія хроники придаютъ такую славу своему обществу и братству, туземецъ ни въ одномъ изъ преданій не упоминаетъ объ этомъ обществѣ, выставляя въ этихъ преданіяхъ страну застигнутою какимъ то неизвѣстнымъ врагомъ врасплохъ, когда ея защитниковъ не было дома, и страну защищала только женская сила въ лицѣ трехъ героинь: Люціи, Маріи и Розаліи—трехъ сестеръ княженъ, которыя, для отраженія непріятеля, и построили эти замки, а не рыцари, приписывающіе основаніе ихъ себѣ. Строили онѣ ихъ одновременно, тогда какъ по хроникамъ показывается построеніе ихъ въ разное время, изъ чего оказывается, что строеніе рыцарями нашихъ замковъ заключалось въ захватѣ или реформированіи ими существовавшихъ крѣпостей, что оказывается изъ финала легенды. Героини не успѣли окончить своихъ построекъ, такъ какъ у нихъ не было орудія,—строили они однимъ молоткомъ, перебрасывая его, во время работы, другъ—дружкѣ. Онѣ не погибли, но почиваютъ въ замковыхъ подвалахъ живыми, ожидая защитника своей судьбѣ и не признавъ ученія пришлыхъ проповѣдниковъ. Въ такомъ же характерѣ оказывается и складъ преданія о построеніи Красно-городской крѣпости Псковичами, которую также строитъ героиня, носившая на своихъ плечахъ камни для построенія крѣпости. Наконецъ, она устаетъ подъ тяжестью своей работы и взяла къ себѣ на плеча камень не по силамъ, который она не могла донести до стѣны. Не доходя до которой на сотню шаговъ, онъ упалъ у нея съ плечъ, и гдѣ упалъ, на томъ мѣстѣ онъ лежитъ и до сего времени. Приписывая построеніе этихъ крѣпостей женской

спѣ, народъ указываетъ, что настоящіе борцы за родину не были дома, а именно на войнѣ съ Монголами, на которой, дѣйствительно, мы и видимъ ратоборцемъ нашего князя Андрея Ольгердовича.

Но вотъ окончилась у Русскихъ борьба съ Монголами, и тонъ легендъ измѣняется со вступленіемъ въ нашу страну Іоанна Грознаго, котораго преданія нашей страны привѣтствуютъ, какъ своего воскресителя. Хотя Іоаннъ Грозный и отдалъ обратно своимъ врагамъ и нашу страну и Ливонію, но циклъ преданій и народныхъ упованій связывается только съ его именемъ, а о вступившихъ теперь въ страну Ляхахъ и Литовцахъ народъ не хочетъ совсѣмъ ничего знать, и объ этихъ своихъ благодѣтеляхъ и просвѣтителяхъ онъ обращается къ Небу, прося у него Перуна, т. е. грома, чтобы расколоть тотъ мостъ, по которому вступили Литовцы въ его страну. *) И послѣ Литовцевъ, хотя Крашевскій возвѣщаетъ о Польской старожитности или, вѣрнѣе сказать, Литовской въ нашей странѣ, однакожъ не оказывается никакихъ слѣдовъ и Литовской культуры, кромѣ двухъ или трехъ мѣстечекъ, напр. Литовники, Жолперы, Андрепно и—не болѣе. Вѣроятно, и эти поселенія составляютъ памятники дружинныхъ Литовскихъ поселеній. Впрочемъ Поляки сами, во время существованія своего государства, находившагося при паденіи, не успѣли на свои средства оставить и сооружить ни одного памятника собственной культуры, не имѣя средствъ даже для содержанія унаслѣдованныхъ ими отъ рыцарей замковъ: Динабургскаго, Люцинскаго и Рѣжицкаго, упраздненныхъ ими же самими, вмѣсто которыхъ паны занялись сооруженіемъ палацовъ, псарень и корчемъ. **) Уже съ поступленіемъ нашей страны подъ власть Русскихъ Поляки принялись, на счетъ же и средства Русскихъ, за осуществленіе своей миссіи, воздвигая цѣлую массу костеловъ, монастырей, ораторій, фейма-

*) Сапуновъ въ изданной имъ Витебской Старинѣ (стр. 576) говоритъ, что Баторій, выступая въ Псковскій походъ, объявилъ Русскому народу неприкосновенность мирнымъ жителямъ, милость и пощаду, и что будто Баторій сдержалъ свое слово. Но ни одинъ изъ нашихъ полководцевъ не нападалъ на монастыри своего непріятеля, а Баторій отправлялъ изъ подъ Пскова экспедицію на монаховъ Печерскаго монастыря.

**) На 68 стр. упомянутаго своего творенія Мантейфель говоритъ, что Люцинскія укрѣпленія были разрушены Русскими, когда Люцинъ былъ подъ Польшею: но это ложь По Андрусовскому договору Люцинъ былъ возвращенъ Полякамъ въ цѣлости, а при Петрѣ Великомъ Русскіе не вступали въ Люцинъ

новъ, учреждая, для поддержанія падающей своей религіи, юбилеи, вигиліи, нарочитыя ярмарки для молитвенныхъ бдѣній, при которыхъ народъ разучалъ мятежническіе гимны, кантики, патріотическіе мотивы, возбуждаемый фанатическими проповѣдями и казаньями своихъ ксендзовъ и монаховъ, которыхъ количество едва ли не превышало число пасомыхъ ими душъ. Изъ крѣпостнаго бастіона, въ какой трусливые рыцари—меченосцы превратили нашу страну, Польская пропаганда на Русскія средства теперь обратила ее въ Римскую Курію, для болѣе точной пародіи съ которой устроила подъ Люцикомъ наконецъ и Бононью, въ которой шляхтурку стали обучать Латыни, между тѣмъ какъ масса Латышей, скрывавшаяся по лѣсамъ, погружена была даже въ 30 годахъ этого столѣтія въ идолопоклонство, напр. въ Боловскѣ и Маріенгаузенѣ, тогда какъ миссіи Іезуитовъ, Доминикановъ, Базиліанъ соорудили для себя царскіе чертоги въ Пасинѣ, Аглони, въ Ушвальдѣ и другихъ мѣстахъ, окруживъ себя въ этихъ чертогахъ пышною обстановкою, начиная съ библіотекъ и кончая рыбными прудами. Самъ папа въ своей куріи не могъ предоставить тѣхъ удобствъ своимъ прелатамъ-кардиналамъ, какими наслаждались у насъ наши Полоцкіе Іезуиты, Пасиньскіе и Аглоньскіе Доминикане, Базиліане и прочіе миссіонеры. Поднимая бокалы, они съ гордымъ торжествомъ распѣвали теперь: „pax in terra, pax in coelis, pax vobis cum!“ или: „salva nos, glorio vos, gratia Tibi, Domine!“

Въ чемъ же состояла культура этихъ счастливыхъ апостоловъ? Громадныя руины Полоцкаго и Ушвальдскаго коллегіумовъ, Пасиньскаго монастыря разсказываютъ о самыхъ дерзкихъ протестахъ, безумныхъ жалобахъ и капризныхъ возмущеніяхъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ противъ законнаго правительства, превратившихъ свои священные пріюты и самые храмы въ открытые притоны и вертепы мятежа, повстаній и фанатизма. Они учили туземца Латыни и Польщизнѣ, чтобы обременить его бѣдную, несчастную голову и убить въ ней всякій смыслъ для того, чтобы легче было потомъ направлять имъ въ своихъ цѣляхъ. Народъ, какъ про ужасный сонъ, вспоминаетъ о томъ недавнемъ прошломъ времени, какъ въ его костелахъ, во время вигилій и бомоленій, высыпали тучи монаховъ, какъ черныхъ вороновъ, обращавшихся къ нему съ своей полонизаціею и Латынью. При спросѣ у Латыша, куда же дѣвались эти черныя тучи, то онъ лаконически

отвѣчаетъ: „Эськи Муравей поубавилъ ихъ*. Въ самомъ дѣлѣ Латышъ много обязанъ этому Эськѣ Муравью. *) До его прихода онъ учился обязательно четыремъ языкамъ: своему природному, правительственному Русскому, панскому Польскому и, наконецъ, церковно-Латинскому, послѣ же Муравьева паны и ксендзы нѣсколько спѣсь свою поубавили. Конечно, если бы Русское правительство, по какой нибудь странной уступчивости, дозволило бы какимъ нибудь Вегабитамъ или Маронитамъ пользоваться въ предѣлахъ своей территоріи самостоятельностью своей культуры, то и азіатскіе фанатики, вѣроятно, недозволили бы себѣ дерзкихъ клеветъ, какіе дозволяютъ себѣ Европейскіе фанатики на имя великой Русской націи, сочиняя себѣ небывалыя исторіи, составляя свои пресловутыя хроники и геральдику и присвоивая себѣ наши культурные памятники съ водруженіемъ на нихъ своихъ девизовъ. **) Все это прошлое тяжелое время для Русскаго патріота представляется какимъ то необъяснимымъ кошемаромъ, предъ которымъ нѣкогда преклонялись такіе передовые наши таланты, какъ Карамзинъ, называвшій Баторія гуманнымъ королемъ и идеальнымъ рыцаремъ, который при своей гуманности оставилъ въ Полоцкой и Псковской земляхъ послѣ своихъ походовъ слѣды непзгладимыхъ опустошеній. Благодаря, наконецъ, времени, Русская культура воскресаетъ изъ-подъ руинъ, и сами враги ея отрекаются отъ своихъ притязаній, забываютъ о своихъ привиллегіяхъ, о своемъ Мальборскомъ правѣ о своей юрисдикѣ и о пресловутой славѣ своихъ замковъ. Однакожъ между самими Русскими учеными находятся такіе почитатели этихъ привиллегій, этой сирой Латыни, врывавшейся въ нашу страну, что не щадятъ никакихъ затратъ на изданіе автографовъ ихъ мосцей крулей, бискуповъ уніатовъ, каштеляновъ, королевскихъ декретовъ въ снимкахъ и переводахъ съ приложеніемъ ихъ портретовъ, гербовъ и девизовъ, помѣщая при подобномъ сборникѣ отечественные документы въ болѣе бѣдной обстановкѣ. Въ такомъ видѣ, въ 1883 году, явилась въ свѣтъ Витебская Старина, авторъ которой наполнилъ свое произведеніе массою упомянутыхъ снимковъ и съ портретами Гедемина, Ольгерда и

*) Эська значитъ старый господинъ.

**) Изъ многихъ захватовъ ими на Инфлянтахъ древне Русскихъ Святынь въ особенности замѣчательно присвоеніе Доминиканами образа Аглоньской Богоматери Греческаго иконописанія.

Свитригайлы, стремившихся отдѣлить Западную Русь отъ Московіи, вставилъ въ этотъ сборникъ извѣстнаго фанатика уніатскаго бискупа Іосафата въ двухъ видахъ, какъ бискупа и какъ мученика съ орудіемъ его смерти,—съ топорикомъ на головѣ, тогда какъ было бы цѣлесообразнѣе въ національномъ интересѣ помѣщеніе въ Русскомъ историческомъ сборникѣ потретовъ мѣстныхъ борцевъ за Русское дѣло, напр. архіепископовъ: Георгія Конискаго и Смарагда, в. к. Александра Невскаго и его супруги, воеводы Шереметьева и т. д. Наконецъ, г. Сапуновъ придалъ небывалое значеніе Витебскому замку, называя его грозою Русскихъ, которые 17 разъ осаждали его безуспѣшно, тогда какъ Русскіе только всего разъ подступили къ нему съ осадою въ 1654 г. и въ короткое время его взяли. Напротивъ, Витебскъ былъ не оплотомъ Рѣчи Посполитой, а Ахиллесовой ея пятой. Главными пунктами борьбы Русскихъ съ Поляками были не Витебскіе замки, подъ которыми Русскіе, правда являлись, но не болѣе, какъ съ экскурсіями и диверсіями, тогда какъ главная борьба замыкалась за владѣніе Смоленскомъ и Полоцкомъ, для осады которыхъ приходили сами наши государи: Василій Іоанновичъ и Іоаннъ Грозный. Не замки закрѣпляли Витебскъ за Польшею, а ея безчисленыя привилегіи и крайняя пропаганда, арлекины которой совращали и отторгали коренное Русское населеніе Витебской земли отъ Московскаго государства. Объяснить судьбу этой борьбы и составляетъ задачу историка г. Витебска, что Сапуновымъ однакожъ опущено изъ вниманія, между тѣмъ какъ вѣрность Витеблянъ Русской національности и составляетъ вѣнецъ и ореолъ древней Русской культуры. Такимъ образомъ эта Старина, занимательная съ перваго взгляда, для Русскаго патріота потомъ теряетъ слѣды перваго впечатлѣнія.

Изъ краткаго нашего обзора оказывается, что наша страна была съ искони собственностью, принадлежностью Варяжской Руси, положившей здѣсь древнія основы на столько мощной и прочной культуры, которую ни время, ни враги не могли поглотить и истребить въ теченіи много свыше тысяча-лѣтняго ея существованія. Заслуги этой культуры даютъ ей несомнѣнное право на присвоеніе себѣ исторіи страны, какъ въ отношеніи бытоваго устройства послѣдней, такъ и въ отношеніи многовѣковой борьбы, начавшейся у Руси, по изгнаніи Варяговъ за море, за судьбу ея съ массою враговъ, начиная съ Датчанъ и

Шведовъ и кончая Польшею; но враги наши не признаютъ ни правъ, ни значенія за нашею культурою, ни въ борьбѣ Русскаго народа за нее поучительныхъ подвиговъ, ни результатовъ, достойныхъ исторіи. Руссофобы указываютъ на древность и старожитность Польской культуры въ нашемъ краѣ, которая и въ Литовской Руси не могла въ теченіи болѣе значительнаго періода времени и безъ вмѣшательства въ судьбу послѣдней посторонннхъ защитниковъ, никогда добиться полнаго признанія. Представители погибшихъ культуръ: Рыцарской и Польской Мантейфель и Крашевскій присвоиваются къ нашей древней мѣстной культурѣ, рисуясь съ позднимп вывѣсками своей пропаганды на нашихъ древнихъ селитьбахъ, въ изданномъ ими вкупѣ, въ 1878 году, твореніи: „Польскіе Инфлянты со взглядомъ на 7-п вѣковую ихъ давность“,—напечатанномъ въ Познани на Польскомъ языкѣ, гдѣ сочинителемъ этой процедуры является Мантейфель, а представителемъ его, какъ пишущій предисловіе (przedmova) къ этому произведенію, Крашевскій,—корифей Польскихъ романистовъ. Собственно говоря, водвореніе Польши, оставшееся безъ протеста сосѣдей, можно считать только со времени Андрусовскаго договора. Но господствованіе Датчанъ и Шведовъ въ нашей странѣ было древнѣе Поляковъ. Почему же эти народы не пишутъ своихъ исторій о своей старожитности въ нашей странѣ, тогда какъ Датчане оставили въ нашей странѣ слѣды своей болѣе древней хорографіи, напр. Дагда и Грамское болото? Но что значатъ при подобномъ остромъ вопросѣ всѣ эти вывѣски, что значитъ самая религія, навязанная паническими мѣрами рыцарей и іезуитовъ, и даже языкъ фешенебельнаго полякующаго класса? Что мѣры Римской куріи не успѣли привиться къ этой старой нашей Руси и во время высшаго могущества первой, на то можно указать много доказательствъ, изъ которыхъ мы упоминаемъ объ извѣстномъ предостереженіи канцлера Льва Сапѣги, обращенномъ къ Іосафату Кунцевичу. О вывѣскахъ мы не говоримъ, какъ дѣлѣ произвола, но что касается языка, то Польша только въ 1699 году рѣшилась объявить его офиціальнымъ въ нашемъ краю, пользуясь заключеніемъ мира съ Петромъ В., во время войны съ Карломъ XII; однакожъ и въ 1750 году мы находимъ офиціальные Польскіе документы на Русскомъ языкѣ, напр. при Бродайжской церкви Люц. уѣз. Никакія насилія, никакая инквизиція, не могли совратить всего края не только признать католицизма, но даже и, по возвраще-

ніи къ Россіи Литвы и Бѣлоруссіи, мы застаемъ здѣсь значительную массу православныхъ, устоявшихъ противъ этихъ насилій. Ни одной страны, кажется, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, въ которой народъ столько бы страдалъ, сколько страдалъ въ нашей странѣ Русскій народъ отъ произвола фанатизма цивилизованной пропаганды, вслѣдствіе каковой борьбы Европейская интеллигенція находитъ его грубымъ, невѣжественнымъ и остающимся въ примитивныхъ формахъ своего быта. Пусть будетъ правдой подобный приговоръ, но за то наша страна свободна отъ упрека въ революціяхъ, въ измѣнѣ своимъ принципамъ и завѣтамъ своихъ предковъ, которымъ остался вѣрнымъ нашъ Русскій народъ при всѣхъ своихъ страданіяхъ, поразивъ нѣкогда грозныхъ для Европы враговъ креста Мусульманъ, спасши ее не разъ отъ анархіи и терроризма, памятникомъ чего въ Вильнѣ сохраняется, какъ Священный Палладіумъ Византійско-Русской культуры, походная церковь, блаженной памяти Государя Императора Александра Благословеннаго, въ которой представители побѣжденныхъ Наполеономъ I народовъ преклонились предъ Русской Святыней за освобожденіе отъ порабощенія грозному властолюбцу. Отвѣчая, наконецъ, послѣднимъ словомъ на притязанія пришельцевъ на ихъ старожитность и культурныя заслуги въ нашей странѣ и на Литвѣ, мы припомнимъ слова молодой жены изъ аллегорической пѣсни, приведенной нами въ одномъ изъ эпиграфовъ этого очерка: „Во полѣ березонька стояла“, слова, такъ внушительно предостерегающія Латинскую пропаганду отъ попытокъ въ Русской землѣ: „Вы гудки, не гудите, стараго мужа не будите“. Да, если и попытка древней Римской цивилизаціи, при всей ея силѣ, сдѣлалась только достояніемъ могильнаго звука, выражаясь словами поэта Пушкина, находящимися въ патетическомъ монологѣ Алеко, начинающемся словами: „Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ, о Римъ, о громкая Держава!“, то какая же судьба должна постигнуть корыстную, хвастливую и коварную пропаганду, оставляющую по себѣ только слѣды фанатизма, народной ненависти и самообольщеній? При всемъ своемъ дружелюбіи, гостепріимствѣ и вѣротерпимости Русскій народъ не дойдетъ до такого индеферентизма, чтобы служить господству въ своей землѣ чужихъ національностей и поступаться въ пользу ихъ достояніемъ своей древней самобытной культуры.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Іоаннъ Грозный предъ судомъ Норманистовъ за Римскій вопросъ и Мономахову Шапку или филологическія иллюзіи передовыхъ ученыхъ при изслѣдованіи о происхожденіи Русскихъ Варяговъ и Мономаховой Шапки, разрушающіяся при изученіи памятниковъ древней Русской письменности и хорографіи нашей страны.

	Стран.
Происхожденіе въ Русской исторіи Римскаго вопроса и Норманской теоріи.	1 — 4
Попытки Нѣмецкихъ ученыхъ доказать зависимость Русской культуры отъ другихъ народовъ.	4 — 5
Оригинальныя ошибки филологовъ при объясненіи ими древняго названія города Люцина и договоровъ Олега и Игоря съ Греками.	5 — 12
Объясненіе изъ хорографіи нашей страны значенія названій у пословъ Олега и Игоря.	12 — 23
Ошибки ученыхъ при объясненіи географіи нашей страны. . .	23 — 26
Ошибки юристовъ противъ нашей хорографіи	26 — 28
Связь нашей страны съ традиціями Русскаго народа, отрицаніе ихъ Терновскимъ и нападеніе его на Іоанна Грознаго за тенденціи этихъ традицій, въ особенности, за коронованіе его Мономаховой Шапкой	28 — 34
Извращеніе Терновскимъ лѣтописнаго разсказа о короновании Владиміра М. Шапкою Мономаховой.	34 — 39
Крайнія ошибки Терновскаго при отрицаніи имъ дѣйствительныхъ фактовъ.	39 — 46
Неправильное пониманіе Терновскимъ лѣтописнаго разсказа о Мономаховой коронѣ	46 — 54
Неправильный взглядъ К. Аксакова и Костомарова на историческія заслуги Іоанна Грознаго.	54 — 57
Истинное значеніе Іоанна Грознаго по приговорамъ Французскихъ и Англійскихъ писателей.	57 — 68
Значеніе нашей хорографіи при изученіи доисторическаго быта нашихъ предковъ.	68 — 72

ГЛАВА I.

Стародавнія гнѣзда по нашимъ гаямъ Дивной Жаръ-Птицы, съ ея Павами и Соловушками, подъ обороною Рыковъ-Рикалей, Орликовъ-Рогалей, Вороновъ-Воркалей, Галчатъ-Врасокъ и Соколовъ-Подлетовъ или станицы Русскихъ старожилцевъ въ нашей странѣ и на Днѣпровскомъ верховьѣ.

	Стран.
Аборигены нашей страны.	72 — 75
Сличеніе нашей хорографіи съ хорографіею Паноніи.	75 — 76
Культурная, воинская, административная терминологія нашей хорографіи.	76 — 80
Княжескія дружины.	80 — 85
Характеръ языческаго одеона нашихъ предковъ.	85 — 86
Связь нашей хорографіи съ Смоленскою.	85 — 86
Объясненіе словъ. князь, козакъ и вечій, названій Варяжскихъ дружинъ и Видовъ.	86 — 91
Варяжскія помѣстья подъ Смоленскомъ.	91 — 92
Значеніе дружины Рыковъ, значеніе нетей.	92 — 93
Объясненіе дружинъ и Даровъ.	91 — 93
Слѣды Греческаго одеона въ нашей странѣ.	94 — 95
Названіе страны.	95 —
Варяжская генеалогія.	95 — 96
Паденіе Варяговъ, предѣлы Варяжской земли.	96 — 98
Выдѣленіе нашей страны изъ прочей Русской земли.	98 — 101

ГЛАВА II.

Историческія заслуги Варяжской культуры въ классической странѣ и на востокѣ Европы.

Неправильное причисленіе Сегюромъ Русскаго народа къ Норманскому племени и клеветы его на враждебное отношеніе Русскихъ къ Европейской цивилизаціи.	101 — 104
Остатки Римской хорографіи въ нашей странѣ.	104 — 107
Происхожденіе словъ: чивиль и навель, и родственная связь нашихъ государей съ домомъ Августа и его преемниками.	107 — 110
Три основныхъ барьера у Даро-варовъ во время Римской имперіи.	110 — 111
Объясненіе языческаго одеона Руссовъ.	111 — 115
Ошибка Шестакова при объясненіи имъ имени Геры.	115 — 117
Значеніе Константина В. въ судьбѣ Варяговъ.	117 — 119
Происхожденіе Датскихъ Нормано-Варяговъ изъ нашей страны, составлявшихъ грозу Франціи	119 — 124

ГЛАВА. III.

Священная колыбель Россовъ и слѣды борьбы ихъ въ нашей странѣ съ гидрою Латинской пропаганды за Вѣру и культуру.

Стран.

Доказательства происхожденія Руссовъ или Рассбутовъ изъ Индіи. 124 — 126

Безупрочность принциповъ Русской культуры въ сравненіи съ принципами рыцарской культуры; различіе Варяго-Русса отъ Варяго-Нормана; ошибки юристовъ при опредѣленіи слова: „видокъ“. . . . . 126 — 130

Несправедливыя притязанія рыцарей на званіе культуртрегеровъ нашей страны; жалобы Нѣмецкихъ писателей на упадокъ небываллаго процвѣтанія рыцарской культуры въ нашей странѣ, протестъ въ преданіяхъ Латыша противъ вступленія Полякующихъ Литовцевъ въ нашу страну, пресловутая старожитность Польской націи въ нашей странѣ, провозглашаемая Крашевскимъ и Мантейфелемъ. . . . . 130 — 137

Блестящій Палладіумъ Русской культуры въ столицѣ Литвы съ 1812 года. . . . . 137 — 140

Карта земли Варяжской Руси. . . . . .

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

На 5-й стран. сверху, стр. 5 опущено. „Такъ Мантейфель въ своей Польской Лифляндіи причисляетъ древнюю Русскую фамилію Рыковыхъ въ число Нѣмецкихъ, измѣняя ее въ Рюкъ, Рекке и Рекъ (стр. 46), или Русское слово анбаръ измѣняя въ Камбарсъ, какъ производное отъ Kammer (стр. 36), или причисляя Русскія поселенія къ Польскимъ, что оказывается изъ одного ихъ названія, напр. Масальская, Дехтяревка, Пуща и Щуцкъ и т. д

На 6 стран. 28 стр. сверху опущено: „Указавъ сосѣдями Лензанинъ: Линь, т. е. Ливовъ, Друговитовъ, т. е. Дреговичей и Вервіянъ. т. е Варяговъ или Веровъ, Константинъ Багрянородный очевидно подъ Лензанинами разумѣетъ нашихъ Лудзанъ. Его Вусгардъ мы приурочиваемъ не къ Кіевскому Вышгородку по примѣру другихъ ученыхъ, но къ нашему Вольконбергу, называющемуся въ простомъ народѣ, до сего времени, Высьгородокъ или Высунгородокъ, т. е. городокъ Высуна богатыря

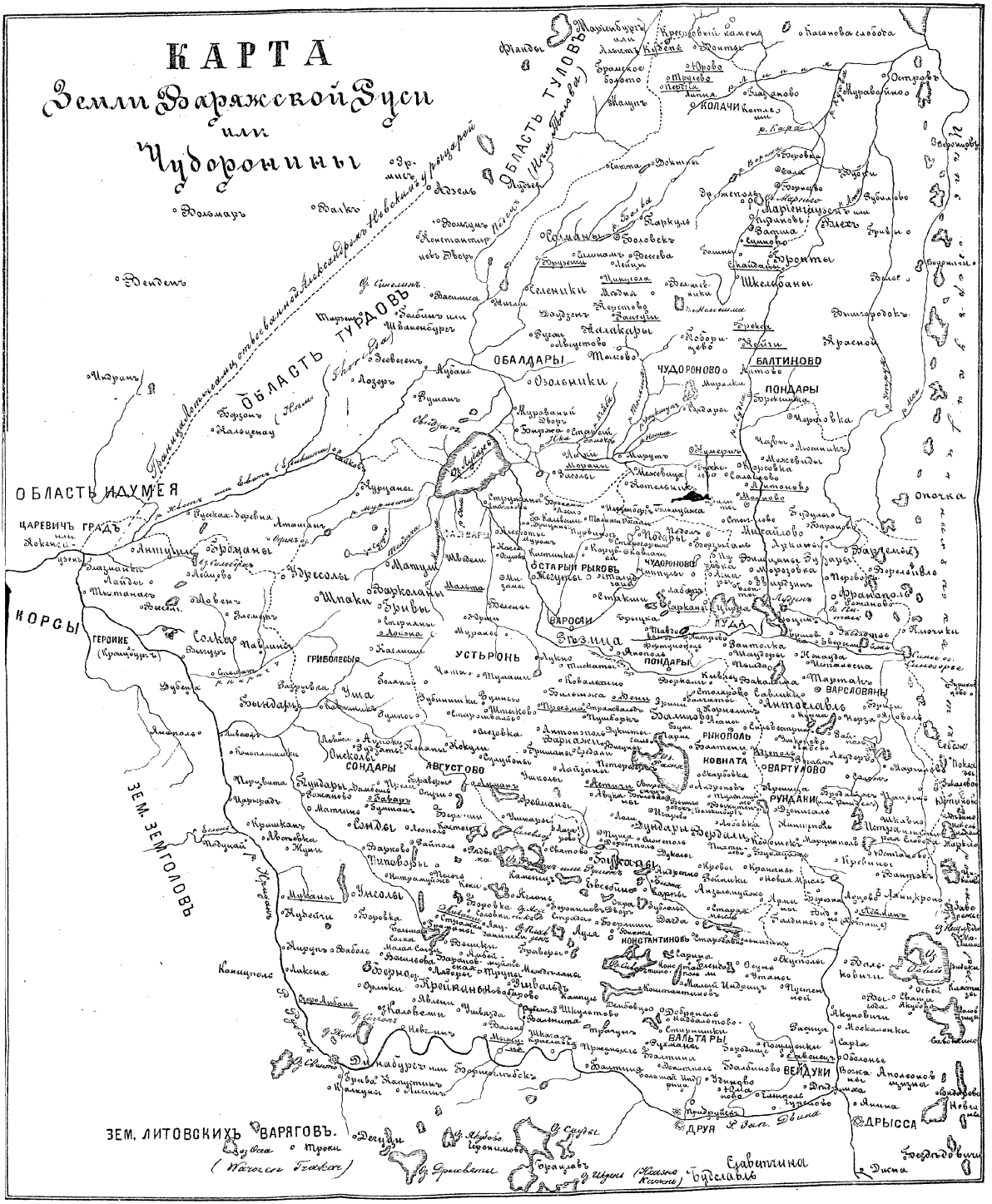
9 стран. 20 стр. Вмѣсто κυγγύς слѣдуетъ читать κουγγής.

15 стран. 12 стр. Гунами назывались также Угры Финскаго племени.

15 стр. 22 стр Алвадъ можетъ происходить отъ общаго корня съ словами антабать, нарабатъ, каковыми словами назывались у Римлянъ гладіаторы. Быть можетъ отъ слова батъ происходитъ древнее слово батырь, т. е. боецъ.

15 стран. 5 стр. Слогъ альдъ находимъ въ имени Аскольдъ или Аскальдъ. Слогъ аскъ или эскъ значитъ старшій. Слово Дирь произошло изъ слова „деръ или дарь“.

76 стран. 4 стр. Тискады можетъ быть произведено отъ слова Тисковары—пос. у оз. Балатона; слѣдовательно Тискады были Варяжскіе дружинники.


КАРТА
Земли Варяжской Руси
или
Чудоронины
ОБЛАСТЬ ТУЛОВ
ОБЛАСТЬ ТУРДОВ
ОБЛАСТЬ ИДУМЕЯ
ЗЕМ. ЗЕМГОЛОВ
ЗЕМ. ЛИТОВСКИХЪ ВАРЯГОВЪ.
ОБАЛДАРЫ
ЧУДОРОНОВО
БАЛТИНОВО
ПОНДАРЫ
ОСТАРЫЙ РЫКОВ
ЗАРОСЛИ
УСТЬРОНЬ
ГРИВОЛЕСЬЕ
СОНДАРЫ
АВГУСОВО
КОВНАТА
РИКПОЛЬ
ВАРТУЛОВО
РУНДАНИ
КОНСТАНТИНОВЪ
ВАЛЬТА ГЫ
ВЕЙДУКИ
ДРЫССА
ЦАРЕВИЧЪ ГРАДЪ
КОРСЫ
ГЕРОИКЕ
ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ
Мариенбургъ или Алентъ
Кремлевый камень
Кренова слобода
Мантуй
Колачи
Муравьино
Острово
Юрьево
Трубчево
Перетна
Тиманово
Борисово
Скайбаны
Шкелябаны
Красное
Балтиново
Понтородокъ
Чудоронево
Обалдары
Пондары
Останый Рыков
Заросли
Устьронь
Гривольесье
Сондары
Августово
Ковната
Рикполь
Вартулово
Рунданы
Константиновъ
Вальта гы
Вейдуки
Дрыссa
Друя
Двина
Борисоглебскъ
Полоцкъ
Витебскъ
Смоленскъ
Ельня
Дорогобужъ
Вязьма
Ржевъ
Тверь
Торжокъ
Волоколамскъ
Можайскъ
Звенигородъ
Москва
Коломна
Рязань
Муромъ
Владиміръ
Суздаль
Переславль
Ростовъ
Ярославль
Кострома
Галичъ
Нижній Новгородъ
Городецъ
Балахна
Казань
Вятка
Пермь
Вологда
Устюгъ
Двина
Онега
Архангельскъ
Холмогоры
Соловецкій монастырь
Кемь
Сумской посадъ
Кандалакша
Колгуевъ
Новая Земля
Вайгачъ
Югорскій Шаръ
Обь
Карское море
Ледовитое море
Ледовитый океанъ
Ледовитое море
Ледовитый океанъ
Ледовитое море
Ледовитый океанъ